

Огни

№ 5 МАРТ 1976

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
МОСКВА

ДЕЛЕГАТ XXV СЪЕЗДА КПСС
РАБОЧИЙ
ВЛАДИМИР КАМЫШНИКОВ

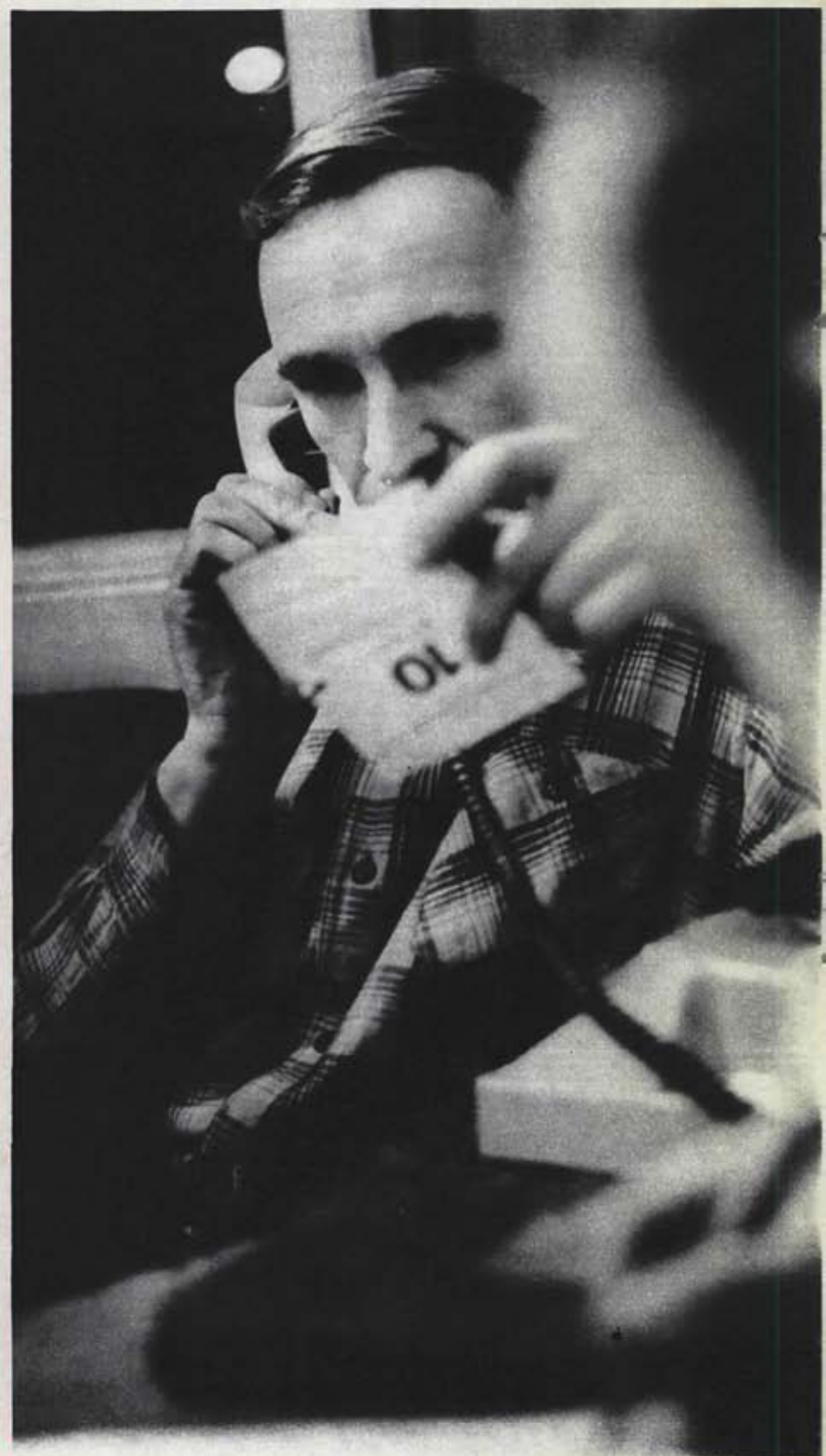
XXV СЪЕЗД КПСС

**ЗНАЧИТЕЛЬНЫЕ,
ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ,
ВОЛНУЮЩИЕ ДНИ...
ОНИ НАВСЕГДА ОСТАНУТСЯ
В НАШИХ СЕРДЦАХ!
ФОРУМ КОММУНИСТОВ СТРАНЫ,
ОБОЗРЕВАЯ
ДОСТИГНУТОЕ ПАРТИЕЙ
И НАРОДОМ,
НАМЕЧАЕТ НОВЫЕ ВЕХИ
ДВИЖЕНИЯ
ПЕРВОГО В МИРЕ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО
ГОСУДАРСТВА
К КОММУНИЗМУ.
«СЛОВО СДЕРЖАЛИ!
ВОЗЬМЕМ НОВЫЕ РУБЕЖИ!
XXV СЪЕЗДУ КПСС РАПОРТУЕМ!» —
ВОТ СМЫСЛ ТЕЛЕГРАММ,
ПОСТУПАЮЩИХ
В АДРЕС СЪЕЗДА.
ЛЕНИНСКИЙ КОМСОМОЛ,
СОВЕТСКАЯ МОЛОДЕЖЬ,
РАПОРТУЯ
XXV СЪЕЗДУ ПАРТИИ
О СВОИХ ДЕЛАХ
И СВЕРШЕНИЯХ,
ДАЮТ СЛОВО ЖИТЬ
И ТРУДИТЬСЯ
ПО-КОММУНИСТИЧЕСКИ,
ИХ БОЕВОЙ ДЕВИЗ —
«ПЯТИЛЕТКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ
И КАЧЕСТВА —
ЭНТУЗИАЗМ
И ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ!»**

ПАРЕНЬ И

Коммунист

ЛУЧШИХ СВОИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПОСЛАЛИ КОММУНИСТЫ НА XXV СЪЕЗД КПСС. СРЕДИ ДЕЛЕГАТОВ—МОЛОДОЙ БРИГАДИР БАРНАУЛЬСКОГО ШИННОГО ЗАВОДА ВЛАДИМИР КАМЫШНИКОВ. ДЕСЯТУЮ ПЯТИЛЕТКУ ОН ОБЯЗАЛСЯ ВЫПОЛНИТЬ ЗА ТРИ С ПОЛОВИНОЙ ГОДА.

Э ЗНАТНОГО РОДА

Зоя АЛЕКСАНДРОВА

Вроде бы очень простая у Героя Социалистического Труда Владимира Степановича Камышникова фамилия для того, чтобы быть редкой. Однако за четверть века на Алтае я встретила ее рядом с фамилией Владимира Ивановича Камышникова лишь однажды — в 1974 году, читая списки передовиков производства, награжденных орденом Ленина. Потом кавалер ордена Ленина В. И. Камышников стал депутатом Алтайского краевого Совета депутатов трудящихся, однако и тогда я не стала выяснять, находится ли он в родстве со знаменитым председателем колхоза. Казалось, если молодой Владимир Иванович и одного роду-племени с пожилым Владимиром Степановичем, то прямой преемственности все равно не установишь: один потомственный хлебороб, другой двигает вперед самую молодую на Алтае отрасль химической промышленности. Во всяком случае, разговор о трудовой династии в том смысле, как мы ее понимаем обычно, тут не заведешь.

Но вот на краевой партийной конференции одним из делегатов XXV съезда

У ДЕПУТАТА ВСЕГДА МНОЖЕСТВО НЕОТЛОЖНЫХ ДЕЛ.

НА КОНВЕЙЕРЕ — БАРНАУЛЬСКИЕ ШИНЫ.

КПСС от алтайских коммунистов был назван все тот же рабочий Барнаульского шинного завода В. И. Камышников, и воображение заработало активнее, ибо, подумала я, окажись все же Владимир Иванович одного со старшим Камышниковым корня, легко можно будет доказать преемственность если не в профессии, то в отношении к труду.

Ну, конечно: Владимир не то что копия своего сельского дяди, но очень похож на него. Так вот и получилось, что начало очерка о молодом рабочем человеке будет, как в старинном романе — какого знатного рода наш герой.

Владимир Степанович хоть и остался на всю жизнь в селе, не всегда занимался сельским хозяйством. Вернувшись с фронта, пошел в школу, в которой учительствовал и до войны. Эту профессию «выбрал» для него отец — председатель первой в их округе коммуны. Для того, мол, мы и боролись в гражданскую и строили социализм в деревне, чтобы наши дети увидели свет знаний и понесли его дальше. Учителем стал и другой сын Степана Николаевича — Иван, отец «нашего» Владимира.

Однако в трудные послевоенные годы, когда часть колхозников подалась в город, «общество» обратилось к Владимиру Степановичу: кому, дескать, как не тебе, встать во главе колхоза, чтобы выправить положение и всем нам вместе выйти в люди. Решающее слово произнес старый коммунар. Он осветил сыну обстановку с высокими идейными позициями, с которых рассматривал все вопросы жизни, и заключил: «Берись».

Владимиру Степановичу часто употребляет слово «патриот» в случаях, когда, кажется, уместнее были бы менее громкие определения. Но, прислушавшись,

приглядевшись и разобравшись, начинаешь убеждаться в том, что, помимо общего, широкого смысла, Камышников с полным основанием вкладывает в это слово еще и конкретный, ничуть не противоречащий общему и не обедняющий его. Патриотом Владимир Степанович называет слесаря, который по собственному почину в страду днем работает в мастерской, а ночью — на жатве. Ветрача, который взялся совмещать свои обязанности с работой зоотехника. Словом, всякого, кто без лишнего слов берет на себя больше, чем от него требуется. Патриотизм для Камышникова — это суть человека.

Что касается Владимира-младшего, то с сельской почвы он снялся не своей волей — в Прокопьевск родители переехали, когда сын не мог еще выразить никакой воли, поскольку шел ему в ту пору второй год. Однако в возрасте двенадцати лет он самостоятельно вернулся в деревню к деду, к которому очень привязался, несмотря на эпизодические встречи. Там Володя к пятнадцати годам закончил восьмилетку плюс дедову «школу патриотизма» и с таким багажом поступил в Барнауле в техникум.

Мог бы, наверное, и окончить его. Но тут судьба приготовила первое испытание для его характера — на очередной сессии не вытянул на стипендию. И сумма-то не ахти какая, да и лишился он ее, надо думать, не навсегда. Но как сказать о провале родителям, как огорчить проводившего его с добрыми напутствиями деда? Владимир принял, быть может, и не самое мудрое, зато для подростка мужественное решение — в расчете только на свои силы. Он получил паспорт и устроился учеником на

завод транспортного машиностроения имени Ленина. И, не теряя времени, в вечернюю школу. Хороший рабочий лучше, чем плохой студент — этим он собирался утешить деда в ближайшее же время. «Сам же учил: главное — не что делать, а как», — мысленно убеждал он деда, стоя у станка. Простояв одну смену, Владимир порой просился и во вторую. И мастера, бывало, шли на нарушение трудового законодательства под нажимом тихого, но упорного паренька.

Когда настала пора идти в армию, Владимир пошел служить не неудачником каким-то, временно задержавшимся на заводе, а вполне сложившимся рабочим человеком.

Экскурс в детство и отрочество Камышникова, чья биография и всего-то исчисляется двадцатью семью годами, понадобился мне для того, чтобы объяснить, откуда взялось то, что ныне выдвинуло его в ряды передовых людей страны. Героями пятилеток ведь не рождаются, не становятся вдруг. В предыстории же и ключ к объяснению дальнейшего поведения Камышникова, который после армии не вернулся на прежнее место работы, как можно было ожидать от последовательного в своих поступках человека, а поступил в ГПТУ при Барнаульском шинном заводе. «Так нужно было», — говорит Владимир.

Однако нужно это было не ему лично. Время, когда Камышников что-то делал лишь ради собственного самоутверждения, прошло. Просто новому в Барнауле предприятию — шинному заводу — нужны были люди. Особенно такие, как Камышников, со всесторонней армейской закалкой. Они, конечно, не были лишними и на соседних предприятиях, в том числе на «Трансмаше», где с радостью встретили бы своего воспитанника. Но завод транспортного машиностроения имени Ленина работает в Сибири уже более тридцати лет, там сложились и производство, и основные кадры, и свои традиции. А на шинном все только начиналось. Как это принято в промышленности, осваивать новое производство приехали специалисты с родственных предприятий, главным образом с Омского шинного. Они сотрудничали со строителями, монтировали и отлаживали оборудование. Словом, заказчик и подрядчик на этой строительной площадке находили общий язык, так что коллектив молодого завода в срок осваивал очередные мощности.

Однако трудности были. И главная из них — нехватка кадров. Городской комсомол обращался к молодежи с призывом помочь заводу, а сам завод старался приобрести хорошую репутацию: об успехах его молодежных бригад стали поговаривать чаще. На новом предприятии позаботились и о том, чтобы у рабочих были хорошие «бытовки», в столовых вкусно кормили, чтобы после ночных смен людей развозили по домам свои, заводские автобусы. Еще шло освоение производства, а барнаульские шины, пока несовершенные, потребители брали, что называется, с колес.

Надо, ну, конечно, надо было шинному заводу, чтобы Владимир Камышников откликнулся на призыв.

Второй причиной, из-за которой выбрал он довольно трудную по физическим нагрузкам специальность сборщика шин, была перспектива после профтехучилища сравнительно быстро осво-

Наша обложка:
рабочий
Барнаульского
шинного завода
Владимир
КАМЫШНИКОВ.

Фото
Сергея ПЕТРУХИНА

1 КОММУНИСТ.
«ПАРЕНЬ ИЗ ЗНАТНОГО РОДА». Рассказ о делегате
XXV съезда КПСС Владимире КАМЫШНИКОВЕ.

2 «ПАРТИЯ — ЭТО МИЛЛИОНОВ ПЛЕЧИ...». СТИХИ.

4 ПУТЬ В РАБОЧИЕ. «ТОВАРИЩ ГРУППА».

8 Рассказ Вячеслава ШЕРЕШЕВА
«ДЕНЬ ПОСЕЩЕНИЙ».

11 НОВОЕ ИМЯ.
Стихи НИНО КУТАТЕЛАДЗЕ.

12 «ПО ДОРОГАМ ИДУТ МАШИНЫ».
Бригадный подряд на транспорте.

15 ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «СМЕНЫ», «ЗАВОДСКОЙ РАЙОН».

16 Александр УРБАН.
«УЛИЦА С ДВУСТОРОННИМ ДВИЖЕНИЕМ».

18 «ПРОШУ СЛОВА!»
«ТРУДНАЯ ЛЮБОВЬ».

20 Повесть немецкого писателя Эдуарда КЛЕЙНА
«И СТРОЙ СОМКНУЛСЯ».

23 СТАДИОН «СМЕНЫ».

24 СИЛУЭТЫ.
Юрий НАГИБИН. «ЛЕСКОВ».

28 НАУКА: ГЕНЕТИКА.
«БЕЛЫЙ ЧЕРНЫЙ ЛИС».

Главный редактор А. А. Лиханов

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашин, А. П. Кулешов, В. В. Луцкий (заместитель главного редактора), В. Г. Победоносцев (ответственный секретарь), Р. И. Рождественский, Е. И. Рябчиков, В. А. Саюшев, Г. В. Семенов, А. П. Середа, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков (главный художник), Д. Н. Филиппов.

Художник О. С. Теслер. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

Партия — Э

Алексей ШЛЫГИН

Юрий КОРТНЕВ

Коммунист

Он себе не выхлопочет бронь,
Понимая, что нужна броня.
Человеком ринется в огонь
И легендой выйдет из огня.

И когда взойдет на пьедестал,
Это никого не удивит:
Он не вдруг таким, гранитным, стал —
Коммунист всегда был, как гранит.

г. Владимир.

Людмила КУДРЯВСКАЯ

Столица

Ни сил своих, ни денег не жалея,
терпением золотым запасишься впрок,
ты обойдешь театры и музеи,
Москву изъездишь вдоль и поперек.

Увидишь храмы, залы галерей,
метро, проспекты, площади, мосты...
Но если не стоял ты в Мавзолее,
уверена, ты не поймешь Москвы.

Рука

Как сотни рек в большой реке,
все собирается в руке.
Расчеты, воля и сердечность,
хлеб-соль

и атомный огонь,
конец всему
и бесконечность —
все это вложено в ладонь.
Пустое сердце не опасно,
пока не стала злой

рука.
Она чувствительна
и властна.

То тяжела,
а то легка.
В руке награды и напасти.
На мир она и на беду.
Рука вершит!

И наше счастье
в руках, прирученных
к труду.

ить профессию и прилично зарабатывать.

— Мы все после армии не сбрасывали со счетов материальный фактор, — признается парторг первого сборочного цеха Г. И. Радыгин. — Вернулись домой, а прежние одежды трещат в плечах, рукава не достают до запястья. Надо и приодеться и позаботиться о создании семьи...

Что ж, дело житейское, Владимир тоже не исключал возможности близкой женитьбы и, как человек, привыкший к самостоятельности, должен был подумать о первейшей обязанности главы семьи.

Но это уже шло у него вторым планом. На первый сразу и бесповоротно вышли станок, цех, завод. Впрочем, в первые два года больше именно станок. Владимир расправлялся с тяжелыми шинами так, словно они весили вдвое меньше, чем на самом деле. Работа ему нравилась — не бездумная и не безлика. На каждой шине стоит «автограф» сборщика. Правда, всего лишь в виде присвоенного номера, но в случае, если будет обнаружен брак, допущенный именно на сборке, уже ни за кого и ни за что не спрячешься. Цель свою в то время Камышников видел в одном: с его станка должно сходить больше, больше, больше шин. И хорошего качества. И бил он в нее, эту цель, со всей присущей ему одержимостью.

Никто не может сейчас сказать, когда это началось. Наверное, идея носилась в воздухе. И первый шаг к ее осуществлению сделал Петр Зубаха. Он и постарше Камышникова, и опытом побогаче. Сборщики, стоящие на одной линии, то есть выпускающие шины одного, определенного размера, объединились под руководством Зубахи в бригаду. Казалось бы, ничего в принципе не изменилось. Стой каждый сдельщик у своего станка и «гони» свои штуки. За бригадой запишут сумму сделанного всеми за смену. Но

объединение произвело сдвиг в психологии людей, каждый почувствовал себя членом коллектива. А это, в свою очередь, дало экономический эффект в масштабе цеха, всего завода. Теперь, если брали в бригаду новичка, то заболелся о его профессиональном росте уже не только официально прикрепленный наставник, а всякий, кто в данную минуту имел для этого наилучшую возможность. Появилось у ребят чувство ответственности друг перед другом. Опоздал, поленился — подвел всю бригаду. А как после этого помотришь людям в глаза?

Вскоре по такому же типу были сформированы другие бригады, и между ними вспыхнуло плодотворное трудовое состязание. В общем, справедливо будет сказать, что Петр Зубаха и его товарищи поставили на службу экономике преимущественно социалистических производственных отношений.

Петр Зубаха наверняка и далее развивал бы плодотворную идею на практике, но дирекция и партком завода решили, что его незаурядные организаторские способности, диплом техника, который он должен был вскоре получить, выдвигают его в ряды командиров производства. Как ни жаль было Зубахе расставаться со станком, он принял предложенный пост начальника смены.

К этому времени в бригаде вырос новый лидер — Владимир Камышников. Начальник цеха В. Е. Бубенко употребил именно этот термин. Камышникову такое определение действительно подходит — что называется, ни прибавить, ни убавить. Во-первых, он лучше всех в своей бригаде знает станок, технологию сборки. А ведь ничто так не покоряет профессионалов, как мастерство. Поэтому те, кто начинал работу в цехе с учебы у Камышникова, до сих пор почитают его за учителя.

Итак, признанное мастерство. Вторых, открытый, общительный характер, доброжелательность...

Что еще? Вот мнение членов бригады: Владимир ГОРДЫМОВ. Бывает, что бригадир не только помогает, но и выго-

ГО МЫЛЛИОНОВ ПЛЕЧИ..

Леонид ЛАПЦУЙ

Вся тундра морозом объята,
она—как огромный ледник.
И темные тучи куда-то
ползут и ползут каждый миг.
Она до весны будет сонной,
на вид нелюдимой и злой.
Лишь изредка зимнее солнце
подарит свой луч золотой...
Однажды, в морозное утро,
я это запомню навек—
струя нефтяная над тундрой
взлетела из скважины вверх!
Был путь до открытия труден,
но верили: нефть под землей.
И вот уж подставили люди
ладони под брызги ее.
Как зайчики, прыгали блики—
морозного солнца привет.
Мы праздник встречали великий—
нефть вырвалась нынче на свет!

Перевел с немецкого
Владимир ШЛЕНСКИЙ.

Рыгор БОРОДУЛИН

Пароль совести

С военного детства
Я с ними знаком...
Суровой,
Блокадной порою,
Как флаги, слова
«Коммунисты»,
«Райком»
Взошли над моею
Судьбою.

Шли не за наградой
И не за пайком,
А просьбу,
Как правду святую,
Несли земляки
В партизанский райком:
— Пошлите на передовую!

На древе надежды
В годину тревог
Пророс я

Побегом огнистым,
Солдат,
Что назвал меня нежно:
«Сынок!»,—
Конечно же,
Был коммунистом.

Привык
Напрямик,
Как в атаку,
Рывком!
Не шел я дорогой
Кружной.
Он мой,
Он со мною,
Товарищ райком,
Мои коммунисты
Со мною!

Перевел с белорусского
Иван БУРЦОВ.

Билал САИДОВ

Чечня

Прославясь трудолюбием извечным
И благородной гордостью своей,—
Ты с каждым днем все хорошеешь, Чечня,
Цветешь в калейдоскопе светлых дней,
Да будет счастье это бесконечным!

Природа здесь сердечна, как и люди,—
Не иссякают щедрые дары.
И в праздники перерастают будни...
Мы—от веков, мы, как Эльбрус, стары,
Но юными душой большой
да будем!

Переросли мы вековые рамки.
И сыновья в грядущее идут
С душою чистой, как роса на травке,
Готовые на подвиг и на труд,—
Да будет хлеб их ежедневный сладким!

В горах суровых воцарился свет.
Простор искусства, творчества, науке.
И путеводен ленинский завет:
В великом братстве сомкнутые руки,
Да будет так
отныне и вовек.

Перевел с чеченского Николай КОТЕНКО.

варивает. Однако никто на него не обижается, потому что он справедлив и критикует за дело.

Николай ЛУЗЯНИН. Когда подводят смежные цеха или случаются какие-нибудь неполадки, Владимир идет и добивается, чтобы их устранили. Добивается, понятно, не ради себя—ради всех. А ведь он такой же сдельщик, как и все остальные, и за бригадирство ничего дополнительно не получает. Камышников всегда сумеет убедительно доказать свою правоту и выправить самое трудное положение.

Ольга Салова. Еще нам нравится, что Камышников—хороший семьянин, он подает отличный пример в этом смысле остальным молодым мужьям и отцам. Мы на праздничные вечера собираемся семьями, прекрасно знаем друг друга, и от этого атмосфера в бригаде еще дружнее.

Ввиду всего перечисленного выдвинутый из рабочей среды лидер и взялся освоить тот производственный резерв, который был заключен в дальнейшем совершенствовании бригадной организации труда. А он, этот резерв, был, как теперь кажется, у всех на виду. Однако сборщики подошли к нему не сразу.

Когда цех вулканизации хорошо берет со сборки покрышки, что бывает не всегда, сборщики в такой момент готовы увеличить собственные «обороты». Но для этого надо, чтобы и заготовки к ним шли убыстренными темпами. Бригадир бежит к резчикам и браслетчикам: «Девушки, милые, поторопитесь!» Но он был бы плохим руководителем, если бы полагался только на призывы. И Владимир, не откладывая, обсуждал с ребятами ситуацию и отражал кого-нибудь помощником на заготовительный участок. Оставшиеся сборщики «нажимали» за него на станках.

Кончался квартал, и коллектив сборщиков за перевыполнение заданий и победу в социалистическом соревновании получал премию, а резчики и браслетчики—нет (ведь они тогда формально не входили в бригаду). Ребята испытывали неловкость, особенно бри-

гадир, вообще остро чувствующий любую несправедливость. Цветы, конфеты—это, конечно, по-джентльменски, но благодарные жесты не могли считаться серьезным решением вопроса...

Бригадирство принесло Камышникову дополнительные хлопоты. Но подняло вместе с тем его самого на некую новую ступень. Собственные «штуки» давно уже перестали быть для него той единственной экономической категорией, которой он мыслил вначале. Ныне Владимир предложил: включить в бригаду и резчик и браслетчик, поставить оплату их труда в зависимости от конечного продукта, то есть от количества и качества готовых шин, сходящих с линии. Родился такой вариант не вдруг, поэтому ничего сверхнеожиданного в предложении Камышникова ни для начальника, ни для других руководителей цеха не было. Бубенко, который в недавнем прошлом сам работал сборщиком, не только сразу понял, что новшество диктуется производственной необходимостью, но и фактически стал его соавтором.

Камышников считает, что к командным должностям в промышленности люди должны идти «от станка». Никакая вузовская производственная практика не даст будущему инженеру того, что он приобретет, походив сам в рабочих. Только так можно досконально постигнуть суть не все, но основные технологические процессы. И, что не менее важно, психологию рабочего.

— Вот сейчас поставили меня временно начальником смены,—рассказывает Владимир.—Конечно, инженерных знаний не хватает. Но я иду по участку и сразу вижу, у какого станка следует остановиться. Только взгляд бросил: ага, воздуха мало подает. Молча исправлю, и сборщик уже понимает свою ошибку.

К Камышникову тем более стоит прислушаться, что он не путает рабочую гордость со снисхождением. Есть ведь еще такие, что бьют себя кулаком в грудь, как будто в ней только и живут искренние чувства и высокие стремления. Вла-

димир уважает всякий труд. А теперь полностью оценил нагрузку организатора производства.

Вышло так, что к сборочному присоединили часть расформированного соседнего цеха. Пришлось срочно посылать туда специалистов. Камышникову временно, на организационный период, предложили заменить одного из начальников смен. Правильно, Владимир пошел бригадирскую школу и показал себя способным организатором. Но человек в очередном отпуске! За последние пять лет он использовал его по-настоящему только раз, когда ездил по туристической путевке в Болгарию. В остальное время брал отпуск, когда у жены Нины начиналась очередная экзаменационная сессия. И сидел с дочками. Производство тут ни при чем, но ведь все знали, что бригадир давно не отдыхал.

Вот тут и настало время сказать о Камышникове, пожалуй, самое главное. Администрация действовала наверняка: кто угодно мог отказаться, только не Камышников. Ведь этот человек ночь не будет спать, если, скажем, вулканизаторщики задерживают сборку и его ребята простаивают. Он места себе не находит, случись ему услышать на каком-нибудь совещании, как критикуют шинников. Словом, патриот, как сказал бы его дядя.

— На кого ты стал похож?!—сердится Нина на мужа.—Насквозь уже светиться скоро будешь. Я понимаю, нужно болеть за производство. Но зачем, например, ты вчера сборщикам сам подтаскивал протекторы? Мне же ребята все рассказали...

— Ничего ты не понимаешь,—вразумляет ее Владимир.—Во-первых, у меня такая конституция, и ты никогда меня не раскормишь, как ни старайся. А во-вторых, я таскал тяжести потому, что не сумел как следует распорядиться.—И перевел все в шутку:— Не умеешь работать головой—работай руками, а смену проведи, как положено. И учишь на своих ошибках.

Но лучше бы уж он не задевал больно для Нины вопроса. Для нее дальней-

шее образование мужа стало большей заботой, чем для него самого. Дело в том, что еще шесть лет назад, в год свадьбы, Нина поступила в Барнаульский пединститут, поскольку ни о какой другой профессии и слышать не хотела.

Оказалось, что эта хрупкая женщина обладает незаурядной волей, за все пять лет, несмотря на то, что родила за это время двух дочек, она не брала ни одного академического отпуска. Нина получила диплом, преподает литературу и русский язык в том профтехучилище, которое когда-то окончил ее муж. Так что теперь Владимира взяли под плотную опеку святители «разумного, доброго, вечного»—жена, отец, мачеха, теща...

Пока Нина училась, супруг, по ее понятиям, ждал своей очереди. И вот теперь, когда он поступил в Алтайский государственный университет на заочное отделение (по специальности планирование производства), Нина тревожится: после такого перерыва надо усиленно заниматься, особенно математикой, в чем она помочь не может, а у Владимира всегда не хватает времени. Помимо депутатской работы, на нем обязанности члена парткома завода, члена районного комитета партии. «А он же, видите, какой?»—говорит Нина.—Ничего не может делать без полной самоотдачи. Бригада взяла обязательство выполнить десятую пятилетку за четыре года, а он сам—за три с половиной. Это означает: все его рабочее время уплотняется так, что дух некогда перевести. А со свободным временем, думаете, лучше?—не унимается жена.—Львиная его доля уходит на общественную работу. Поэтому выкроить лишний час на учебу не так-то просто. Вот я и переживаю за Володю...»

А сам Владимир Камышников, улыбаясь, говорит так: «Хорошая у меня жена, потому и переживает. Но огорчаться ей из-за меня не придется. Я вот тут для себя целую программу на ближайшие пять лет наметил. И производственную и учебную. А раз я что-то наметил—значит, выполняю».

Путь в рабочие

Мы любим ездить. Поезда, постукивая по рельсам, везут нас отдыхать, работать, строить новую судьбу. Но в поездах мы пассажиры. Мы спокойно глазеем в окна, радуясь веселой корове, щиплющей траву, плотине, перегородившей реку, новому морю... Мы пьем чай, слушаем музыку, разговариваем со случайными попутчиками. И пока мы, пассажиры, радуемся ритму движения, в длинном составе идет напряженная профессиональная жизнь: нас везут, за нас и наш покой отвечают, отвечают ежеминутно. Регуляторы, быстродействующие выключатели, компрессоры—в поле зрения бессонных подтянутых людей—железнодорожников. Машинисты, их помощники, слесари, проводники—вот от кого часто зависит судьба тысяч людей, спешащих в эту минуту к пунктам своего назначения.

Так же, как в любой профессии, есть и у железнодорожников своя смена: готовится она любовно и бережно в профтехучилищах. 53 года существует московское училище № 129 по Каланчевской улице, 26,—лауреат премии Ленинского комсомола. Этого высокого звания училище удостоилось за заслуги в подготовке и воспитании молодых рабочих кадров.

Ребята приходят сюда из разных школ после восьмого класса. Мечта, семейные обстоятельства, иногда не слишком сознательное отношение к учебе в школе... мало ли какие причины приводят юного человека в училище. Конечно, с теми, кто с детства мечтал стать железнодорожником, работать легко: они схватывают необходимые знания на лету, они уже подготовлены духовно к своей профессии, так как стремились узнать о ней и у родителей и у специалистов, наверняка кое-что читали. Но в тринадцать-четырнадцать лет далеко не каждый знает, кем он хочет стать, не каждого жизнь столкнула с мастерами или яркими учителями, сумевшими помочь обнаружить свои способности.

ЗАНЯТИЯ ПО ЭЛЕКТРОТЕХНИКЕ. ОТВЕЧАЕТ АНАТОЛИЙ ШИМАНОВСКИЙ.

Татьяна ОШАНИНА.
Фото Альберта ЛЕХМУСА.

В десятой пятилетке в системе профессионально-технического образования будет подготовлено примерно 11 миллионов квалифицированных рабочих, в том числе со средним образованием около 5 миллионов человек.

ТОВАР ГРУП

ИЩ
ЩА

И часто с первых же минут начинаются неприятности: двойки по запущенной математике или физике, беспомощность на практике, невнимательность и излишняя оживленность на уроках. И в конце первого месяца безжалостно встает вопрос об отчислении.

В группе М—3—4, например, хотели отчислить за успеваемость Виталия Трушина. А Николая Петрова за равнодушие к специальности—перевести в другую группу. Под ударом был и Саша Кобзев: он не справлялся ни с учебой, ни с самим собой, исповедуя как принцип жизни анархизм. Сергей Фомичкин, Юра Грибков, да и другие, тоже были абсолютно не подготовлены к учебе в училище.

Что делать Галине Николаевне Зайцевой, классному руководителю, и Александру Александровичу Лебедкину, мастеру по производству? Группа М—3—4 пока не группа, просто собрались в одних стенах тридцать мальчишек, которым через три года придется доверить жизни миллионов людей.

И началась борьба за то, чтобы профессия стала любимой. Руководители группы не отчислили никого—это был первый шаг тяжелой борьбы за создание группы.

Группа! Это значит: у тридцати человек одна цель, одни задачи, общая профессия—помощник машиниста. Нужно выработать общие навыки труда, общее чувство ответственности, способность прийти друг другу на помощь в трудную минуту... Как это сделать? Вот о чем задумались педагоги. Им помогло само училище, где началось интересное соревнование за звание лучшей группы—резерва бригады коммунистического труда.

Его условия одновременно просты и сложны. Они требуют и хорошей учебы, и достойного поведения, и профессионального совершенства: умелого обращения с молотком и компостером, ножовочным станком и плоскогубцами. Чтобы мгновенно, за короткую остановку сориентироваться, обнаружить неполадки и суметь их исправить, нужны не формальные знания, нужно чувствовать каждую деталь поезда, знать ее на ощупь. Разве тут обойдешься теоретическими знаниями, данными на уроках в классе?!

Наступление повелось сразу со всех фронтов.

Галина Николаевна сказала ребятам:
— Не может быть ни в обществе, ни в группе каждый сам по себе. Давайте создадим коллектив. Давайте для начала забудем все прозвища и клички и будем звать друг друга по именам.

Так начинается неформальный подход к каждому явлению и событию.

Пришли на помощь и другие педагоги. Петр Филиппович Шубников сумел сразу же заинтересовать ребят их будущей профессией. А попадая в кабинет электровозов,

РЕБЯТА ИЗУЧАЮТ УЗЛЫ ЭЛЕКТРОВОЗА.

мальчишки видят настоящую живую машину, которая после поворота рычажков и нажатия кнопок заводится. При этом открыта внутренняя жизнь ее—только смотри, трогай руками детали, постигай машину! Преподаватель Владимир Филиппович Бобух, бывший выпускник училища, вместе с ребятами смоделировал схему электрического оборудования электровоза.

Практику ребята проходят в настоящем депо, куда возвращаются электрички после рейса. Сосредоточенные, гордые, они сами ощупывают, как врачи больного, гайки, гармошки для охлаждения двигателей, изоляторы, сами производят мелкий ремонт.

Естественно, что товарищество прежде всего рождается в общем труде, во взаимной помощи и добросовестности, когда каждый человек не пассажир в большом пробеге жизни, а деятельный, активный участник. Но естественно также и то, что воспитание чувства товарищества, чувства ответственности требует и индивидуальной работы с каждым человеком.

Руководителей—два. Разграничить их функции и обязанности очень трудно—чаще всего они оба участники любого события: похода, вечера, диспута... Но если все-таки попробовать разделить сферы их влияния, получится приблизительно так: Александр Александрович, или, как его зовут ребята, Сан Саныч, отвечает за профессиональное мастерство, Галина Николаевна—за нравственное воспитание. В поле зрения и того и другого каждый ученик, причем с разных сторон. Не слепое повиновение, не внешняя благовоспитанность с таким привычным для детей покаянием «Я больше не буду» нужны руководителям. Им нужно органическое рождение настоящего человека. Это достигается только любовью к детям, полной отдачей себя.

Галина Николаевна входит в класс с радостной улыбкой, а оставшись наедине с мастером или другими педагогами, признается:

— Не могу я на них сердиться. Дети они еще. Растут. Прощать надо ошибки.

И она прощает. Как ни странно, это действует на ребят отрезвляюще—они не хотят ее огорчать и изо всех сил стараются...

Она везет ребят в Брест. Водит их, молчаливых, по музею. На другой день они приходят снова. И снова молча, неотступно следуют за экскурсоводом и Галиной Николаевной—взволнованные, растерянные. На третий день они опять здесь—ходят теперь сами. Их трехдневное молчание было для Галины Николаевны дороже любых, самых красивых рассуждений. А Юра Грибков и Володя Горячих долго искали опаленный кирпич, опаленный во время войны... Нашли, взяли с собой. Вместе с горстью брестской земли.

Галина Николаевна заново переживает те дни. «Лучше стали ребята после поездки, что-то в них, в каждом, переломилось». Четырех—Грибкова, Шимановского, Горячих, Храмцова—приняли там в комсомол. Она задумывается и неожиданно говорит:

— Мне кажется, теперь рождается коллектив...

За какую ниточку потянуть, чтобы человек открылся? Стихи ли он любит, любит говорить или слушать? Кто он, сидящий рядом с тобой в классе товарищ?

Они заговорили по-новому, мальчишки группы М—3—4.
— Понимаете, там березовая роща красивая! Поедем, а?

«Там»—это в Домодедове, где карьеры. И группа едет в карьеры. Поставить палатку, двести метров пробежать, соревнуясь, воды нанести...

— Давайте вечер проведем о Есенине. Я стихи его люблю.

— Предлагаю в Ленинград махнуть на каникулы. В Эрмитаж ходим...

И если вначале замечалось лишь внешнее в человеке (например, когда у Сережи Фомичкина—у первого!—появились усы, только и разговору было, что о них. Сережинными усами буквально заболели: рисовали на переменах, приносили картинки, а когда он сбрил их, расстроились, словно отнял он у ребят хорошую игрушку), то позже не усы, не щербатый зуб и не прическа по новой моде определяли для ребят человека: «Фомичкин очень добрый, Фомичкин—товарищ хороший, Фомичкин не подведет!»

«Что посеешь, то и пожнешь»—одна из любимых поговорок Сан Саныча.

— А потому делай людям хорошее. И они тебе хорошим ответят.

Очень огорчается он, если парень ленив или если набедокурит исподтишка. Не любит он и хамства, прикрытого веселенькой улыбочкой. Действует в таких случаях безжалостно.

На первый взгляд Александр Александрович много строже Галины Николаевны, но объясняет это:

— Как же мне не быть строгим? Вот проболел я

несколько месяцев, ребята и разболтались. Теперь в ритм их ввожу!

Он, видимо, прав. Ввести в ритм нужно. И помочь ребятам организовать себя, избавиться от лени и слабости нужно. Преодолеть себя, победить себя трудно. Именно в этом и заключается становление человека. «Должен», «могу» — критерии высшей ответственности перед собой и людьми, рождению которой способствовало и то, что каждому в группе предложили серьезное поручение. Культорг, физорг, казначей, комиссар, редактор — все поручения одинаково интересны и серьезны. Только первое время приходилось учить ребят выполнять их. Контроль комсорга Виталия Миквуленко, ежемесячные отчеты перед группой, — думается, что теперь решение основных вопросов зависит от самих ребят.

Они растут. Расширяется кругозор, все более сложной и яркой становится их жизнь.

— Летом мы в Байкале умывались. Тайга кругом — здорово. В Усть-Баргузине были. А через него машины на БАМ идут — для туннельщиков. Мы — зачем? С агитбригадой ездили, контакты с бурятским железнодорожным училищем устанавливали.

— У нас завтра «круглый стол».

— Больше всего мне запомнился наш первый поход. Сан Саныч в карьер свалился, когда мы палатку ставили. Почему в карьеры ходим? Труднее там...

— Недавно мы смотрели «Колонистов» Макаренко. Тяжело им было начинать.

— Как училище закончим, каждый год встречаться будем — 30 августа.

— В ЦДКЖ мне нравятся устные вечера. Писатели выступают.

— Знаете, однажды Галина Николаевна наша заболела, нам урок отменили. Так мы на электричках катались. Туда — назад. Я к машинисту устроился — еле упротисл. Форма помогла. Сидел не дыша. Рельсы, рельсы... дух захватывает! Едем — вдруг рукав отсоединился. Ну, я починил...

— Мы не только в Домодедове... в Тучкове были, в Абрамцеве, Крюкове.

— Дисциплина... это особая статья. У нас не может ее не быть. Опоздаю я — график полетит. Во-первых, авария может быть. А потом... подсчитали мы: в вагоне 110 человек, в составе 10—12 вагонов. Из-за меня 1320 человек опоздают на работу, к врачу... Приходится выработать характер. Трудно...

— Пальников наш книгами увлекается. Он вообще слишком серьезный.

— У нас свой артист есть — Юркин Миша. Любую фразу в смешную переделает. Комик.

— Котляров, Молотков, Калугин, Прокофьев сами радиоприемники и магнитофоны собирать могут. Ерунда это для них. А я не могу. Мне трудно.

Говорят сами ребята. И часто повторяют слово «трудно». Познакомившись с ними, понимаешь: им в самом деле очень трудно. Трудно, несмотря даже на помощь Галины Николаевны и Александра Александровича. Не сразу же изменится школярская психология, не быстр путь из мальчишек во взрослые. Трудно было Саше Кобзеву перестать быть анархистом, научиться подчиняться. Трудно было Николаю Петрову, избавившись от равнодушия, полюбить свою специальность. Трудно было Виталию Трушину начать как следует учиться.

А сейчас... Кобзев — один из лучших на производстве: за смену выполняет две нормы. Петров влюблен в свою будущую профессию. Трушин — член профкома, председатель совета командиров, выдвинут в горком комсомола.

Полтора года не прошли зря. Цель, которую поставили перед собой руководители, еще не достигнута, группа еще не завоевала права называться резервом бригады коммунистического труда, но предпосылки — нравственных, учебных и профессиональных — уже достаточно. Самое главное, за полтора года проявились индивидуальности, и из них уже образовался коллектив, в котором люди тесно связаны между собой.

Сосредоточенный, с чуть грустными глазами Боря Пальников — фантазер, романтик. И очень застенчив. Но все чаще он теперь раскрывается: рассказывает ребятам о книгах, которые запоем читает, стихи взволнованно, но чуть скомканно проговорит, а то неожиданно целую лекцию прочтет, например, о парапсихологии. Энциклопедистом прозвали его ребята. Комиссар он в группе, незаменимый человек.

А Сережа Иванов еще совсем ребенок. Про себя говорит бесконечно выдумывать небывлицы. Однако же он специалист по всем вопросам быта и техники, обо всем может высказать компетентное мнение.

Кирюхин ворчит: «Я у вас самый нелюбимый». Это он говорит мастеру, а сам глазами смеется. Лентяй большой и самый большой трудяга, только зажечь его требуется... Если скажешь, что для общества надо, горы своротит.

А Молотков Игорь — бесшабашный, шальной, кого хочешь заведет, закружит.

Сергей Захаров себе цену знает. Как-то загорелся во дворе бак. «Сережа! Беги! Туши!»

А Сережа не шелохнется. Невозмутимо так говорит: «Зачем бежать? Вон в воротах пожарная машина».

Это хорошо, что у нас быстро работает аварийная помощь. Но не всегда же так просто будет разрешена сложная жизненная ситуация. Умница, яркая личность, начитанный и остроумный, Сергей Захаров, конечно, не однозначен. Он один из лучших учащих, один из лучших в профессии. Но, может быть, ему все-таки научиться бежать, даже если въезжает в ворота пожарная машина?!

Группа в пути. Она далеко не идеальна, как всякая организация, состоящая из тридцати разнохарактерных человек, но ее отличает какое-то удивительное внутреннее стремление к совершенствованию. Видимо, это идет

от руководителей. Сан Саныч в свободное время с удовольствием занимается с ребятами математикой (сам он учится в институте), наиболее трудным предметом. И Галина Николаевна щедро отдает им время и знания. Ребята отвечают щедростью на щедрость.

Отличает эту группу и то, что она не замкнута в себе. И ребят и руководителей влечет к себе наполненная, широкая жизнь страны, которая дает импульс для совершенствования, расширяет кругозор, связывает воедино, в один клубок разные на первый взгляд явления — уроки, профессию и нравственное кредо человека.

— Что такое счастье?

Ребята напряжены, как всегда в трудную минуту, сосредоточены. Они должны ответить Галине Николаевне искренне, точно так, как думают.

ТЕПЕРЬ ЭТО КОЛЛЕКТИВ ДРУЖНЫЙ И СПЯННЫЙ.

РЕМОНТНЫЕ РАБОТЫ В ЦЕХЕ.

УМ—ХОРОШО, А ДВА—ЛУЧШЕ.

И они отвечают.
 — Счастье—это поступить в наше училище.
 — Счастье—когда любимая работа.
 И то, что говорит это именно Коля Петров, вызывает и в ребятах и в руководителях особую радость.
 — Счастье—это встретить любимого,
 — это жить для других,
 — это чтоб войны не было.

Трудно достичь гармонии, о которой мечтает Галина Николаевна для своих ребят. Но ребята уже не равнодушны, уже растревожены, уже разбужены: они сами теперь не хотят плохо учиться, неинтересно жить, хотят быть счастливыми. Еще полтора года до выхода в большую жизнь, но, наверное, симптоматично то, что происходит сейчас в цехах депо, где чумазые, сосредоточенные ребята колдуют над «заболевшими» электричками. Если первое время мастер без конца поучал, наставлял их, то теперь, когда появилось в руках мальчишек умение, этот же мастер ласково ворчит:

— Попривык к ним-то. Хорошие ребята—работяги...
 И с удовольствием смотрит, как, постукивая, возвращаются на линию исправленные его питомцами электрички, возвращаются, чтобы вновь везти пассажиров. Пятнадцатилетние ребята—теперь его резерв, его смена, которой он по праву гордится... Лосяцкий Михаил Трофимович (мастер аппаратного цеха), Шатилов Николай Федорович (колесный цех), Резчиков Леонид Васильевич (автотормозной) дали ребятам знания и умение!

А для пятнадцатилетнего помощника машиниста теперь самой желанной музыкой звучат трудные, непонятные для случайного человека наименования составных машины.

Дифференциальное реле. «Что этр?» Уверенно звучит голос Володи Прокофьева, работающего в аппаратном цехе: «Реле предохраняет от сгорания тяговые двигатели, отключает ток, идущий через эти двигатели, предупреждая перегрузку и короткое замыкание». Другой голос, чуть взволнованный, но тоже уверенный: «Здесь три реле: одно отвечает за компрессор, другое—за отопление, третье—за динамомтр». «Что такое динамомтр?»—спрашиваю я растерянно. Ребята смеются и немного снисходительно объясняют...

Тележки, колесные пары, тяговые электродвигатели, рессорное подвешивание, тормозная рычажная передача—все знакомо и уже подаластно ребятам.

Счастливого пути, группа М—3—4!

Боль разбудила его до рассвета. Вчера ему ломали ногу, потому что кость срасталась не так, как хотелось бы врачихе, и сейчас он лежал, пялясь в потолок, стараясь забыть о собственной ноге, смахивающей из-за гипса на чудовищный белый валенок, подвешенный как бы отдельно от Ефимова к хитроумной конструкции над кроватью. В палате на четверых Ефимов был один — последнего соседа вчера выписали, а новеньких еще не поступало — и подсчитывал, четверг сегодня или среда: четверг был днем посещения. Если все-таки четверг, то придет Клава, а может, и кто с завода, хотя бригаде, наверное, не до него: сдача...

До судоремонтного завода Ефимов работал на мясокомбинате и благодаря главному инженеру, с которым росли когда-то в одном дворе, числился техником-технологом, хотя не мог отличить грудники от корейки. Ефимов был там производственным фотографом, и, кроме форматов на пропуску, снимков новой продукции со Знаком качества и портретов для Доски почета, делать ему ничего не приходилось. Из-за этого он и ушел.

Клава долго переживала, что он отказался — сам! — от ненакладной должности летописца славных дел пищевигов. Подперев ладонью щеку, она сидела против него за столом, печально вздыхала и смотрела, как Ефимов ест: в тарелке у нее был борщ.

— Опять вздохи? — хмурился Ефимов и клал ложку.

— Ты кушай, кушай. Простынет же! — пугалась Клава. — Папа, милый, да я

РАССКАЗ

Рисунок Евгения ШУКАЕВА

ДЕНЬ ПОСЕЩ

разве против того, как тебе хочется?! Тебе — полная свобода... Но как самому-то не надоело? Люди подумают: летун какой... Все крутом растут, а ты... Сам же говорил: товарищ твой — главный инженер...

— Я тоже расту, Клава: внутри. Потому снаружи и не видно, — серьезно говорил Ефимов. — Я это даже вот тут чувствую. — Он проводил по лбу косточками пальцев. — Я, Клавочка, думаю... Хочу окончательно разобраться.

— В чем?

— Да в себе сначала...

— А... — разочарованно вздыхала Клава. И говорила устало: — Кто же знает, Андриуша, как ты там, внутри-то, вырос?

— Хотя бы ты...

— Разве что я?.. Бросил такую интеллигентную работу! В костюмчике ходил, с галстуком... Ну, получаешь ты слесарем больше. А много я тебя теперь вижу? Только и разговоров: экстра, экстра... Люди подумают: пьяница.

— Ну, потекла Волга в Каспийское море! — Ефимов снова откладывал ложку.

— Ты кушай, кушай! — пугалась Клава, но у него уже пропадал аппетит.

Она страдала, и Ефимов это видел. Неужели из-за какого-то пустячного непонимания вянет любовь?! Тогда это не любовь... Да какая Клаве разница, кто он? Был бы человек... Неужели она так тщеславна?.. Ефимов как-то вычитал в одной книжке интересную фразу неведомого ему мудреца: «... Да, люди, вступившие в брак, должны вечно жить вместе в наказание за глупость, которую они совершили, поженившись». Кто был этот самый мудрец, Андрей не знал, но

ЕННИЙ

фраза понравилась, и он выписал ее в свою клеенчатую тетрадь, сбереженную с армии. — в тетрадь он выписывал подобные вещи, если жаль было их забывать. Замечание было смешным, но и дельным, как всякая настоящая шутка, в которой есть доля правды. Но когда Андрей соотносил эту шутку с собой и Клавою, ему отчего-то становилось не по себе, он начинал мучиться, тосковать...

Клава была моложе Ефимова, но относилась к нему как-то снисходительно, точно и он вроде их сына Альки тоже был несмышляшкой. Ефимова любили девушки и до Клавы, но такого единения, как с Клавою, он ни с кем не испытывал. Хотя и раздражало ее вечное «кушай». Андрей терпеть не мог, когда вместо имени Клава звала его «папа», — и терпел... Если по утрам, застегивая бесчисленные пуговицы, кнопки и крючки, она, опаздывая на работу, одевалась при нем, Ефимов ругал ее: ведь любимой должно быть свойственно некое таинство, недосказанность. Ругал и — невзначай бросив на нее взгляд — тайком любовался ее мягко округленными плечами, гладкой матовой кожей, на которой светились рыжеватые дождевики веснушек.

Улыбкой ли своей, когда невозможно было не улыбнуться в ответ, гибкой ли фигурой, легкой, но плотно влитой в платье, прельстила она Ефимова, горловым ли смехом своим, которому отдавалась, не помня себя, — спроси его, он бы не ответил. Его одновременно и бесило и притягивало то, что жила она легко и бездумно и любила много смеяться всяким пустякам, а говорила скучные, известные ему со школьных лет истины.

Но каждое утро, уходя на завод, он уносил с собой ее глаза и смех, походку и руки. Вдруг в самый разгар работы, когда и закурить-то было некогда, да и нельзя, напылило откуда-то ее лицо, — и среди солярки, бензина и нагретого железа слышался чудовый запах ее волос. Тогда Андрей задумывался, бессмысленно уставясь куда-то перед собой, и кто-нибудь из ребят добродушно хлопал сзади по плечу:

— Эй, кореш, уснул?

За две этих долгих болезненных недели Ефимов о многом передумал, вместе и в отдельности вспоминал эти три года после демобилизации, как бы прокручивая все повторно, в отрывках.

То виделся ему сухой док: взнуданный надежными тросами пароход медленно втягивался в него и молчаливо застывал у размеченных суриком линий, покорный воле малосеньких по сравнению с ним людей. Щели, зияющие в стенах дока, начинали жадно всасывать воду, выпивая ее до дна. Тогда море, бережно опуская судно на изогнутые спины киль-блоков, быстро уходило, точно проваливалось, и на склизком бетоне оставались мелкие, сразу просяхающие лужи, в которых испуганно копошились мягкие крабики-травянки. Пароход беспомощно, как диковинное морское животное, лежал теперь на суше, выпятив ржавое, бурое и мохнатое от налипших ракушек днище. Ефимову всегда почему-то было жаль его, этот пароход: такой оголенный и неуклюжий здесь, в чуждой ему стужии арматуры, деревянных мостков и трапов, всевозможных кабелей, спящих шаров электросварки и еще влажного бетона, на котором медленно проступали под солнцем белые, как иней, разводы соли.

То вспоминались Ефимову штормовые ночные смены перед самой сдачей судна. Ребята, как и мастер участка, считали эти часы, прозванные «экстрой», чем-то неизбежным в корабельном деле. По заводу гуляла шутка: «Ремонт не кончают, а прекращают». Андрей сначала не мог понять ее, потом понял. В часы «экстры», порою глубокой ночью, перекусывали здесь же, в тускло освещенном чреве машинного отделения; задремывали минут на десять; дружно, всей бригадой ругали вечную «незавершенку» капитального ремонта и... расходились по своим рабочим местам. Всеми заправляло одно слово: сдача.

В ту ночь Андрей заканчивал выверять подшипники Его Величества Гребного Вала. Он возился в узком, полутемном отсеке, где на массивных тумбах, похожих на стальные округленные шкафчики, покоился вал — поваленная вдоль борта толстенная стальная колонна, тускло отливающая салом. Развернув веером блестящие лепестки шупа, похожие на заглаженные, без насечки, пилочки для ногтей, Ефимов тыкал его в зазоры, ловя размер, и окончательно, после нескольких рядов замеров, убедившись, что допуски соответствуют норме, с легким сердцем уже стал собирать инструмент, когда учуял едкий запах дыма.

Тянуло из длинного, стиснутого к корме конусом коридора, через который проходил вал от машины к винтам.

Он до сих пор помнил, как запершило в горле от этого дыма, как защипало в носу, сбивая дыхание и выдавливая слезы. Дымом потянуло сильнее, и, пройдя вперед неверными, сбивающимися шагами, Андрей увидел у закрытой почему-то двери в машину чадные языки пламени, отраженные, как в черном мраморе, в луже разлитой солярки. Сама солярка пока не горела, но пламя было опасно близко от нее, а Ефимов сонно и бездумно глядел на огонь, выхватывающий из темноты то зеркальный кругляш вала, то колено маслопровода, пережваченное, точно полями шляпы, диском флянца, то брошенную в углу лампу-переноску. Он стоял, покачиваясь от усталости — наверху, на палубе, должно быть, уже разгоралось утро — и необоримого желания лечь и уснуть. Вот тут, прямо в отсеке, — лечь и уснуть. Стоял, все еще тупо соображая, чья же это лампа и почему она валяется здесь.

Ночное сознание все преувеличивает или преуменьшает так, что серьезное кажется пустяком, а пустяк — значительным. Поэтому брошенная в углу лампа-переноска казалась ему сейчас важнее занимавшегося на его глазах пожара.

В детстве Ефимов дважды видел пожары на своей улице: к трещащему, все пожирающему огню боязно было подойти. Но там пылали и рушились бревенчатые дома, а тут кругом были железки... Скажи ему кто полгода назад, что железки горят и страшнее (на металлических судах все смазывается соляркой от коррозии), Андрей бы не поверил, но теперь, кое-что уже смысла в корабельном деле, сам знал это наверняка. Поэтому что-то в нем спохватилось, толкнуло: надо сбить, затоптать это пламя, пока еще лезиво лижущее сваленную кучей ветошь. Он шагнул к ней — разбросать, погасить то, что уже разгорелось, чтобы не дать огню набраться сил и окрепнуть. И услышал что-то живое, дышащее.

Его напарник, слесарь Лешка Клягин, шупленький, маленький, которого, несмотря на его сорок три года, все так и звали по имени — Лешкой, лежал навзничь на мягкой груди чистой стиральной ветоши, запасенной на всю бригаду, и... спал. Во сне, одурев от дыма, сопя и кривясь, Клягин тянул руку к горлу, выпрастывая шею из толстого ворота водолазного свитера, точно шерстяной, вязанный крупной «резинкой» свитер невыносимо колот его кожу. «Нашел где дрыхнуть!» — Ефимов ожесточенно вцепился в плечи Клягина.

— Леха, очумел?! Сгорим, вставай!.. Да проснись ты, лешак дурной!

Клягин только жалобно мычал, голова его бессильно моталась из стороны в сторону...

Ефимов отпустил Лешку и метнулся к огню. От горячей пакли шел невыносимый смрад. Не помня себя, кашляя и матерясь, чего за ним вообще-то не водилось, Андрей плясал среди пламени, как язычник, с ненавистью вдавливая его каблуками в грязный и тоже весь промасленный пол. Потом бросился к Клягину, просунул руку ему под мышки и потащил к двери. Стальной, в пупырышках, лист пола, который тут звали пайолом, был сдвинут, и когда Ефимов подтянул обмякшее, неожиданно тяжелое тело шупленького Клягина к выходу, то вместо настила ощутил под собой пустоту: левая нога угодила в щель, точно в капкан. Андрей подался в сторону, поскользнулся в жирной луже мазута и нелепо грохнулся, подворачивая наружу ступню. И сразу — острая, пронзающая боль и тупой хруст еще где-то внутри: это на подвернувшуюся ногу мешком навалился Леха. Отчаянным усилием Ефимов дотянулся — таки до двери... Последнее, что он видел: вспышка света из машинного отделения, когда распахнулась дверь, и бегущего Рябушкина, схватившего наперевес огнетушитель с раструбом, наподобие старинного граммофона. Из раструба вырвалась клокоцущая, пенная струя...

— К вам гости! — сообщила после завтрака курносенькая Зина, дежурная медсестра. И в наброшенном на плечи халате явился перед Андреем мастер участка, прозванный шутниками ТТ, что, впрочем, расшифровывалось вполне мирно: «Точка-тире».

ТТ устроился на стуле и сказал:

— Побеседовал я с вашим лечащим... Толковая баба! — У мастера все женщины были бабами: так, видимо, ему было проще. — В общем, не переживайте, все будет путем.

— Я не переживаю, — сухо сказал Ефимов. Они с мастером не ладили с первого же дня появления Андрея в бригаде.

— Да? — поморгал ТТ. — А я вот, знаете, как-то беспокоюсь. Сам лично выколачиваю в профкоме для вас путевочку. Так что готовьтесь на курорт.

Ефимов даже растерялся от такой заботы о своей персоне. Сообщил это любой, кроме «Точки-тире», Андрей бы искренне взволновался и обрадовался. Но мастер неудовимо был ему в чем-то антипатичен, и Ефимов, скорее назло ему, вдруг сказал неожиданно даже для себя:

— Напрасно беспокоились... Я... я, наверное, уволюсь.

Мастер некоторое время переваривал сообщение Ефимова, часто-часто мигая белесыми ресничками: та-тата, та-тата... за что, собственно, и получил свое прозвище.

— Вот как... — сказал он наконец. — Вы это... серьезно? Обдуманно?

— Вполне, — легко, от души сказал Андрей, уже и сам веря, что это и серьезно и давно обдуманно им.

— Что же... — мастер опять помогал, — так уж трудно у нас?

— Не в этом дело... Экстра замучила. А я вечером учиться хочу.

— Ну и учитесь! Пожалуйста, в заочном. Что же делать?.. Без сверхурочных в нашем деле не обойтись. Премии-то, ее бесплатно не выдают: ее только — за досрочную сдачу.

— Так что же, выходит, мы ради премии стараемся? Низко же вы нас цените...

— Да нет, вы меня не так поняли... — растерялся ТТ. — Впрочем, раз увольняетесь, то это уже не существует... Теперь насчет Клягина...

— А при чем тут Клягин?!

— То есть как при чем? — Мастер искренне поразился. — Да вы лежите, лежите... — Он увидел, что Ефимов привстал на локтях. — Вы пострадали-то из-за него, вот он при чем... А если, не дай бог, инвалидность?

— Оклемаемся... — Ефимов опустил на подушку: снова заныла нога. — Сами же советовали не переживать.

— Конечно, конечно, — торопливо поправился мастер. — Но в отношении Клягина у руководства, между прочим, сейчас сложилось определенное мнение. Между прочим, отрицательное...

— Да ведь он на Доске почета!

— Сняли уже... — Мастер опять посемафорил кому-то: та-тата, та-тата... — Я распорядился... Ну какой он передовик? Рвач. Первостепенный рвач. Это же от его переноски возникло загорание. А почему? Ему, видите ли, некогда изолиро-

вать поврежденный провод. Он, видите ли, зарабатывал! А сам, кстати, спать завалился и—как следствие—угорел... В общем, не разглядел человека, каюсь... Пусть он вам спасибо скажет, что живой.

Та-ак... Вот оно как теперь поворачивалось. Но зачем он все-таки пришел? Зачем? Сообщить, что Лешка—врач? Это Андрей сам без него знает.

—Кстати,—спохватился мастер.—Чуть не забыл... Надо бы вам подмахнуть одну бумажку...—и полез под халат, в карман пиджака.—Вы лежите, лежите!.. Куда же она запропастилась? Ага, вот... Что вы пострадавший, ну и как свидетель, и все такое...—Ефимов молча смотрел на него. Мастер засуетился в поисках шариковой ручки.—Иначе, знаете, местком увольнение не утвердит... А так—все путем... Все путем.

Та-ак... Вот зачем он пришел. Ну уж нет!..

—Я ничего подписывать не буду,—сказал Андрей.—Лично у меня к нему претензий нет.

—Да?.. Ну, дело хозяйское... Только я не понимаю, какая вам разница? Все равно увольняетесь!

—Кто это вам сказал?

—Да вы же сами! Только что!..—ТТ замигал так, что веки, сливаясь с бесельными ресничками, стали похожи на две пленочки, как на глазах у диковинной птицы.—И вообще...—Он обиженно вскинул подбородок.—Я ведь ради вас, а не для себя. По закону, если что случится, Клягин вам выплачивать должен. За инвалидность...

—Да что вы из меня инвалида делаете!—вскипел Андрей.

—Боже упаси! Никто не делает... Просто вы молоды, а в жизни случается все. Не дай бог, конечно...

—Слушайте сюда.—Андрей подождал его согнутым в пружинку пальцем и, когда мастер послушно наклонил к нему голову, горячо зашептал:—Идите вы... путем!

«Точка-тире» отдернул ухо, точно пружинка, распрямившись, хлестнула его по щеке.

Лежание в одной позе—на спине—утомляло больше всего и не давало уснуть. Он только подремал немного и, услышав шумок осторожно придвигаемого стула, открыл глаза, привыкая к свету. Справа от себя, рядом с кроватью, на том месте, где сидел ТТ, он увидел светло-медовые, облитые воздухом чулок круглые колени. Клава сидела тихо в уголке, боясь потревожить его, соболезниюще качая головой и прикусив губу: переживала за Ефимова.

Перебивая друг друга, они торопливо обменялись новостями. Как всегда, новости эти сводились к Альке: как он ест в саду, каким новым словам выучился, какие новые слова изобрел сам. Андрей обещал Клаве все съест, что она принесла, а Клава в обмен обещала привести Альку в следующий раз, как попросил Андрей.

Потом она стала распаковывать сумку, доставать баночки с паптетом и сметаной, половину жареной курицы, кисель, фрукты, как все жены в таких случаях, только немного больше, как все молодые жены. Ефимову было приятно, что Клава так заботится о нем, и все же, несмотря на обещание, он вернул паптет, кисель и сметану: разом ему столько не осилить, а холодильник в заводской больнице нет.

Клава выбрала ему яблоко покрупнее и, захрумкав другим, спросила, навещают ли его с работы.

Ефимов давно убедился: Клава далека, ужасно далека от его заводских дел и дерганных мыслей, но все же ему было приятно, раз она спросила об этом, да и ледышка, оставленная посещением мастера, должна была растаять, и чем скорее, тем лучше. Нерешительно, затем все больше увлекаясь сам, он стал говорить ей о доке, о ребятах, о Клягине и в связи с этим о посещении ТТ.

Клава—вся внимание—кивала. Давно он не говорил с нею так доверительно, просто и деловито, как с товарищем, и сейчас оба обрадовались: она, что муж откровенен с нею, он, что жена понимает, все понимает у него. Умница!

—Ведь что получается?—жестукировал Андрей, досадливо отмахиваясь от Клавы, напуганной его горячностью.—Вылезли, к примеру, дизеля...—Он прочертил в воздухе воображаемый график, показывая, как именно «вылезли» эти самые дизеля. Это понятное ему черчение только запутало Клаву.—Вот нам говорят: сравните за три дня дизеля с трубопроводами—получите в двойном размере.

—Материальное стимулирование,—понимающе вернула Клава.

—Какое там стимулирование! Это, Клава, симулирование материальным стимулированием!—горячился Ефимов.—Он же так только людей развращает, этот ТТ, ну как ты не понимаешь!

—Да не думай ты за него,—улыбнулся он голос жены.—Не бреди себя, папа. Ты вот меня послушай, я ведь тоже работаю. И если я, кассир, буду в своем кафе в каждую неувязку лезть, кто тогда за меня мое исполнит?.. За чужие болячки ни я, ни ты не ответчики.

—Да ведь обидно! Разве я только за премию работаю?..

—Но вот ты высказал—и отлегло...—Клава расцвела.—Я, папа, тобой прямо горжусь, что ты у меня такой.

—Какой еще там?

—Сознательный. Как в газетах пишут... В словах душу изольешь, а в бутылку заглядывать, как другие, не позволяешь себе! Самое последнее дело, когда мужчина вином досаду заливают. Я и девочкам так говорю...

—И что... твои девочки?—угасающим голосом спросил он.

—Завидуют мне!—Глаза Клавы радостно сияли.—Это, говорят, прямо счастье тебе подвалило, Клава! Вот ты какой у меня...

—Нет, Клава! Ни черта ты не поняла, оказывается!..—И Ефимов устало откинулся на подушку.

—А ты меня не обидел...—Клава заботливо подоткнула ему простыню.—Я уже привыкла: ты меня и душой называл и мещанкой... Я тебя все равно люблю. Зелень в тебе еще бродит, от этого все. Двадцать пять процентов, а все мальчишка. Мальчишка мой дорогой!—Она нагнулась, и Ефимов, не зная, плакать или смеяться, покорно подставил лицо для поцелуя.

Когда она ушла, он долго лежал в тоске, понимая все яснее, что и захоти—все равно с ней, глупышкой, не разведется: после бессонной ночи, проведенной на крыльце роддома, когда на свет явился Алька, Ефимов не мог, просто не мог представить себя женатым на другой женщине.

Перед вечером он снова заставил себя заснуть, радуясь, что обманул поднимающуюся от ступни к бедру мозжащую боль. Но не тут-то было: растормошила Андрея курносенькая сестричка, она принесла порошок и велела выпить... Сестра ушла, и Андрей, чтобы не злиться, стал считать про себя: раз... два... три... четыре...

—Тюк... тюк... тюк...—считал кто-то вместе с ним. Ефимов повернул голову к окну, но вместо ожидаемой птицы увидел сквозь стекло толстогубое лицо Рябушкина, расплющившего нос о стекло так, что он побелел и казался треугольным.

—Тюк... тюк... тюк...—осторожно выстукивал Рябушкин щепотью пальцев, другой рукой держась за карниз.

—Раму, раму толкни: не заперта!—отчаянно артикулируя ртом, чтобы Рябушкину было понятнее, беззвучно закричал Андрей.—Не заперта!

Рябушкин понял, толкнул раму, боязливо, по-мальчишески озираясь, влез на подоконник и грузно, но мягко спрыгнул на паркет.

—Здорово, герой! Не соскучился?

—Ты чего в окно, не пустили, что ли?—спросил Андрей.—Садись, да прямо сюда,—показал он, и Рябушкин осторожно уместился на краюшке койки, подпернув остро затупленные грани штанин, уже выпачканных, впрочем, шпукатуркою.—Чего в окно лез, спрашиваю?

—Да Зинка не пустила, курносенькая! Я ее вот с таких знаю, а не пускает, и все тут. Посещения, говорит, от сих до сих, а если каждый будет ходить, когда вздумается, что тогда выйдет?—засмеялся Рябушкин, показав крупные белые зубы.

—Несолидно, несолидно...—поддел Андрей.—Ветеран труда, отец семейства, дочь—невеста, и—через окошко... А если все так, что тогда будет?

—Так мне, может, обратно вылезть?—усмехнулся Рябушкин и запустил руку в подозрительно оттопыренный карман. Андрей ждал, что он вытащит чекушку, но Рябушкин вынул два альпиниста.—Держи!

—Спасибо... Ты в оттуле, что ли?

—Ну да... Ты извини, что мало: больше не осталось,—простоудушно признался Рябушкин.—У меня эти девчонки-то—не уследил, когда и съели!..

—Да что ты,—сказал Ефимов,—меня жена здесь закармила.

—Приветы тебе от всех наших. От Лешки—персональный,—сообщил Рябушкин.—Крош, небось, его на чем свет?

—Да ну... Кстати, утром ТТ наведывался,—оживился Андрей.—Базу под Клягина подводил. Ты его предупреди.

—И в каких грехах он его уличил? В поджоге?—сощурился Рябушкин.

Пока Ефимов рассказывал, он шурился все больше. Потом брови его встали шалашиком:

—Во дает! С большой головы на здоровую!.. За технику безопасности пусть сам и отвечает, но... Увольнением не увольнением, а выговором тут пахнет... Только смотря кому.

—Вообще-то к Лешке у него зацепочка есть,—нерешительно начал Андрей.—Клягин урвать любит, все знают...

—Сказанул: урвать... Да Лешке сколько ни дай—все мало! У него ж их—шесть душ!..

—Кого—их?

Рябушкин рассердился такой непонятливости.

—Ребятни, кого же!.. Трое своих да двое братовых. Брательник у него с женой в машине разбились... Вот Лешка к себе и взял.

Ефимову стало жарко.

—Лешка? Клягин?

—А кто же еще? Лешка, конечно. Больше у них никого родичей: один он... Теперь он и в домашнюю смену вкальвает, всем сейчас вместо мамы. И стирает и пол моет: жена—то в роддоме... Я говорю: ты детей заставь, пусть по хозяйству возятся. Отвечает: жалко. А я так думаю: неправильно Леха рассуждает...—оживленно рассказывал Рябушкин.—Мытья им на всех хватит: новую квартиру дали, четыре комнатухи... А теперь жена еще радости добавила: сын родился! Вот тебе и шестая душа...

—Да ну!..

—Вот тебе и ну, никак не разогну... Это же он меня к тебе и подослал,—ему сегодня—ну никак!..—не лукавя, признался Рябушкин.—Сходи, говорит, к Андрюхе, как он там? Мне, говорит, сына скоро забирать, в загс нести, а без него, говорит, не понесу...

—А при чем тут я и загс?—удивился Андрей.

—Я разве не сказал?—в свою очередь, удивился Рябушкин.—Он ведь пацана-то Андреем хочет назвать, в твою честь, выходит... А тебя—в крестные. Ты как, не возражаешь?—Он подмигнул Ефимову.

Ефимов молчал. Смотрел на добродушное лицо Рябушкина, видел его словно в зыбком, влажном мареве... О чем речь? Конечно, он не возражает! И в загс он тоже пойдет. Только бы поскорее зажила нога... Рябушкин вдруг наклонился к Андрею, подозрительно глядя в глаза, и спросил участливо:

—Что, до слез пробирает? Паршивая штука—двойной перелом...

—Да,—торопливо сказал Андрей,—паршивейшая... Нога проклятая, хоть кричи!..

—От крику только больней,—знающе сказал Рябушкин.—Ты лучше, знаешь, о чем думай?.. О бабах вот думай. Помогает,—деловито сказал он, как говорят о лекарственных травах.

—Чего думать?—ошарашенно спросил Ефимов.

—Эть, чудак! Да чего хошь. О них—все приятно,—ухмыльнулся Рябушкин.

Ефимов закрыл глаза. Завод, Клава, Клягин, ТТ, Рябушкин и снова Клава: все каруселью неслось в голове. Наверное, подымалась температура... Да, Рябушкин дельно посоветовал: думать надо о чем-то одном, о том, что помогает...

Вспоминалось, как они ездил в лес, и Клава, обрадованно ойкнув, соскочила с седла, едва Ефимов притормозил мотоцикл, и бросилась на полянку, где нетронуто белели заросли высоких ромашек; как она кормила заболевшего Альку—глядя ему в рот и бодая головой воздух, если трудно глотал сынишка очередной кусок: точно помогала ему этим боданием; как в сквере, когда они еще не были женаты, с неподдельным ужасом—помертвев и закрыв глаза—ждала его первого поцелуя, точно с нею должно было произойти нечто пугающе-непоправимое...

И, вспоминая это, Андрей улыбался, тоже с закрытыми глазами, забыв больницу, боль, большие и малые неприятности.

—Помогает?—где-то далеко спросил голос Рябушкина.—Так я пойду тогда, ты спи... Небось, не съест меня Зинка?

Ефимов не сразу понял, кто и о чем его спрашивает. Он открыл глаза и уставился на Рябушкина.

—Помогает, спрашиваю?—наклонился тот.—Подобрел твой двойной-то?

—А...—удовлетворенно выдохнул Ефимов.—Да-да, помогает...

Рябушкин встал, попрощался, потом вернулся от двери, захотев еще что-то сказать или спросить, но Андрей уже спал.

Он устал, очень устал сегодня.

НОВОЕ ИМЯ

Нино КУТАТЕЛАДЗЕ

Нино Кутателадзе — выпускница кафедры журналистики Тбилисского университета. Наверно, очень многим будет трудно определить ее завтрашний день. Но стихи, которые столько удовольствия доставляют нам, ее читателям, наполнены светом надежды. В грузинской поэзии начинает звучать еще один светлый женский голос.

Она влюблена! А влюбленным все прощается: смятение, неумение скрыть нахлынувшие чувства, грусть, печаль, восторг, наивность...

Она влюблена в жизнь и в людей:

...Со мною ноша лет
Чуть больше двадцати
И целый век
Любви.
Вы мне родней родных —
Люблю вас.
И во мне,
Сильней меня и старше,
Растет и властвует
Любовь.

А я эту любовь считаю первым полетом мысли. Мечтой творца, которому нужна «прозрачная тишина», чтобы найти себя, «растворившись в тысячах».

Она замечает и чужую боль:

Дождь лил всю ночь,
И сад ступал
По сливам и по лужам,
И дождик чуяли
Колени старика.

Она уже видит глубину предметов и явлений, и ее образное мышление становится убедительным. У нее есть строки, сказанные за все поколение, тут начинается ощущение пульса эпохи. А потом уже начинается поэзия, поэзия сложная и непосредственная. Она требует от творца души, любовь, вечную верность и даже саму жизнь.

Морис ПОЦХИШВИЛИ,
г. Тбилиси

Матери

Я голову кладу на жизнь твою.
Мой сон спокоен, словно я в раю.

Но если вдруг беда стряслась с тобой,
Твой голос нарушает мой покой.

Опять, как в детстве, мир и тишина.
Лишь ты поешь о том, что я одна,

Единственная я на всей земле...
И снова я тону в блаженной мгле.

Так мало нужно памяти моей!
Я помню разноцветных лебедей,

Струй дождевых таинственный рассказ
И песню эту, что звучит сейчас.

Я голову кладу на жизнь твою.
Я только это в памяти таю.

Море

Ты — словно мать.
Простоволосое, и днем и ночью
Ты льнешь ко мне,
Баюкаешь меня.
Ты что-то говоришь мне,
Что-то шепчешь —
О, как мне разобрать твои слова?
Он мучает меня,
Твой смутный голос.
Какая связь меж ним и меж мной
Грядущими и прошлыми стихами?
Как мне тебя понять?
Найти себя?
Так эта связь порой неуловима,
Что я теряю веру — и опять,
Вновь обретаю веру и надежду.
Жить, возвращаться в голубое лоно,
Быть вместе вечно —
Ныне и потом!..
Простоволосое, и днем и ночью
Ты льнешь ко мне,
Баюкаешь меня.
Мне тоже освещают путь твои
Горящие во мраке
Маяки...

Дорога к друзьям

Я искала какую-то улицу,
Шла по какой-то дороге.
Нет больше тени —
Весь город томится и мечется
В мареве знойном.
Сквозь открытые окна автобуса слышен
Чей-то громкий рассказ
О загадочном сне.
Пусть окончится это смятение и гомон!
Вот меня уже тоже объемлет дремота,
Уходящее лето бунтует во мне —
И куда мне уйти
От такого разлада?
Я куда-то иду.
У железных ворот кто-то смотрит
На небо, на город, на меня.
(Это радость утрачена мною,
Чтобы смог обрести ее ныне
Неведомый мне человек.)
Что мне делать?
Я вижу воочию деревья в снегу,
Слышу звон бубенцов —
Без конца, без конца...
Вот и ночь, наконец, незаметно нисходит
На ограды, на плиты, на крыши домов.
Распласталась над городом тишь и прохлада.
Так спокойно кругом —
Что ж тут делаю я?
Я искала друзей,
Дом знакомый, участие,
Но теперь я полна
Безымянным пространством,
Зноем дня и прохладой ночи полна.
Нет знакомого мне —
Ни внутри, ни вовне.
Лишь одно узнаю я:
Конечно же, Моцарт!
Только плох почему-то безвестный игрок...
Хватит. Конечно.
Я ухожу, но не к вам.
К вам, друзья мои, вряд ли приду я сегодня.
Шлю взамен свое благословение — вместе
С просьбой о прощенье, друзья.
Не пойму я:
Конец это или начало?
Город мой в этих сумерках словно затерян,
Только чудится всюду
Струенье Куры.
Так сегодня приходят
Ко мне стихи.

Перевел с грузинского
Сергей ЗАЛИН.

Монолог

Знаю цену
И пота и крови,
Потому что земля я,
Широкое лоно.
Теплота человека
Уходит в меня,
И сама я живущих
Теплом одаряю.
Отзываются боли во мне
Бастионов,
Так болят их кровавые тени!
С детством рвется
Незримая нить —
Каждый раз эту боль
Я в себе ощущаю.
Подрастанье колосьев
Болит,
Их налив
Вам не слышен,
Как шепот фиалок.
Материнской тоски моей
Белый дым
Проплывает туманом
Под солнцем.
Знаю я,
Что в сегодняшнем ветре живу,
В первых восходах травы,
В гулком шуме лесов.
Олененок кричит —
Это я на рассвете
Прилетаю напевом простым
В вашу жизнь.
Миллионы годов
Протекали по кругу.
Предрекаю:
Так будет вовек.

Но случается,
Мне не хватает тепла,
Я дрожу, застываю,
А солнца не видно.
Тут является
Светлая тишина,
Осыпает руками
Теплое чудо.
Вы его называете снегом,
А это мой стих
Послан мне,
Чтоб согреть и утешить.
Драгоценное это тепло
Снова вам отдаю:
Вы надежда моя,
Вы сама моя жизнь.

Война

В комнате чуть движется тепло.
Стылая ночь собирает потемки.
Кто-то незвано входит — выходит.
Чаще и чаще.
Слух разрывают
Свистящие хрипы.
Пульса удары считаю...
Дремлет отец, прикорнув.
Было ли это?
Было ли это?
Считаю.
И на пороге неслышная
Встала война.
Подошла
И меня пригвоздила
К постели клешнями.
Вот она —
Рядом.
Взгляд отца,
На меня устремленный,
Белое-белое покрывало,
Жухлая кожа руки
Сделали ночь непроглядно дремучей,
Капли тепла улетают, как дым.

Думает он. А волосы, лицо
Хною отливают ржаво-красной.
Запах хины, горький и сырой,
Дряблосе окутывает тело.
Ждет война. И взгляд ее жесток,
Бледен лик последнего свеченья.
В муках тащатся без времени часы
По камням
Свинцовой этой ночи.
Бьет февральский ветер
По лицу.
Мы глаза отводим друг от друга.
Знаю, почему война
Вдруг опустила
Мстительные вежды:
Старая усталая душа
Жгла слезами огненного цвета...

В комнате чуть теплится тепло.

Перевела Наталья ДАРДЫКИНА.

ПО ДОРОГА

**«Опыт истекших лет полностью подтвердил эффективность экономических
впредь их совершенствовать, ориентируясь на все более прямую зависимость
татами их деятельности».**

Н и о каком социально-экономическом эксперименте Андрей Наумов и не помышлял. У него голова болела за план. А план приходилось каждый месяц вытаскивать зубами, брать горлом, и все эти силовые методы ему порядком осточертели. Работал он тогда начальником одного из участков рижского УБАКа (управление башенных и автомобильных кранов). Рабочие участка готовили площадки и укладывали рельсы для кранов. Песок и щебень для площадок подвозили путейцам шоферы, состоявшие по штату не в УБАКе, а совсем в другом ведомстве — производственно-транспортном объединении «Латавтостройтранс». Таким образом, судьба объекта, а с ним и плана находилась в руках двух коллективов, экономически и организационно совершенно не связанных друг с другом. Другими словами — дитя одно, а нянек двое.

Согласно всем законам народной мудрости, чем больше нянек, тем меньше присмотру. Так было и здесь. На перевозке песка и щебня работали двадцать шесть человек. Водители получали «с рейса». Чем больше рейсов, тем больше заработок. И шоферам было в высшей степени наплевать, как долго будет готовиться площадка под кран: хоть месяц, хоть год. Это забота путейцев, а шоферское дело — возить, и даже не столько возить, сколько ездить, и даже не столько ездить, сколько оформлять рейсы. Имея хорошие отношения с прорабом, сделать это проще, чем сварить картошку. Не потому ли так живучи и всякие приписки на стройках, что делать их легко, а контролировать подчас невозможно? Ну как, например, проверить, что шофер имярек сделал сегодня не шесть, а всего два рейса?

Убедившись, что проверить невозможно, Наумов на 180 градусов изменил подход к делу. Он предложил принципиально новый экономический рычаг — платить не за рейсы, а за объект. Другого способа обуздать шоферскую вольницу не представлялось возможным. И действительно, ведь нельзя, чтобы две лошади, везущие один воз, находились в двух разных упряжках. Единый наряд сделал также единными и интересы шоферов и строителей. Новый порядок предусматривал коллективную оплату за законченный объект. Получает не отдельный шофер за отдельный рейс, а вся бригада за весь объект. То же самое и у путейцев.

Наумов работал в УБАКе, а шоферы, как помните, в другой организации. Обстоятельство немаловажное, ибо, как давно подмечено, легче установить прямую и обратную связь с Луной или Марсом, чем с соседним ведомством. Наумову повезло: в «Латавтостройтранс» с его доводами согласились. Дело оставалось за «малым» — получить согласие шоферов. Он получил его — после двух месяцев уговоров, объяснений и прочей «агитвоспитательной». Беседовал Андрей

Яковлевич с каждым водителем в отдельности, выбирая лишь тех, на кого, по его мнению, можно было рассчитывать. Так набралось тринадцать человек.

УБАК производит устройство подкрановых путей и монтаж кранов сразу в нескольких пунктах как в Риге, так и по всей республике. Для каждого крана подготавливаются так называемые звенья — 12,5 метра. Законченное звено, собственно, и есть единица измерения труда шоферов. Ежедневно они обслуживают 8—10 площадок, на которых монтируются звенья. С вечера бригадир Виктор Иовков подъезжал теперь в УБАК, встречался с прорабами и начальником участка, они оперативно обсуждали, на какие звенья надо послать машины завтра. Утром Иовков распределял задания. Устно. Никаких нарядов, никакой писанины. Каждый получает свое звено или два. И еще одно — запасное. На случай, если закончит возить на основной объект досрочно. Бригадир тоже работает за баранкой, как и все, или, как выразился сам Виктор, и дирижирует и на скрипке играет.

Что дала такая форма управления? Прежде всего организация и оперативное планирование работ переданы низшему звену. Руководство в это дело перестало вмешиваться. Как сказал Наумов: «Путейцы и шоферы лучше нас теперь знают, что и когда делать». Приписки самоликвидировались, так как учета рейсов не ведется. Нечего приписывать. Строительство подкрановых путей ускорилось почти вдвое. Затраты на один самосвал снизились с 80—100 до 40—60 рублей. Усилился контроль за качеством работ, причем контролерами выступают... сами водители. За семь лет работы по единому наряду они стали настоящими профессорами, и, если путейцы готовят площадку чуть не так, например, с большим уклоном, сразу подымается шум. Естественно, ведь на каждое звено определена норма — 35 кубических метров материала. При большем уклоне потребуются больше песка, гравия, щебня, то есть больше времени, а в данном случае время — деньги. В своей очереди, путейцы выступают контролерами шоферов. Если им не везет песок, — работа стоит, а путейцы тоже получают за законченный объект, вот они немедленно и начинают бить тревогу.

— Мы работаем в общий котел, — объяснял Иовков. — Никаких путевок не оформляем, а раньше только на это уходило каждый день по два часа.

И еще два часа, чтобы уладить ссоры и обиды: одному достался выгодный рейс, другому невыгодный, почему мне, чем я хуже, в общем, Содом и Гоморра. После смены Иовков, как правило, записывает в табель каждому по 8 часов. Но бывают исключения. Как-то в Валмиере работали Иокст и Колесников. Объект им попался очень тяжелый: слякоть, глина, дорога — сплошное мучение, а кран ставить надо. Остальные шоферы работали в хороших условиях, заработали больше, потому что со своими заданиями управились

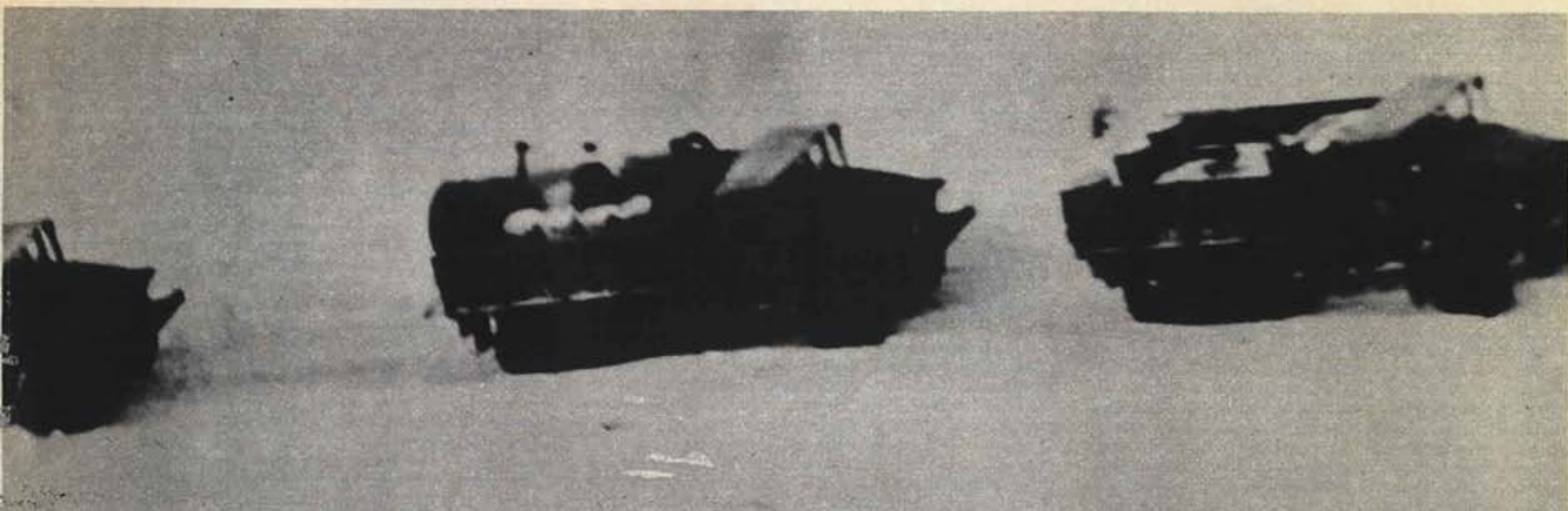
быстрее. Но котел-то общий, валмиерский кран идет в счет всего подряда, так что Иокст и Колесников работали не только на себя, но и на всю бригаду. Поэтому на бригадном собрании добавили им часы, в результате они в тот месяц заработали на 35 рублей больше остальных, хотя формально продукции дали меньше. Но так решила бригада, по справедливости. Без санкции коллектива бригадир может добавить часы лишь в том случае, если шофер работал на очень дальнем объекте, ночью возвратился, а с утра уже выехал на новый участок. Зато снять часы бригадир сам не имеет права ни в коем случае. Это право бригады и только ее. Но такое бывает очень редко, в тех случаях, если шофер явно по собственной вине не выполнил задание. Редко, но бывает. «Все мы люди, — сказал Иовков. — Зато наказание провинившийся принимает без единого слова возражения, понимает: то, чего не сделал он, сделали другие, они и получают больше».

Главным органом управления, вернее, самоуправления, стали бригадные собрания. Собираются раз в месяц. Подводят итоги и обсуждают фронт работ на предстоящий период. Потом, как выразился Иовков: «Разные наши семейные дела. Может, кому-то надо помочь или с кого-то стружку снять. В первое время нескольких водителей даже уволили на собраниях. За что? Ну, один был калымщик, любил песок налево возить. Выгнали его. Другой — разгильдяй, больно ленивый. Никак не могли перевоспитать. Натура такая, что поделаешь! Его добром попросили уйти».

По примеру бригады шоферов Иовкова в УБАКе организовали вторую бригаду, которая перевозит башенные краны. У этих связь с монтажниками такая же, как у первых с путейцами. И путейцы и монтажники относятся к строителям. За досрочный ввод объектов они получают премии. Но строители хорошо понимают, что досрочно они сдают объекты лишь благодаря дружбе с шоферами, и, чтобы не омрачать этой дружбы, строители, не скупясь, отдают часть своей премии компаньонам, хотя делать это вовсе не обязаны. Делятся честно. В прошлом году было выделено УБАКу 3235 рублей премиальных. Из них 1095 рублей получили монтажники, 970 — путейцы, а 1170 — шоферы.

Конечный результат должен быть конечным для всех, кто имеет к нему хоть какое-то отношение. Задача эта чрезвычайно трудная, но именно в решении ее кроется успех или неуспех всех экспериментов, связанных с новой оплатой труда.

В Риге сумели так увязать интересы двух коллективов, что они стали подобны сообщающимся сосудам. Попробуй один облегчить себе жизнь за счет других — и ничего не получится. Пострадают сами. Это как в детской сказке, когда злой мальчик начинает вдруг испытывать боль сам, когда бьет других.

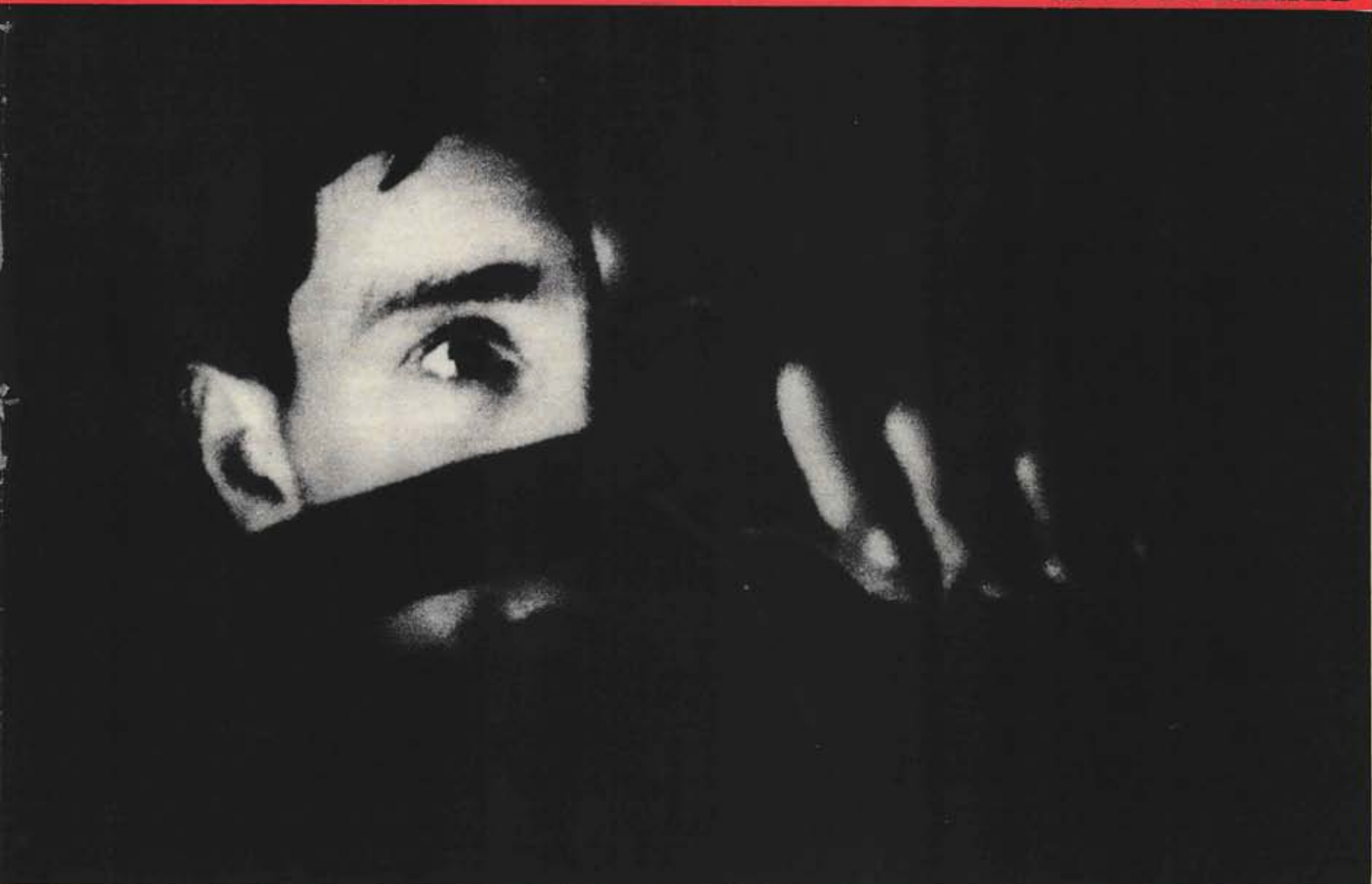

Валерий КАДЖАЯ.
Фото Василия МИШИНА.

М ИДУТ МАШИНЫ

рычагов, особенно когда они умело сочетаются с моральными стимулами. Надо и между оплатой отдельных работников и целых коллективов и конечными резуль-

Л. И. БРЕЖНЕВ

Правильно найденный и умело примененный экономический рычаг позволил не просто улучшить производственные показатели и резко поднять производительность труда, хотя само по себе это весьма и весьма немаловажно. Главное, в корне изменился моральный дух в коллективе. Ведь, по существу, прежде коллектива как такового не было, было формальное объединение людей, называемое «бригадой». А фактически каждый старался за себя. Единый наряд потребовал коллективных усилий. Любому рычагу нужна своя точка опоры. Точкой опоры для единого наряда явился коллективизм. То, что это так, доказывает не только пример рижан, но любого коллектива, применяющего оплату за конечный результат.

В Москве на бригадном подряде работают шоферы из автокомбината № 29 управления Мосстройтранс, возглавляемые Е. Федониным. Суть подряда в том, что если раньше каждый шофер получал заработок соответственно количеству грузов, перевезенных лично им, то теперь бригада заключила договор на полную вывозку всей продукции, выпускаемой участком панелей завода железобетонных изделий № 4. И сразу исчезло такое положение, когда каждый водитель отвечал только за себя и любой ценой старался получить «выгодный» рейс, то есть на большое расстояние. О том, как изменился психологический климат в коллективе, хорошо рассказал сам Е. Федонин: «Люди почувствовали личную ответственность за судьбу подряда, и верными спутниками нашего коллективного труда стали взаимовыручка, бескорыстие, сплоченность, дисциплина... Самое главное, что мы приобрели в результате применения подряда,—это чувство коллективизма. Оно пронизывает все действия и поступки водителей, диктует систему организации труда, определяя подход к решению задач, стоящих перед бригадой. К примеру, наша бригада разбита на две смены. Работаем через день. Первую возглавляет П. Артемов, вторую А. Антипенков. Каждый день начинается с «пятиминутки» — летучего производственного совещания, на котором решаются все текущие вопросы. Шоферы уточняют маршруты, рассказывают об их особенностях, предлагают оптимальные варианты выполнения рейсов. Большое внимание уделяется экономии затрат на эксплуатацию автомобилей.

Смену все заканчивают вместе: до тех пор, пока не вернется из рейса последняя машина, из парка никто не уходит. В этом тоже свой резон: а вдруг товарищу нужна помощь? В одиночку сменить баллон, вес которого 160 килограммов, дело не простое, а с товарищами он второе легче кажется».

Рижане ничего не знали об опыте московцев, москвичи даже не подозревали, что в Риге шоферский подряд применили за четыре года до них. Но дело вовсе не в приоритете. И те и другие действовали, как говорят ученые, независимо друг от друга, но результаты, полученные и теми и другими, полностью совпадают.

Создание в бригаде обстановки, когда каждый член коллектива чувствует ответственность не только за себя, но и за своих товарищей, явилось таким мощным воспитательным фактором, о каком прежде и не мечтали. Недаром никто не уходит из бригады, даже когда предлагают в другом месте новую машину или более высокий заработок. От лишнего денег никто из них не отказывается, они вовсе не бесребреники, но факт остается фактом: работа в родной бригаде для них дороже, чем прибавка в двадцать—тридцать рублей, если обговорена она уходом из коллектива. Тут, как говорится, ни прибавить, ни убавить.

— Мы зарабатываем не больше, чем другие шоферы в колонне, иногда даже рублей на десять меньше,— рассказывал Эдуард Лалшевский.— Но бог с ней, с этой десяткой, зато работаешь, как человек. Сейчас как в хорошем оркестре. И шоферы у нас в бригаде стали другие, все время мозгами работают, думают и за себя и за других. У нас у каждого есть запасной объект. Но если он «не горит», а это, как правило, так, то прежде, чем браться за него, обязательно спросишь ребят по дороге или на пристани: не надо ли помочь? Потому что его работа—это моя работа. Или вот инициативность. В чем она заключается? Раньше приехал на пристань—нет песка. Ну и не надо, потом прораба заставило оформить день, не моя же вина, что простоял. Или путейцы не подготовили участок. Сбросил песок рядом и был таков, пусть они потом эту кучу целый день перекидывают. А сейчас шофер крутит как черт. Нет песка, начинаешь искать сам, все окрестные карьеры объездишь. Путейцы на этом звене не готовы—отвезешь на другое... Если шофер после смены скажет, что не выполнил задание, потому что кто-то виноват, мы сразу спрашиваем: «А ты что делал? Должен крутиться! Что бы ни было, а звено надо сдать в любом случае. Жаловаться потом...»

О чем говорит рассказ Лалшевского? Прежде всего о том, что единый подряд обогатил содержание труда водителей. Из слепых исполнителей они стали аналитиками: они считают, планируют, выискивают резервы. Появился вкус к творчеству. И это характерно для любого коллектива, перешедшего на оплату за конечный результат. В «Латавтостройтранс» на грунтовых работах по аккордному подряду работают двенадцать бригад. Как-то в одной из них произошел такой случай. В карьере, откуда возили песок, заболел экскаваторщик. А шофер Мальшев прежде работал на экскаваторе. Так он сел за рычаги, грузил песок весь день, и товарищи потом засчитали ему, естественно, всю смену, да и премию начислили за то, что выручил. Рассказав об этом, генеральный директор К. Федоров добавил: «Могло ли такое произойти раньше? Утопия...»

В Рижском порту на подряде работают гидростроители. Бригадный хозрасчет заставил по-хозяйски подойти к использованию техники. Рабочие В. Кумшлис и Б. Миллашкаускас на собрании заявили: «Зачем нам плавучий кран? Стоит он дорого, а мы вполне можем обойтись автомобильным». Заменяли. В результате—солидный экономический эффект. Кстати, в этой бригаде почти все овладели смежными профессиями.

Подобных примеров можно привести много. Одно несомненно: принцип коллективизма, один из основных принципов социалистического общества, находит в бригадном подряде свое экономическое выражение. Лишь готовая продукция является здесь главным мерилом труда, поэтому для успешного достижения конечного результата люди волюю или неволю объединяют свои усилия, учатся и привыкают действовать сообща. Постепенно это становится нормой жизни.

В этой связи мне хочется сделать небольшое отступление в область, с экономикой никак не связанную. Речь пойдет об альпинистах. Тот, кто знаком с ними, знает, что альпинисты, как правило, замечательные люди, с обостренным чувством товарищества. Многих это поражает, почему, мол, так? Слово их специально отбирают. Да, именно отбирают. Только не кто-то со стороны, а сама жизнь производит этот отбор. В горах человек виден, как на рентгеновском снимке. И если он в чем-то оказался ненадежным, на следующее восхождение его уже никто с собой не возьмет.

Коллектив—это прежде всего доверие, гарантия надежности, полная уверенность, что никто никого не подведет. А поскольку альпинистские группы комплектуются на демократических принципах (по чьей-либо протекции в группу никак не попадешь), то будьте уверены, гарантии здесь абсолютные. Высокие нравственные требования в альпинизме определяются спецификой этого спорта: за чью-то ненадежность приходится платить слишком дорогой ценой. Я хочу подчеркнуть следующую мысль: объективные условия могут способствовать формированию коллективизма или, напротив, индивидуализма. В состоянии ли мы воздействовать на эти самые объективные условия? В альпинизме—нет. Горы—всегда горы, слабых духом они не принимают. Ни при каких условиях. На производстве иначе: лентяй может ужиться рядом с работягой, индивидуалист с коллективистом. Поэтому так важно найти здесь то, что экономисты именуют «рычагами», и с их помощью формировать не только производственные, но и чисто человеческие отношения, цементировать коллектив.

Толковые словари объясняют слово «коллективизм» как товарищеское сотрудничество и взаимопомощь, основанные на сознательном подчинении личных интересов общественным. Сознательном подчинении. Эта формулировка наводит на мысль о каком-то противоречии между интересами личными и общественными. А должно ли вообще иметь место подобное противоречие?

Вам, наверное, приходилось наблюдать в метро, как веселые чудаки вдруг начинают бежать и против движения эскалатора. Эскалатор вверх, они вниз—в результате стоят на месте. Делается это для развлечения. А представьте, что утром, когда все спешат на работу, эскалатор вместо того, чтобы спускать людей к поездам, станет двигаться в обратном направлении? Какая начнется давка, какое столпотворение! К счастью, в метро такого не бывает. Такое, к сожалению, бывает в экономике, когда интересы работника приходят в противоречие с интересами общества. Возьмем простейший пример. Обществу нужно товаров побольше—хороших и разных. А работа цеха, выпускающего кастрюли, оценивается по тоннажу. Вот цех и гонит «вал», выдавая котлы, в которых можно варить быка целиком.

Как известно, поступки людей определяются их интересами. И как бы мы ни подчиняли их благородным задачам, они могут вырваться из подчинения. Задача состоит не в том, чтобы подчинить во что бы то ни стало личные интересы общественным, а в том, чтобы совместить их, сделать так, чтобы они совпали. Измените экономический механизм, действующий в нашем примере с кастрюлями, платите не за тонну, а за ассортимент, а еще лучше—за реализацию, и все станет на свои места, все станет с головы на ноги. Вы и эскалатор движетесь в одном направлении. Именно эти цели и преследует хозяйственная реформа.

Коллективизм в бригадах, работающих по конечному результату, из фактора социального перерастает в фактор экономический и наоборот. Один за всех не только потому, что иначе некрасиво, но еще и потому, что иначе невыгодно. Подведя товарищей, накажешь этим и себя, потому что свою долю получаешь из общего котла, и чем полнее котел, тем больше доля. По этим же мотивам срабатывает безотказно и второй принцип—все за одного. В свою очередь, коллективная ответственность, применяемая на основе правильных экономических критериев, меняет мировоззрение людей, воспитывает коммунистические отношения в обществе.

«Мы ценим коммунизм только тогда, когда он обоснован экономически».—учил Владимир Ильич Ленин. Ложный экономический механизм не только дезорганизует производство, он уродует взаимоотношения в коллективе. На некоторых уральских заводах стали применять коллективную ответственность, которая выражается в том, что если в бригаде, смене или стане будет допущено нарушение трудовой дисциплины (прогулы) или нарушение общественного порядка (мелкое хулиганство, попойки), то коллектив добровольно отказывается от месячной премии из фонда материального

поощрения. Намерение благое—укрепление трудовой дисциплины, повышение ответственности за себя, за товарища. Но куда оказалась вымощенной дорога! Прогулы стали скрывать, тех, кто приходил на работу пьяным, укладывали спать в укромный уголок, чтобы начальство не заметило. Вместо обстановки нетерпимости—круговая порука. Тоже коллективная ответственность, но—наоборот! А все потому, что хорошее в своей основе стремление не было обосновано экономически, и в результате стимул, направленный на пользу, стал действовать во вред. Вместо дружбы—озлобленность, вместо товарищеской принципиальности—взаимный обман. Что общего имеет это с коммунистической сознательностью? С другой стороны, страдает и производство. Рассмотрим такую ситуацию: в начале месяца кто-то из бригады попал в вытрезвитель. Значит, в конце месяца премии никто не получит, хоть через себя перепрыгнул. Так станет ли выкладываться после этого бригада, стараясь перевыполнить задание? Конечно же, нет. Коллективная ответственность в таком выражении есть не что иное, как коллективная уравниловка наказания.

У рижан и у федониных коллективная ответственность—это прежде всего ответственность за выполнение договора. Бригада взяла подряд, и она отвечает за его выполнение, а что касается поощрения или наказания членов коллектива—это уже внутреннее дело самого коллектива. Как это делается, хорошо рассказал Иовков. Котел общий, но отнюдь не бесконтрольный, и если ответственность за план коллективная, то наказание всегда персональное. Как, впрочем, и поощрение.

Тяга к оплате за конечный результат является не случайной. В ней нашла отражение общая тенденция к росту экономической активности всех категорий трудящихся, вызванная хозяйственной реформой. Недаром зачинатели подряда Н. Злобин, В. Сериков, Е. Федонин и другие были удостоены Государственных премий СССР.

Дальнейшее развитие хозрасчетных отношений, охват ими всех звеньев строительной индустрии—одно из важнейших условий повышения эффективности капитального строительства. В последние годы возникли и получили большое распространение новые формы хозяйственного расчета—бригады, участки и целые управления. Они помогают строителям сокращать сроки работ, улучшать их качество, уменьшать затраты и повышать производительность труда.

Всегообщее одобрение получил метод бригадного подряда, впервые примененный известным новатором Николаем Анатольевичем Злобиным на строительстве жилых домов. Бригада мурманского строителя Владислава Пахомовича Серикова впервые применила этот метод при сооружении промышленных объектов. Только в определяющем году девятой пятилетки эта бригада выполнила задание по выработке на 179 процентов, почти на треть сократила сроки работ и снизила расчетную стоимость строительства на 32 тысячи рублей.

Метод бригадного подряда уже вышел за пределы строительных отраслей и используется докерами, машиностроителями и т. д. Повсюду, где его применению сопутствовала необходимая организационная и техническая подготовка, он принес хорошие результаты. Так, например, сотрудники Госстроя СССР обследовали 1164 коллектива, работающих по бригадному подряду, и выяснили, что в этих бригадах сроки строительства сокращаются в среднем на 17—20 процентов, на 23 процента повышается производительность труда, примерно на 3—4 процента снижается себестоимость строительства.

Успехи, достигнутые последователями Н. А. Злобина, можно объяснить тем, что в этих коллективах хорошо сочетаются моральные и материальные стимулы и тем самым органически соединяются интересы общества в целом и каждого работника в отдельности.

В проекте ЦК КПСС к XXV съезду Коммунистической партии Советского Союза «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы» указывается на необходимость «развивать и совершенствовать подпольный способ ведения строительных работ. Шире внедрять новую форму хозяйственного расчета в строительстве—бригадный подряд».

Этот метод создает необходимые предпосылки для роста производительности труда на основе ускорения научно-технического прогресса и внедрения его достижений в производство. Потому так велика его роль в борьбе за повышение народнохозяйственной эффективности, и в первую очередь отсюда вытекает задача более широкого распространения метода бригадного подряда во многих отраслях и строительства и промышленности.

Правда, призывая к переходу к оплате за конечный результат, я хочу отметить два момента. Во-первых, принцип этот не везде можно применить, и если попытаться внедрить его, не учитывая характера производства, может получиться большой конфуз. И во-вторых, оплату за конечный результат нельзя вводить в приказном порядке. Погоня за «охватом», за количеством заранее обрекает на поражение, на компрометацию дела. Рижские гидростроители, например, прежде чем перевести ту или иную бригаду на злобинский метод, готовят ее почти год! Зато потом эти бригады не распадаются со скоростью искусственно полученных радиоактивных элементов, как это происходит там, где считают, что рычаг может действовать сам собой. Величайшее заблуждение! Рычаг, даже самый совершенный, находится в руках людей, и они должны сначала научиться им пользоваться, а уж затем этот самый рычаг покажет чудеса.

ЗАВОДСКОЙ РАЙОН

«Заводской район», «Смена» №№ 13, 14, 15, 16, 17, 18, 20, 21, 1975 год.

«Заводской район» — так был назван цикл статей, посвященных проблемам, с которыми сталкиваются жители заводских районов во многих городах. После рабочего дня парни и девушки идут домой или в общежитие, в вечернюю школу или в техникум, на стадион или в клуб.

В цикле статей были подняты проблемы строительства молодежных общежитий и их культурно-бытовых условий; проблемы вечернего и заочного обучения молодежи; подняты проблемы строительства культурных учреждений городов; в статьях говорилось о недостатках в работе дворцов и домов культуры; о неумении некоторых ребят остаться наедине с самим собой и использовать свободное время для самообразования; наконец, в этих статьях был поднят, казалось бы, такой личный вопрос, как разумное распределение молодыми рабочими их заработной платы.

Восемь статей были объединены одной задачей — помочь исправить недостатки в организации учебы, отдыха и быта молодежи не только на тех предприятиях, о которых шла речь в статьях, но и там, где эти вопросы тоже еще не решены.

И вот в редакцию пришли отклики — из обкомов, горкомов и райкомов комсомола, заводских комитетов комсомола, с критикой которых выступил журнал.

Так, в статье «Трояк до полочки», опубликованной в № 13 «Смены», был поднят вопрос о неумелом расходовании зарплаты молодыми рабочими Тульского оружейного завода. Судя по подробному и обстоятельному письму, присланному в редакцию за подписью секретаря заводского комитета комсомола Б. Горюхина, на Тульском оружейном заводе комсомольцы всерьез отнеслись к проблеме, поднятой молодежным журналом.

«Откровенно говоря, вопрос о планировании бюджета молодыми рабочими вызвал вначале недоумение, так как расход зарплаты считался делом сугубо личным и на своих собраниях молодежь никогда разговоров об этом не вела. Вот почему статья «Трояк до полочки» вызвала среди юношей и девушек различные отклики. Сейчас вопрос о более разумной трате заработка поставлен на повестку дня комсомольских собраний. В деловом разговоре, в возникающих

спорах принимают участие не только подростки, но и кадровые, опытные рабочие, они подсказывают своим младшим товарищам, как лучше распределить свой бюджет для покупки необходимых вещей.

Кроме того, комитет комсомола ТОЗ распространил анкеты, которые помогут узнать об интересах и запросах молодого рабочего. На заводе создается книжный магазин с большим выбором литературы. Совместно с работниками заводской столовой комитет комсомола решил вопрос о распространении месячных абонементов на обеды. Комсомол ищет и другие формы воспитания в ребятах хозяйственного, бережного отношения к заработанному рублю.

Статья «Трояк до полочки» была перепечатана многотиражной газетой завода и вызвала много писем-откликов. Она передавалась также по заводскому радио. При обмене комсомольских билетов на собеседовании члены комитета комсомола не забывают спросить у ребят и о планировании бюджета».

Секретарь Тульского горкома комсомола тов. Шинкаренко сообщил в редакцию, что опубликованная в «Смене» статья «вызвала большой интерес молодежи города Тулы. В ряде комсомольских организаций города состоялось обсуждение проблем, изложенных в ней».

А вот Калининский обком и горком комсомола промолчали, хотя в статье «Добро пожаловать, или вход в сапогах воспрещен» («Смена» № 14) был поднят вопрос о недостатках в работе дворцов культуры, молодежных клубов города Калинина.

Не узнала редакция «Смены» и мнения Калужского обкома комсомола по поводу статьи «Гости в своем доме» («Смена» № 15). На критику журнала прореагировал лишь комитет комсомола Калужского комбината синтетических душистых веществ. В общежитии комбината, сообщил секретарь комитета ВЛКСМ тов. Федулов, устранены многие недостатки: сделан ремонт, привезена мебель и хозяйственный инвентарь; создана комната быта, гостевые комнаты для проведения молодежных вечеров, дней рождения, комнаты для приезжих; организованы кружки художественной самодеятельности. Созданы советы самоуправления: бытовой, совет библиотеки, красного уголка. Работа комитета ВЛКСМ была заслушана на заседании бюро горкома комсомола.

В статье «Горькая статистика» («Смена» № 17) была поставлена проблема

укрепления трудовой дисциплины среди рабочей молодежи. На примере рязанского литейного завода «Центролит» и нефтеперерабатывающего завода были показаны пагубные последствия пьянства. Комитет комсомола завода «Центролит», отвечая на критику журнала, сообщил редакции, что статья «Горькая статистика» была обсуждена на заседании комитета комсомола совместно с представителями парткома, секретарями комсомольских организаций цехов, воспитателями общежития. Был разработан обширный план мероприятий по улучшению воспитательной и профилактической работы по борьбе с пьянством среди молодежи.

Рязанский областной комитет комсомола серьезно подошел к проблеме, затронутой в статье «Горькая статистика». В письме в редакцию секретарь обкома ВЛКСМ тов. Фекличев отметил, что воспитательная работа среди молодежи ряда городских предприятий действительно требует улучшения. Поднятые в статье проблемы были обсуждены на пленуме Рязанского обкома ВЛКСМ «О задачах комсомольских организаций области по дальнейшему усилению идейно-политического, нравственного и правового воспитания молодежи». Горком ВЛКСМ провел совещание с секретарями первичных комсомольских организаций, командирами и комиссарами комсомольских оперативных отрядов по вопросам улучшения работы в общежитиях и поддержания правопорядка. По материалам, изложенным в статье «Горькая статистика», в Железнодорожном райкоме ВЛКСМ проведено расширенное заседание бюро с приглашением комсомольского актива, работников районного отделения внутренних дел и прокуратуры, суда, райисполкома.

Проблемы, затронутые в серии статей «Заводской район», оказались довольно типичными. Поэтому в редакцию пришли письма-отклики от наших читателей из разных городов. Так, о неполадках в культурно-массовой работе среди молодежи города Братска рассказал в своем письме один из наших читателей. Его письмо редакция направила в горком комсомола города Братска. Секретарь горкома тов. Горбунов ответил «Смене»:

«В городе Братске имеется большая диспропорция в строительстве жилья и социальности в связи с тем, что министерства энергетики и электрификации, целлюлозно-бумажной промышленности и цветной металлургии вместе со

строительством жилья денег на объекты социальности не выделяют. Но уже начато строительство второго кинотеатра. Работает кафе «Сказка», сдается новое молодежное кафе в комплексе с молодежным общежитием. Из спортивных сооружений в городе имеются лучшие в Союзе санная и горнолыжная трассы, два плавательных бассейна, воднолыжная станция и другие спортивные сооружения. Городской комитет комсомола совместно с руководством города принимает посильные меры для заполнения свободного времени нашей молодежи. Дом культуры «Лесохимик» сдан в эксплуатацию после капитального ремонта, а спортивный зал при ДК «Металлург» должен быть сдан в 1976 году».

Группа комсомольцев из села Верхняя Троица, Калининской области, рассказала в своем письме о плохой работе молодежного клуба. А читатель тов. Сорокин из города Калинина прислал тревожное письмо: «Пишу вам по поводу городского студенческого клуба «Прометей», о котором было упомянуто в статье «Добро пожаловать» («Смена» № 14). Дело в том, что вскоре после отъезда вашего корреспондента клуб разогнали. Все было сделано очень оперативно: пришли рабочие, разломали обшивку, выкинули столы, скамейки, а дверь опечатали. Все, что было сделано с такой любовью руками участников клуба, было буквально в течение 3—4 часов сорвано, изломано, разбито и выкинуто. После этого куда мы только не обращались, в том числе к главному архитектору города и в горком комсомола! И везде, куда мы приходили, никто не был против клуба. Абсолютно все «за». Все куда-то звонят, глубокомысленно договариваются, обнадеживают, даже сроки устанавливают, и абсолютно все ничего не хотят сделать. Дорогая редакция! Помогите, пожалуйста, клубу!»

Копии этих писем были направлены редакцией в Калининский обком комсомола на рассмотрение. Однако, несмотря на напоминания, ответа из обкома редакция не получила.

«Мой дом — общежитие», «Смена» № 13, 1975 год.

В № 13 журнала «Смена» в статье «Мой дом — общежитие», написанной в результате поездки корреспондента по письму читателя, речь шла о плохой воспитательной и культурно-массовой работе в молодежных общежитиях города Старый Оскол, Белгородской области.

На критику, прозвучавшую в статье, ответил секретарь Белгородского обкома ВЛКСМ тов. Шестаков. Он сообщил редакции, что факты, изложенные в статье «Мой дом — общежитие», имели место. В общежитиях были нарушены бытовые и санитарные нормы, не уделялось должного внимания воспитанию и культурной жизни молодежи.

«В настоящее время, — говорится в ответе, — во всех общежитиях города созданы передвижные библиотеки. Вопрос о состоянии политико-массовой работы в общежитиях города обсуждался на бюро Старооскольского горкома ВЛКСМ, намечены и выполняются конкретные меры по устранению недостатков, отмеченных в статье».

Со стороны обкома комсомола сделано все необходимое для эффективного выполнения мероприятий Губкинским и Старооскольским горкома ВЛКСМ по улучшению быта и отдыха молодежи, проживающей в общежитиях».

КОНТАКТЫ В СФЕРЕ ТОРГОВЛИ. В ПРОИЗВОДСТВЕ СТАНКОВ, МАШИН. ТОВАРОВ ШИРОКОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ. В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ, В СПОРТЕ. ЭТО И ЕСТЬ МАТЕРИАЛИЗАЦИЯ РАЗРЯДКИ.

Александр УРБАН,
корреспондент ТАСС в Бонне
(специально для «Смены»).
Фото автора.

УЛИЦА С ДВУСТОРОННИМ ДВИЖЕНИЕМ

Бременский порт. Штабеля труб с надписью: «Маннесман». Они напоминают гигантские пчелиные соты.

Мощный электромагнитный кран подхватывает сразу несколько громадин и плавно несет их к борту советского теплохода «Вятка». Здесь эстафету принимает другой кран, который бережно опускает груз в трюм.

Работа спорится. Докеры обмениваются шутками с советскими моряками. Те и другие прекрасно понимают друг друга.

— Мы уже хорошо знаем советских коллег,— говорит мне портовый рабочий Вальтер Штельман.— Суда из Советского Союза теперь постоянные гости в нашем порту. Они приходят сюда каждую неделю.

— Мы очень довольны этим,— вступает в разговор его коллега Йоганн Витт.— Чем больше судов приходит в Бремен, тем больше у нас шансов сохранить рабочее место. Вы, конечно, знаете, как нынче обстоят дела с занятостью?..

Знаю. Вряд ли найдется сейчас в ФРГ рабочий, который не смотрел бы с тревогой в завтрашний день. Ведь он может принести новую волну безработицы, которая захлестнет в первую очередь семьи трудящихся.

А в стране уже насчитывается более миллиона безработных.

Наши экономические связи, естественно, не ставят своей целью излечить мир капитализма от присущих ему органических пороков. Но тем не менее история знает примеры, когда экономическое сотрудничество с СССР позволяло существенно повышать загрузку предприятий, увеличивать занятость в капиталистических странах, переживавших экономические кризисы, облегчать тяготы, выпавшие на долю трудящихся.

Экономические неурядицы заставляют многих на Западе по-иному взглянуть на значение сотрудничества с Советским Союзом — страной, обладающей стабильной экономикой и емким рынком. Вот тот же «Маннесман». В 1970 году объем торговли между этим концерном и нашими внешнеэкономическими организациями составил 360 млн. марок. В 1972 году — 510, а в прошлом году — 700 млн. марок. Как сказал мне в Дюссельдорфе член правления концерна «Маннесман Ререн Верке АГ» Г. Маусбах, сотрудничество идет на пользу обеим сторонам. Советские заказы, несомненно, способствуют загрузке производственных мощностей заводов концерна, содействуя обеспечению занятости рабочих.

В сотрудничестве с Советским Союзом включаются самые разные предприятия.

— Я буквально на днях побывала в Москве,— рассказывает мне Б. Бэнклер, одна из руководителей самого крупного в мире предприятия по производству спортивной обуви и инвентаря «Адидас», расположенного под Нюрнбергом.— Мы расширяем сотрудничество с Советским Союзом. Оснащаем московскую фабрику необходимым современным оборудованием. Делимся технологическим опытом. Надеюсь, что вскоре увидят свет первые виды продукции...

Фирма давно сотрудничает с советскими предприятиями. Например, уже начат совместный выпуск хоккейной продукции: коньки советские, а ботинки фирмы «Адидас». По мнению руководителей фирмы, эти коньки не уступают по качеству канадским. Напомню, что фирма «Адидас» участвовала в создании баварского общества содействия развитию связей между ФРГ и СССР.

Экономическое сотрудничество между Советским Союзом и ФРГ ничуть не напоминает улицу с односторонним движением. Советская техника и продукция уверенно прокладывают себе дорогу на западногерманский рынок. На заводах «Демаг» и «Крупп» работают станки советских марок. На внутренних авиалиниях летают наши «ЯК-40», на дорогах все чаще попадает «Лада», как называют за рубежом «Жигули». Доля готовой продукции, техниче-

ских идей занимает все большее место в экономических отношениях наших стран.

Для обеспечения и ускорения торговых операций в ФРГ был открыт советский банк, получивший название «Ост-вест-хандельс-банк». Хотя банк и основан сравнительно недавно, однако по своей популярности и надежности он стоит в одном ряду со старейшими финансовыми учреждениями Западной Германии.

Осенью 1970 года введен в строй тысячекилометровый газопровод из Советского Союза, давший ФРГ ценное топливо. Было подписано соглашение о воздушном сообщении. В Гамбурге и Ленинграде учреждены генеральные консульства СССР и ФРГ. Товарооборот Советского Союза с ФРГ увеличился за пять лет более чем в четыре раза.

Еще пару лет назад на набережных Рейна в Бонне можно было встретить прохожих, которые с удивлением смотрели на скользящую по воде «Ракету», которую именуют здесь «Рейнской стрелой». А сейчас к ней уже привыкли, с удовольствием совершают прогулки на этом судне, построенном на волжских берегах.

Но, разумеется, содержание процессов, диктующих новые тенденции в современном мире, новые отношения между государствами с разным социальным устройством, с различными идеалами, определяется не одними лишь, так сказать, материальными критериями и показателями. Процесс разрядки международной напряженности подразумевает и взаимный интерес народов друг к другу, расширение контактов в самых разных сферах человеческого бытия, и журналист, работающий за рубежом, не однажды получает возможность убедиться, как велико стремление к сотрудничеству с нашей страной. И особенно оно возросло после успешного завершения работы европейского Совещания по безопасности и сотрудничеству.

...Они приходили поодиночке и группками. Негромко поздравившись, присаживались на свободные стулья. Галстуков почти не видно. Больше свитеры, куртки.

Многие не успели заскочить домой и в зал городской библиотеки Эннепеталя пришли прямо из заводского цеха. Опершись руками о серую пластиковую поверхность столиков, похожих на те, которые знакомы нам по московским кафе, внимательно слушали.

Я сидел за длинным темным-серым столом, разложив перед собой необходимые «конспекты». Здесь же лежала и зеленая книжка — брошюра с текстом Заключительного акта Совещания, которую удалось «отвоевать» 1 августа в пресс-центре хельсинкского дворца «Финляндия-тало». Теперь эта брошюра — мой неотлучный спутник в часы бесед и дискуссий в ФРГ.

Эннепеталя — небольшой городок на краю промышленного Рурра. Тут менее 40 тысяч жителей. Несколько металлообрабатывающих заводов, немного развит туризм. Может быть, я никогда и не попал бы сюда, если бы не это приглашение.

Организация «Молодые социалисты» города обратилась к советскому посольству в Бонне с просьбой прислать на встречу кого-нибудь из советских людей, желательно того, кто был в Хельсинки, чтобы рассказать об итогах Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. ...После рассказа началась дискуссия. Вопросов было много и самых разноплановых.

Например, что писала советская печать по поводу результатов Совещания и был ли в СССР опубликован полный текст Заключительного акта.

Вопрос этот не случайный. И задавали его не раз, наверное, в первую очередь потому, что в полном объеме текст основного документа Хельсинки — Заключительный акт — увидел свет в Западной Германии весьма небольшим тиражом — около 150 тысяч экземпляров (с учетом и того, что пошло заграничным подписчикам изданий ФРГ). Напомню, что только совместный тираж «Правды» и «Известий», опубликовавших Заключительный акт полностью, равен примерно 20 миллионам экземпляров.

Десятки миллионов — в одной стране. И сто пятьдесят тысяч — в другой!

Вот так и получилось, что многие молодежные организации ФРГ до сих пор не располагают этим документом. Не было его и у «Молодых социалистов» Эннепеталя. Разумеется, никто не видел и материалов на эту тему из советской печати: они «затерялись» в дебрях редакций буржуазных газет.

Ребят интересовало буквально все: что такое пролетарский интернационализм, в чем суть советской политики мирного сосуществования, какие возможности появились теперь, после Хельсинки, для расширения экономического сотрудничества между нашими странами, для более интенсивного обмена молодежными делегациями, что имеется в виду под суверенными правами государств и в какой взаимозависимости находятся они с обменом информацией и печатными изданиями, распространяется ли разрядка напряженности на Западный Берлин и т. д.

Не всегда просто ответить на эти вопросы так, чтобы собеседнику, не располагающему той информацией, которая доступна самым широким массам нашей молодежи, было все понятно, чтобы ответ убеждал его. Иногда приходится «танцевать от палки» — объяснять азбучные истины из истории развития нашего государства, приво-

дить примеры, доказывающие последовательность осуществления Советским Союзом ленинского внешнеполитического курса.

— Я согласен. Законы и обычаи стран и народов надо уважать...

Присутствующие поворачиваются к пареньку, сидящему в левом углу зала. Но взгляды товарищей не смущают его.

— Я вот недавно ездил в США. Мне дали заполнить анкеты. Я имею в виду американские формуляры, — поясняет он. — Знаете, какие вопросы там были? — Парень делает маленькую паузу и затем выпаливает: — «Посещали ли вы социалистические страны, являетесь ли членом компартии?» А какое им, простите, дело до этого — кого, когда и зачем я посещал? Ведь нам же со школьной скамьи вдалбливали, что у нас, на Западе, «больше всего свобода»?!

После дискуссии ко мне подошел высокий крепкий юноша.

— Меня зовут Ганс Деннекамп. Я шофер. Вот вы здесь говорили о важности расширения экономического сотрудничества. Это действительно было бы здорово. Знаете, многие мои знакомые не пополнили армию безработных только благодаря советским заказам. Я слышал, что целые цеха фирмы «Кэсборер» в Дортмунде выполняют заказы из СССР. Но ведь крупные предприятия связаны с заводами-поставщиками. Вот и получается целое магнитное поле, которое втягивает в сотрудничество с Советским Союзом массу других фирм. Мы знаем и ценим такое сотрудничество...

Ганс крепко жмет мне руку и уходит.

— А я была у вас. В Москве и Ленинграде...

В разговор включается студентка педагогического училища Вуппертала К. Хоман.

— Знаете, что поразило больше всего? Забота вашего государства о детях, внимание к нуждам молодежи. В Москве нам показали прекрасно оборудованную клинику, рассказали о системе здравоохранения в СССР. Это действительно превосходно! Побольше бы нам встреч и дискуссий с советской молодежью. — Хоман делает паузу и в сердцах добавляет: — Читая наши газеты, можно подумывать, что в Советском Союзе вообще нет молодежи...

В конце октября мне довелось присутствовать на западногерманско-советском коллоквиуме в Дортмунде. Он был организован Федерацией обществ «ФРГ — СССР» и Рейнско-Вестфальским иностранным обществом. Участниками этого форума, который подвел итоги развития отношений между нашими странами за время, прошедшее с момента подписания в Москве в 1970 году договора между СССР и ФРГ, были посланцы советской общественности и представители самых различных слоев населения Западной Германии. Судите сами об интересе к работе коллоквиума: большой зал торгово-промышленной палаты всегда был полным.

На второй день после открытия этого форума дортмундская «Вестфелише рундschau» вынесла в заголовок отчета слова: «Преимущества разрядки».

Газета подробно излагала выступления ораторов и в этот и последующие дни. Но мне запомнился именно тот заголовок. Он был лаконичен, предельно точен и удачно отображал дух нашей эпохи.

Преимущества разрядки.

В многочисленных выступлениях и дискуссиях участников коллоквиума, проведенного впервые, красной нитью проходила мысль о том, что итоги общеевропейского Совещания представляют собой надежный фундамент для продолжения и углубления процесса разрядки, равноправного сотрудничества европейских стран и народов в самых различных областях.

Отдавая должное миролюбивому внешнеполитическому курсу СССР, участники дортмундской встречи отмечали неумолимую, продиктованную большой заботой о сохранении мира деятельность Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева.

Весьма символичным было, пожалуй, уже само название доклада, с которым перед участниками коллоквиума выступил министр по делам экономического сотрудничества ФРГ Э. Бар, участвовавший в разработке «восточной политики» кабинета Брандта — Шеелера. Доклад назывался: «Из Москвы через Хельсинки в Вену».

Ожидания, которые связывались с подписанием Московского договора пять лет назад, полностью сбылись, считает Бар. Более того, продолжал министр, «принципы Московского договора вошли составными частями во многие последующие международные документы, в том числе в Заключительный акт общеевропейского Совещания».

Э. Бар говорил в тот день о важном значении, которое придается сейчас венским переговорам о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе, призывал использовать на переговорах в Вене дух конструктивного сотрудничества, который привел к успеху в Хельсинки, а я вспоминал минувшее лето, вспоминал столицу Финляндии и снова «слушал» незабываемое выступление Леонида Ильича Брежнева, говорившего о том, что теперь перед народами континента стоит новая важная задача — дополнить разрядку политическую разрядкой военной.

Я помню, я никогда не забуду минувшее лето.

Мне повезло. Занять место на галерке для журналистов

было в те дни чрезвычайно трудно. Вся полторатысячная армия корреспондентов, все, кто был аккредитован в пресс-центре Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, примчались в эти часы в хельсинкский дворец конгрессов «Финляндия».

1 августа, 17 часов дня. Торжественный церемониал подписания Заключительного акта Совещания. За большим овальным столом, установленным чуть на возвышении, на виду у всего зала сидели высшие руководители 35 государств.

На нашем балконе стрекочут кинокамеры, щелкают киноаппараты. Снимают не только профессиональные репортеры — фотографируют все. Кто для редакции, а кто просто для себя. На наших глазах творится история!

И вот поставлена 35-я подпись. Зал встает и взрывается аплодисментами. Рукоплещут члены делегаций, журналисты, все. Искренне поздравляем друг друга.

Люди расходятся не сразу. Добрые пожелания — и там, внизу, в основном зале, и здесь, наверху, на балконах для прессы.

Это было беспрецедентное событие в мировой истории, в истории нашего континента. На Совещании не было победителей и побежденных, приобретших и потерпевших. Это была победа разума, выигрыш всех, кому дороги мир и безопасность на нашей планете.

Результаты Совещания — это плодотворное завершение последовательной и настойчивой борьбы нашей партии и государства за выполнение одного из важнейших пунктов Программы мира, принятой XXIV съездом КПСС, который гласит: «Осуществить коренной поворот к разрядке и миру на этом континенте. Обеспечить созыв и успех общеевропейского Совещания».

И вот спустя несколько месяцев в другой стране, в другом мире говорят о преимуществах разрядки.

Преимущества разрядки... На рыночной площади Бонна, перед городской ратушей, поют и пляшут русские девушки и парни — участники ансамбля художественной самодеятельности профсоюзов СССР.

— Это первое выступление ваших артистов-любителей на нашей импровизированной сцене, — говорит мне руководитель отдела культуры боннской ратуши Х. Маус. — Концерт очень понравился жителям. Надеемся, что это лишь начало культурных связей подобного рода между ФРГ и СССР.

В Мюнхене десятки тысяч людей осаждают выставку «Исследование космоса и защита окружающей среды в СССР», фотоэкспозиции, подготовленные агентством печати «Новости», — «СССР: страна и люди», «Сибирь сегодня», экспозицию ВДНХ «Детское техническое творчество». Многие посетители, с которыми я беседовал в «Олимпиа-халле», не скрывали своего восторга. «То, что мы узнали, потрясающе. Это действительно колоссальные достижения великой страны», — говорят мюнхенцы М. Адельс и Г. Зелигман.

И когда выставка в Мюнхене работала уже последние дни, в другом конце страны, в Гамбурге был в разгаре международный фестиваль детских театров. Кульминационным пунктом фестиваля — и это подчеркивала западногерманская печать — явилось выступление Московского музыкального детского театра, руководимого Натальей Сац. Газета «Вельт ам зонга» называла Н. И. Сац «выдающейся личностью, от которой исходили решающие импульсы для работы детских театров во всем мире». Другие газеты напоминали, что по инициативе Н. И. Сац в 1936 году в Москве был создан первый в мире детский театр. Газета «Килер нахрихтен» отмечала, что Н. И. Сац по праву «считается матерью всех детских театров».

И это выступление в Гамбурге также было первым в ФРГ.

Таких примеров взаимопонимания становится все больше. Приятно, что в сообщениях о многих встречах представителей наших стран все реже приходится писать — «впервые». Процесс материализации разрядки набирает силу и скорость.

Я хочу закончить этот репортаж из ФРГ тем, с чего начал.

Недавно в Гамбурге я наблюдал сцену, живо напоминающую мне поездку в Бремен. В порт пришло наше судно «Инженер Мачульский», на которое доставили партию тяжелых грузовиков, изготовленных по советскому заказу в городе Ульме на заводах фирмы «Магирус-Дойц». Эти автомобили будут использоваться на крупных стройках. А у другого причала в те же часы сгружались советские «Жигули». Их доставили для западногерманских покупателей, которым полюбился этот автомобиль.

— Плоды «восточной политики», весомые плоды разрядки, мы ощущаем все в большей и большей степени, — заметил мне главный директор гамбургского порта К. Мюнкемайер. И привел такие цифры: в 1973 году в Гамбурге побывало 567 советских судов, в 1974-м — 670, а в 1975-м ждем около восьмисот.

Контакты в сфере торговли. В производстве станков, машин, товаров широкого потребления. В добыче сырья. В области культуры, в спорте.

Весь этот многослойный и многосложный комплекс отношений стран с разным социальным строем вполне уместается в емкое понятие «материализация разрядки».

Мир движется к миру.

Перед Европой открываются новые горизонты.

ПРОШУ СЛОВА!

Редакция предлагает вниманию читателей четыре письма о любви. Тема одна, но в письмах — разные судьбы людей, разные взгляды на любовь и на жизнь. И любовь разная.

Думается, что эти письма дают повод для размышлений о том, что же это такое — любовь счастливая и любовь трудная. Кто виноват в том, что любовь становится несчастливой; в том, что распадаются когда-то любившие друг друга пары, ломаются семьи?

Публикуя эти письма, мы надеемся, что читатели выскажут свою точку зрения.

ТРУДНАЯ ЛЮБОВЬ

«А писем все нет»

Здравствуйте, уважаемая редакция! С приветом к вам, младший сержант Владимир Оверченко. Пишу в редакцию впервые в жизни.

Родом я из Таганрога. До призыва работал фрезеровщиком на комбайновом заводе, откуда призвался служить в пограничные войска, о чем и мечтал!

Обращаюсь к вам с огромнейшей просьбой — помочь мне в одном личном вопросе. В письме ведь всего не расскажешь. Ну, как смогу. За месяц до своего призыва я совсем неожиданно, очень просто и случайно познакомился с одной девчонкой. Много нужно писать, чтобы вы смогли понять, как я ее полюбил; как мы с первого вечера начали понимать друг друга с полуслова, видно, мы действительно должны были встретиться с нею! До моей отправки в

армию оставалось все меньше дней, а мы все сильнее привыкали друг к другу, и становилось тяжеловато на душе, что придется расстаться. Однажды вечером мы говорили о жизни, а потом разговор продолжили клятвой друг другу, что мы всегда, всю жизнь будем вместе, что, как бы ни было ей трудно, она будет меня ждать и обязательно дожждется. Я смотрел ей в глаза и верил, потому что не мог не поверить. На память я подарил ей пластинку с песней, где есть такие слова: «Другой бы улицей прошел, тебя б не встретил, не нашел». Она обещала приехать ко мне на проводы, но не приехала. Конечно, я был очень расстроен, но у меня оставалась надежда, что она по-прежнему моя и только моя. Неделя через полторы я написал ей письмо. И вдруг очень скоро получаю долгожданный, дорогой ответ. Письмо было очень добродушное, родное, понятное. В нем она писала, чтоб я не обижался, что между нами по-

прежнему все хорошо. Я написал ей очень большое письмо, а затем начал писать почти каждый день и с нетерпением ждал ответа. Но писем от нее нет до сих пор. И что уж я ей только не писал, о чем не просил, какие только вопросы не задавал! Но в ответ — молчание. Как мне быть? Редакция, я обращаюсь к вам. Я думаю, в любом случае, — может, и парень другой у нее, только я этому почему-то не верю, — но все же хотя бы какое-то письмо можно ведь написать? Невольно возникают дурные мысли: иногда я думаю, что с ней случилось что-то серьезное. Мне становится все безразличным, иногда, кажется, просто с ума схожу. Прошло столько времени, а я все прежний и не могу ее забыть. Напишите ей, объясните все. Что мне остается делать, о ком мечтать, кого любить, кому верить или просто зачем тогда жить?

Владимир ОВЕРЧЕНКО

«Об этом я никому не рассказывала»

Мне недавно исполнилось 18. Эти годы, кажется, должны были бы быть самыми радостными, счастливыми — все-таки это лучшие годы юности, — а они выдалась такими тяжелыми! Прежде всего страшная болезнь, расстройство мозгового кровообращения. До сих пор и с ужасом вспоминаю бессонные ночи, когда заснуть не в состоянии и не помогают никакие лекарства; ночи, наполненные жутким страхом и тоской, когда большую голову сжимает невидимый обруч, и я с ужасом слышу какой-то гул моторов, вой и треск, как в испорченном радиоприемнике. Наверно, я бы не выдержала, если бы не друг, который тогда был веселым, добрым и сильным. Он во многом мне помог, всего даже и не опишешь. Здесь и вымытые за меня полы, и решенные задачи по алгебре, которую я совершенно не могла понять, здесь и ласковые слова, и букеты цветов, которые он мог добыть в нашем степном городишке в Казахстане, и его смешные и трогательные песенки. Он чудесно играл на гитаре, пел и писал музыку. И боль отступала, исчезали страх и тоска. Часто он сочинял для меня забавные песенки, которые трогали меня до глубины души, а сейчас я не могу повторить без слез такие строчки:

*Наберу тебе в лесу
Спелой земляники.
Наберу и принесу
Милой Вероничке.*

Но самой большой помощью и поддержкой был его взгляд. В минуты, когда мне весь свет был не мил, когда я ненавидела людей, себя, свою болезнь, когда приходила в расстроенную голову страшная мысль: «А когда же моя смерть?» — я встречала его взгляд, ласковый и твердый. И этот взгляд, полный любви, внушал мне веру и надежду.

Да, это был истинный друг. Друг, которому веришь, как себе. И даже больше, чем себе. Именно он поставил меня на ноги, не давая ни на минуту потерять веру в счастье.

Гибель его была нелепа и бессмысленна. Дорожная катастрофа. Он остался жив, но ненадолго. Когда меня в первый раз пустили к нему, он был весь в бинтах, подпорках и каких-то проволоках. Это было жутко. Я бы упала тут же, если бы не встретила снова его взгляд — по-прежнему твердый и ласковый. Он был прежний — добрый и сильный. Больше всего он переживал то горе, которое досталось из-за него на долю его матери и мне. Он старался утешить нас, шутил и смеялся так, что иногда я даже забывала, в каком он ужасном состоянии. Над его койкой висела старая гитара, которую он любил за сильный, глубокий звук. Он настаивал, чтобы ее разрешили принести в больницу и повесить над кроватью. Играть он не мог. Он просил меня сыграть что-нибудь, и я играла, как могла. А он слушал и мечтал вслух о том, как он сам будет играть на ней новые песенки. Не довелось. Когда я пришла к нему в последний раз (я, конечно, не знала, что это последний), он был задумчив и грустен. А под конец сказал: «Знаешь, гитару возьми с собой. Пусть у тебя будет». Тогда я не поняла потрясающего смысла этих слов, не поняла, что это прощальный дар. На другой день я узнала, что он умер. Умер под утро, когда занимался майской солнечный день. Это был страшный удар, а я сама еще недавно оправилась от болезни...

Приближались выпускные экзамены. Все было как в тумане: не помню даже, что я говорила, что писала на экзаменах. Потом мы переехали в Крым. Но больше я не выдержала, сказалось все: и огромное горе, и напряжение экзаменов, и трудности долгой и нелегкой дороги, — и я жила только от «Скорой» до «Скорой». Потом я пыталась устроиться на работу, но не вышло: где с 18 лет берут, где по здоровью не подхожу. И со своей мечтой — а я мечтала поступить в университет на филологический факультет — мне придется расстаться. Но я готовилась, буду пробовать силы в художественное училище. Год прошел со дня его смерти, а кажется, что вечность. Вот гитара висит с красным бантом. А его нет. Совсем не укладывается в голове. Кажется, он сейчас постучит в дверь и войдет — прежний, веселый и сильный. Снимет гитару и запоем песенки, которые он не успел спеть...

Не знаю даже, почему вам, совсем незнакомым людям, я высказала все, чего не высказывала никому.

*Вероника ЦУЗАКЕВИЧ,
Крым, пос. Армянск*

«Муж вполне... положительный»

Пишу вам о своей неудавшейся супружеской жизни. У меня уже нет больше сил жить так, и я не знаю, как мне быть дальше, помогите, посоветуйте!

Я никогда не распространяюсь о своих личных делах, близкие считают, что брак наш удачный, наверное, поэтому не могу пойти на разрыв, не могу причинить боль своим родителям. Мне 28 лет; скоро 7 лет моей семейной жизни, нашей дочке 5 лет. Муж вполне приличный человек и положительный, по общему мнению. У него высшее образование, жену он не бьет, не скандалит, спиртным особенно не злоупотребляет.

Но знал бы кто, насколько это равнодушный, инертный человек! Не знаю, с чего начинать, и вряд ли у меня

получится что-нибудь вразумительное. Столько хочется написать...

Когда я стала замечать в нем равнодушие, непонимание? Хотя бы вот: на четвертый день после свадьбы он до 4 утра играл со своим братом в карты, в дурака. Но попробуйте ему скажите, что он меня не любит! Случилось так, что через пять месяцев после свадьбы я заболела и пролежала в больнице восемь месяцев с плевритом. Он приходил ко мне почти каждый день, и я не могу не быть благодарной ему за это.

А потом я выписалась из больницы. Очень хотела ребенка, а он относился к этому равнодушно. Здоровье у меня не отличное, но у него даже ни разу не возникло желания в чем-то помочь мне. Уже перед появлением дочери я на четвереньках ползла, мою пол, а он спокойно сидит, газету читает. Он говорит, что я злопамятная. Но можно ли забыть, что за десять дней до родов, когда мы были на свадьбе у его друга, я почувствовала себя неважно. Он проводил меня домой, а сам вернулся обратно, «догуливать».

Или примерно в те же дни ушел на банкет, сказав мне: «Если тебе нельзя, так и я должен около тебя сидеть?!»

Можно ли забыть, что из роддома привез нас с дочкой в прокуренную, запах убранных квартир. Оказывается, всю ночь он «праздновал» наше возвращение, а мне сразу пришлось приниматься за стирку и уборку. Казалось бы, он предупредителен, заботлив по отношению к другим. Он бегаёт, предупреждает чужих жен, что их муж задержится, даже если его никто не просит об этом, и в то же время спокойно может пройти мимо дома с работы, просидеть с товарищем за душевной беседой до двух часов ночи, не сообразив, что меня нужно предупредить об этом. Или выйдет проводить товарища, сказав, что минут через 15 вернется, но придет за полночь.

Может быть, вы думаете, что слишком строго с него спрашиваю? Нет, я редко регламентирую его время, и то заранее знаю, что он придет тогда, когда ему захочется.

По дому у него обязанностей никаких. Он говорит, что, мол, все понимает, только не догадывается помочь, и нужно, чтобы я напомнила ему сама, просила, когда необходимо: «Коля, сделай, пожалуйста». «Завтра», «В выходной» — отвечает, и на этом кончается его помощь.

Ну, вот еще случай. Сломались в серванте такие маленькие пластмассовые штучки, на которых держится полка. «Коля, — прошу, — сделай, пожалуйста». «Сделал» — поставил под полкой карманный фонарь. Понадобился ему фонарь, забыл он, куда его определил. «Дочка, принеси мне фонарь». Дочка вытаскивает фонарь, посуда летит на пол, но бог с ней, с посудой. Слава богу, дочку не ушибло при этом. А случилось это через месяц после того, как сломалась полка.

Вам, возможно, все мелочью кажется. Но сколько таких мелочей! Стыдно писать о том, что кажется само собой разумеющимся. Например, купание, смена белья, стрижка. Ему обязательно несколько раз нужно напомнить, чтобы он сходил погостить, помылся, надел чистую рубашку. Кажется, что он просто мертвый человек: ничего его не волнует, даже родителей своих он не любит. По родительскому дому никогда не скучает, ответил родителям на письмо, поздравить их с праздником не догадается, опять я.

Может, я сама виновата во всем, но уже не могу ничего сделать. Все мои объяснения бесполезны. Он говорит, что все понимает, что он сохнет, если меня не будет, и в то же время все остается по-прежнему.

Не знаю, смогла ли вам объяснить, что хотела. Я не могу написать своего имени: просто стыдно расписываться в своем бессилии, в неумении наладить собственную жизнь.

Я очень хочу, чтобы вы ответили мне. Возможно, все дело во мне? Но нет у меня никакого выхода. Может, хоть напечатанное слово как-то встряхнет его, заставит иначе взглянуть на нашу жизнь. Я не хочу иметь в своем доме равнодушного квартиранта, мне нужен муж, на которого можно опереться. Как мне быть?!

*С уважением Л.
Приморский край*

«Без плохого не бывает и хорошего»

Я работаю на кирпичном заводе. Работа чисто физическая, и удовольствие получаешь только от чрезмерной усталости во всем теле, когда не хочется двигаться, а лишь лежать, слушая свое тело, такое большое и тяжелое в этот момент.

Я люблю жизнь во всех ее проявлениях и часто думаю о ней. Любовь — одно из живых и ярких проявлений жизни. Любить неистово, до самозабвения могут только люди с богатым воображением, так как они способны вырвать из простой, обыденной жизни яркие, неповторимые краски. За любовь надо бороться, надо ее создавать — иногда даже лепить из малых кусочков. Это тоже творчество, это мужество: не отступать перед возникшими препятствиями. Как нет одинаковых произведений искусства, так нет и какого-то эталона хорошей и чистой любви.

Чтобы жить что-то понять в жизни, я бросался в крайности: убежал в лес на целый месяц, шел пешком в мороз и сыпоть, спал, где придется, жила в палинчик зноем пещек, переменял много мест работы и профессий. И что же я вынес из всего этого? А то, что после дождя обязательно выглянет солнце, и если ты сегодня мерзнешь, завтра будешь греться до дури, повторил про себя: «Бери

тепло, пока есть возможность, и радуйся ему, ибо ничего нет в мире постоянного и то, что к тебе так нечаянно нагрянуло, обязательно уйдет, чтобы вернуться в другой, новой форме». И вот именно понимание этой неразрывности хорошего, существование добра и справедливости в различных их проявлениях и давали мне силы жить и устраниваться на новом, незнакомом месте.

Вспоминаю свою первую дружбу в школе с одной девочкой. Эти недомолвки, взгляды украдкой, прогулки по городу и первый поцелуй, сухой и быстрый. Ведь я мог жить, как многие: жениться, осесть и быть примерным семьянином. Но неудовлетворенность собой, какая-то жажда узнать и испытать все на себе — конечно, тут сказались и безотцовщина, и впечатления от множества прочитанных книг — толкнули меня из дома, и я поплыл от пристани к пристани, отбрасывая в пути шелуху наивных представлений.

Говоря о любви, я не хочу повторяться, так как о ней многие и многие века толкуют на разных языках. Вечная тема, пока жив человек, пока он дышит и двигается, умирает и страдает, наделенный и обделенный этой большой тяжестью. От присутствия ее бывает ему тяжело, но, сбросив ее, он страдает от наступившей легкости.

Любовь человек — это совершенство природы. Эдуардас Межелайтис в своих стихах воспевает именно это качество многогранности и великолетия созданного чуда. «...Продолжение птиц — самолеты; и развитие молний — ракеты. Это все придумано из круглой, словно шар земной, головы». И как человек может быть неинтересным? Если ты в нем не видишь ничего хорошего, значит, сам обделен и скуден собой, пассивен к себе и безразличен. «Познай самого себя, и ты узнаешь других», — говорили древние. Это изречение актуально и в наше время. В самовоспитании, самообразовании и заложена та пружина, которая дает толчок к действию, к борьбе за счастье.

Вот перед глазами стоит Геля, славная девочка. Неказистая на вид, но душевная. Чувствует песню, способна на переживания. Как сейчас вижу снежинки на ее ресницах, раскрасневшееся лицо... Я жил тогда в отдаленном полярном поселке на берегу Карского моря. Помню долгий зимний вечер, когда мы пели и плясали под вой взбесившейся пурги; были стихи, было предложение соединить наши души и неопределенность ее ответа. Было мое отчаяние, побег на целые сутки в тундру и ночь на берегу реки. На всю жизнь запомнил ту ночь: перелет тысяч и тысяч гусей и уток, — тогда я пришел к выводу: без плохого не бывает хорошего. Чтобы поймать такую ночь, когда, казалось, не будет конца этому шуму крыльев, этой тяжелой, захватывающей работы живой массы с подбадривающим криком вожаков стаи, можно пережить и еще большие несчастья, так как рядом с природой свое, личное кажется мелочным и ничтожным. Это же песня, захватывающая своей искренностью, это жизнь, настоящая жизнь, — лететь и лететь к своей цели, ощущая рядом с собой товарищей.

Потом была Валья — «голубая кровь», неожиданно возникшая в таежной глухой тайге. В цивилизованном городе она была выгнана на своем месте, но в сильные морозы сибирской тайги, в тяжелых бытовых условиях только что начавшейся грандиозной стройки ей было нелегко. Мы нашли друг друга, и часть ее ноши перешла на мои плечи. Появилась теплая комната, обстановка... Ходили в гости, в кино, обнимались прямо на улице. Потом я уехал по вызову в Узбекистан, получил квартиру, ждал ее, но она не приехала.

Появилась Юлия, уроженка Томской области, спокойная, деловая и хозяйственная. Муж ее бросил с ребенком и уехал. Воспитывалась в детдоме, играла на гармошке, частушки. Этакая разбитная на вид женщина, но была преданной и честной. Никогда не ссорились. Казалось бы, жизнь наладилась, но объявился муж, и я уступил ему дорогу.

Последняя — Анка. Хотя она была старше меня на три года, в моем представлении она осталась девочкой по своей натуре. Въезжала она в мою душу так крепко, что только спустя год, наполненный сплошными переживаниями и скитаниями, я немного успокоился. Постарел я на десять лет, но благодаря судьбе, что встретил Анку. До сих пор не знаю, правильно ли я поступил, что оставил ее. Боялся, что все кончится трагедией, потому что чувствовал, что не могу противостоять ее пристрастию к «зеленому змию», к бесшабашному и безрассудному поведению. Но какая сильная натура, которая даже в своей начавшейся агонии притягивает к себе!

Сейчас я весь в работе, хожу в кино, читальный зал, ищу хорошие стихи и перекладываю их на музыку для гитары. Часто наткнешься на хорошие книги, и это вроде откровения, беседы с понимающим тебя товарищем. Совсем недавно я открыл для себя литовскую поэтессу Саломею Нерис и нахожу ее стихи самыми лучшими по внутреннему подтексту, заложеному в них. Мне кажется, надо всегда быть наполненным чем-нибудь — любимой работой, музыкой, хорошей книгой... Хлебом единым сыт не будешь. Но если придет любовь — зеленая улыбка ей, пускай я растворюсь в ней, так как нет ничего прекрасней этого священного чувства, этого одновременного удара двух сердец, бьющихся в налаженном и устроенном ритме.

*До свидания. С уважением к вам Левендас ВЛАСОВ
г. Архангельск*

И СТРОЙ

В 1946 году на президентских выборах в Чили победила коалиция прогрессивных, патристических сил, получившая название «Демократический фронт». Впервые в истории страны было сформировано правительство, в которое вошли коммунисты. А возглавил его кандидат от радикальной партии Гонсалес Видела. Чилийцы ждали от правительства важных социальных преобразований, решительных шагов по пути к достижению полной независимости страны. Ведь партии, входившие в «Демократический фронт», приняли совместную программу борьбы за удовлетворение насущных нужд рабочего класса, за расширение прав профсоюзов, осуществление мер по развитию национальной промышленности, ограничение вторжения иностранных капиталов, но в это же время резко проявились и противоречия, раздражавшие «Демократический фронт». Руководство самой альянтальной из партий, входивших в него, радикальной, сползло на откровенно реакционные позиции. Как потом выяснилось, черную роль в этом процессе сыграл президент Гонсалес Видела.

Разрыв вскоре стал явным. В 1947 году более 20 тысяч шахтеров горнорудных разработок «Лота» и «Коронель» обратились к владельцам шахт с требованием улучшить условия труда. Хозяева отказались выслушать «бунтовщиков». Тогда горняки объявили забастовку.

И тут-то Гонсалес Видела окончательно снял маску. Он потребовал от Коммунистической партии — большинство активистов из профсоюзных объединений, стоявших во главе забастовки, были коммунистами — отдать «приказ о возвращении к работе». Руководители забастовки ответили решительным: «Нет!»

На следующий день охваченный истерикой президент заявил, что «забастовку ведут подрывные элементы». Он кликушествовал, называя эту забастовку горняков «началом третьей мировой войны»! Одержимый бешеной злобой, Гонсалес Видела послал против шахтеров войска. Это послужило сигналом к развязыванию в масштабе всей страны колоссальной кампании репрессий и травли Коммунистической партии Чили.

Именно в эти годы рождаются первые в стране концлагеря. Именно в эти дни в безжизненных просторах Писагуа строится первый лагерь смерти. За его колючей проволокой страдают тысячи коммунистов. А главой охраны страшного лагеря смерти в Писагуа стал тогда никому не известный капитан по имени Аугусто Пиночет. Да, тот самый Пиночет, который ныне возглавляет военно-фашистскую хунту в Чили.

Не так давно он цинично разглагольствовал о своих «подвигах» того периода. Он похвалялся, что однажды силой воспрепятствовал некоему «слишком благородному» сенатору посетить концлагерь для ознакомления с положением политзаключенных. Имя этого сенатора было Сальвадор Альенде. Пройдет время, и он падет на президентском посту от пуль убийц, выполнявших приказ Пиночета.

Репрессии и террор, развязанные Гонсалесом Виделой, не сломили народ. Широилось движение сопротивления, в котором участвовали рабочие, крестьяне, студенты, деятели искусства и литературы...

О лагере смерти в Писагуа, о самоотверженной борьбе чилийских патристов, коммунистов и рассказывает публикуемая «Сменой» повесть писателя из ГДР Эдуарда Клейна, который, эмигрировав в 30-е годы в Южную Америку, прожил там много лет...

Сила народа положила конец «времени измены и позора».

Так было в те далекие времена. Так будет и теперь. Обращение к урокам прошлого еще более укрепляет нашу веру в конечную победу народа Чили.

ХОСЕ МИГЕЛЬ ВАРАС,
чилийский публицист.

Эдуард КЛЕЙН

ПОВЕСТЬ

Перевел
с немецкого
Леонид Гаряев

холщовый мешок. По всей вероятности, тоже направлялся на рудники искать работу.

Будь освещение получше, пассажиры заметили бы, что человек этот был явно не здешним. Судя по слишком светлой коже, прибыл он с юга, из мест, где климат мягче, где солнце ласкает, а не палит все живое. Но это никого не удивило бы. Многие приезжали с юга в селитряную пустыню в поисках своего счастья. Чужеземец же его, судя по всему, до сих пор не нашел, и стоило бы с этим поторопливаться: на вид ему было за пятьдесят; обращали на себя внимание впалые щеки и сильно отросшая щетина.

Он устроился на одном из свободных двойных сидений, и автобус загромычал дальше. Фары прорезали в темноте светлую полосу, которая слабела и пропадала на расстоянии пятидесяти — шестидесяти метров. Над пустыней навис чернильно-темный крошечный мрак. Но ночью жара становилась относительно терпимой, и потому автобус, следовавший в эти часы в Икике, никогда не оставался без пассажиров.

Между попутчиками стал завязываться разговор. Кто-то один при слабом свете электрической лампочки пытался читать вслух газету. Когда автобус встряхивало на ухабах, лампочка мерцала, и читавшему приходилось водить пальцем по строчкам, чтобы не потерять их.

— «Новый коммунистический заговор в районе угольных копей. Полиция удалось обезвредить группу агентов иностранной державы, пытавшихся спровоцировать рабочих на забастовку». — На словах «агентов иностранной державы» читавший сделал ударение, и было непонятно, звучала в этом ирония или просто досада, вызванная скверным освещением. Так или иначе, полицейский нашел нужным обернуться на голос и внимательно оглядеть человека.

— Разрешается же читать вслух то, что правительство пишет в газете, — как бы не понимая значения этого сурового взгляда, прокизнул пассажир.

— Читать можешь, сколько тебе угодно, — ответил полицейский и, приняв прежнюю позу, снова стал глядеть на дорогу. Видно было, что от его внимания не ускользало ни единое слово.

— «Арестованные, которые сейчас подвергаются допросу, будут затем направлены в лагерь Писагуа, — продолжал пассажир. — На угольных копях восстановлен порядок». — Слово утратив охоту читать дальше, он свернул газету и стал вглядываться через окно в черноту ночи.

В автобусе стало тихо. Люди сидели с замкнутыми лицами, то и дело сквозь полусомкнутые веки кося взглядами на спину восседавшего впереди полицейского. Только приезжий, тот, что вошел последним, оставался безучастным. Когда автобус встряхивало особенно сильно — дорога была плохой, а рессоры еще хуже, — его лицо искажалось гримасой, как будто он чувствовал боль.

Молчание продолжалось с минуту, не больше. Разговоры завязались снова. Но ни об угольных копях, ни о лагере в Писагуа никто больше не проронил ни слова.

Время от времени автобус останавливался. Водитель выкрикивал названия станций, один или два пассажира быстро хватали свои сумки и корзины, их места занимали новые, и несколько секунд спустя автобус с шумом катил дальше.

Около полуночи приезжий с полотняным мешком проявлял признаки беспокойства. Он сел прямо, украдкой покосился на ручные часы, кинул взгляд на водителя, потом в окно, словно пытаясь высмотреть что-то, и затем снова посмотрел на часы.

— Соледад! Выходит кто-нибудь? — крикнул водитель.

— Я, — быстро ответил приезжий.

Другие пассажиры оглянулись на него. В Соледаде, судя по их удивленным лицам, выходили не часто.

Автобус остановился. Полицейский ухватил приезжего за полотняный мешок.

— Куда тебе здесь надо?

— На рудник Санта-Моника. Там, я слышал, требуются рабочие.

— Санта-Моника? Да это же отсюда добрых пятнадцать километров.

Приезжий пожал плечами.

— Что поделаешь, если работа нужна...

«Соледад» в переводе значит «одиночество». Едва ли можно было дать этой остановке более меткое название. Ни дома, ни дерева, ни куста, ни травинки, ничего, кроме голого двухметрового столба, вкопанного у дороги в жесткую почву пустыни, чтобы водители не проезжали мимо.

Мотор взвыл. Пока «чужак» не исчез из светлого круга перед окнами, полицейский видел, как он, решительно перебросив мешок через плечо, двинулся в пустыню. Затем тьма поглотила его.

Приезжий, на ходу повернув голову, следил за движением автобуса. Он как бы почувствовал на себе красный отблеск фонаря заднего света. Затем огни автобуса сузились до маленькой светящейся точки, шум мотора становился все тише и заглох, наконец, совсем. Человек огляделся, как бы желая убедиться в своем полном одиночестве. Глаза его постепенно привыкали к темноте. Он видел черное, словно бархатное, небо, густо усеянное звездами, мерцание которых воспринималось как отблеск грандиозного сияния, исходящего откуда-то с другой стороны черной бездны, тяжелым бременем лежавшей на земле.

Неизвестный опустил мешок, вынул из него компас и карманный фонарь — то и другое довольно странно выглядело в руках безработного, который и за горячий обед запласть вряд ли смог бы, — и осветил маленькое круглое стекло с бегающей под ним стрелкой. Он удовлетворенно кивнул, круто повернулся и быстро зашагал в направлении, противоположном руднику Санта-Моника, в сторону побережья.

Пустыня была ровной и каменистой. Но легкий западный ветер нес с собой мелкие песчинки, предвестники морских дюн, попадавшие в рот, нос, глаза.

Через несколько часов идти стало труднее. Путь преграждали цепи холмов, невысоких, но с крутыми склонами. Тяжело ступая, путник поднимался на них, сбегал вниз и снова поднимался. Подножия были покрыты мелким песком, в котором он увязал по лодыжки. Шаги его стали медленнее и короче.

На гребне холма он присел в одной из впадин. Повернувшись спиной к несущему мириады песчинок ветру, еще раз по компасу и звездам сверил маршрут, потом достал из мешка

О центральной площади городка автобус отошел в сумерки, когда же он остановился у окраинных домов, уже наступила самая настоящая ночь. Салон был полупуст: всего с десяток пассажиров, рабочие и их жены, направлявшиеся к какому-нибудь из мелких селитряных рудников между Арикой и Икике да двое или трое приезжих с большими чемоданами, как видно, намеревавшиеся проехать по железной дороге от Икике на юг: Арика, самый северный город Чили, не связан с остальной территорией страны железнодорожным сообщением.

Ну, и, разумеется, водитель да еще сидевший с ним рядом полицейский с карабином, зажатым между коленями. В течение последних месяцев ни один автобус не отправлялся в путь без «фараона». Возможно, это было связано с концентрационным лагерем, который правительство учредило примерно на равном расстоянии от Арики до Икике, километрах в сорока от соединявшей их дороги, в Писагуа, наполовину покинутом и на три четверти разрушенном, словно призрачном городке. Это был лагерь, предназначенный для политзаключенных, для перевоспитания «красных».

На последней остановке в автобус вошел еще один пассажир. В полутьме можно было увидеть только то, что он отличался необыкновенно худобой. Одет он был в изношенные брюки, клетчатую рубашку, широкий красный шарф, повязанный вокруг бедер, за спиной не слишком туго набитый

СОМНИУЛСЯ

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

Врачу Антонио сказал что-то о настоятельной необходимости съездить по семейным делам. «Причем дела неотложные, господин доктор». «Сколько времени рассчитываете вы потратить на эту поездку?» «Самое большее две недели». «Ну, как хотите, но, предупреждаю, не больше. Я пропишу вам диету, которую надо строго соблюдать. Если вы самое позднее через четырнадцать дней не вернетесь, я снимаю с себя всякую ответственность». «Конечно, господин доктор».

Поездка уже отняла три недели, и к ним, пожалуй, добавится четвертая. Больше времени, чем рассчитывали, потребовала подготовка. Но сегодня ему предстоит наконец встретиться с Хосе. Теперь все должно пройти быстро, и тогда пусть доктор потрошит его во славу божью. В госпитале по крайней мере полиция разыскивать не будет. Ладно, хоть диету удавалось соблюдать. И не растряс его сегодня в старом автобусе, боли в желудке были бы терпимыми. Иногда он целыми часами не испытывал неприятных ощущений. Врач, возможно, преувеличивал опасность. Недаром сначала говорил о нескольких днях, а потом дал ему целых две недели.

На случай особо острых приступов боли врач прописал Антонио капли и еще дал добрый совет: не желаете плохого исхода — старайтесь не нервничать. Но диете такого рода следовать было труднее, чем обычной, во всяком случае, до тех пор, пока он не вернется домой.

Каменистая почва на склонах и даже на гребнях холмов постепенно сменялась песком, который уходил из-под ног и тем замедлял темп ходьбы. Антонио все чаще оглядывался через плечо. Небо за его спиной сначала заметно посветлело, потом стало алеть. На его фоне резко выделялись, темнели зубчатые очертания гор. Над землей разливался рассвет. Но здесь не было ни жизни, ни птиц, приветствовавших наступление нового дня, только немые желтые песчаные холмы. Как бы окутанное в раскаленную дымку, взошло солнце.

Антонио встал и потянулся. Прохладный порыв ветра овеял его волосы. До утра оставалось добрых два часа. Их надо было использовать с толком. Когда солнце поднимется высоко, идти будет жарко. Он вскинул мешок на плечи и стал спускаться в долину, все время придерживаясь западного направления.

Через час ходьбы Антонио почувствовал сильную усталость после долгого ночного марша, и, кроме того, было бы неосмотрительно появляться на месте встречи в дневное время. Может быть, именно сегодня высланы усиленные патрули. Надо было предусмотреть все случайности, которые могли бы помешать успешному выполнению задания. Пожалуй, есть смысл переждать здесь до вечера.

В пустыне не слышалось ни единого звука. Даже ветер уgomонился, и земля как бы покорно ожидала ежедневной кары от жгущего беспощадного солнца. Через час жара обещала стать невыносимой, через два — в песке можно

было бы варить яйца. Куда бы он ни взглянул, всюду виднелись только голые светлые дюны, из которых кое-где выглядывали каменные хребты плоских гор и красные или черные скалы.

На один из таких каменных выступов, на добрых пятьдесят метров поднимавшихся над уровнем пустыни, но с тыльной стороны почти занесенных песком, тяжело ступая, поднялся Антонио. В дюнах, волнообразная поверхность которых каждый день причудливо изменялась ветром, оставались глубокие следы. Но это ничего не значило, ветер не оставит их надолго. Как только поднимется — заметет, как будто и не было их, как замечает он все, даже эту скалу, засыпанную чуть ли не до половины.

Выбрав место с южной стороны, в течение всего дня остающееся в тени, Антонио растянулся на песке. Здесь сохранялась приятная прохлада. Он закрыл глаза и минут через пять впал в забытие.

Проснулся он часа в три пополудни. Воздух над ярко-желтой пустыней, казалось, сверкал от жары, красные скалы будто пылали. Горы были окутаны дымкой. И все же он отчетливо видел белое мерцание ледников. Там, наверху, на четырех- и пятидесятиметровой высоте, над этой бесконечной сушью было в избытке воды. Но горе тому, кто отклонится от маршрута, чтобы дойти до нее. Пустыня поглотит его и погребет кости под песком. А перед Антонио в двух или трех часах ходьбы было море, синее и бездонно глубокое. И между этими двумя источниками прохлады простиралась пустыня, отделявшая их друг от друга широкой стокилометровой полосой молчания и смерти.

Антонио снова достал из мешка термос. Принявшись за еду, он оглядывал окрестности прищуренными глазами — нестерпимо яркий солнечный свет, отражавшийся от прокаленного до белизны песка, причинял боль. Здесь все выглядело иначе, не так, как там, дома, на угольном копях. Там были хвойные леса, доходящие до самого океана, города, поля, там была жизнь во всем. Многие, побывавшие в том краю, называли его грязным и жалким из-за дыма, выбрасываемого множеством труб, из-за копоти и угольной пыли. Может быть, отчасти они были правы, но все же это было в тысячу раз лучше, чем мертвый песок пустыни.

Антонио взглянул на часы. Пять. Если он сейчас двинется в путь, то как раз в сумерки доберется до Писагуа. Лицо и руки ему обжигало немилосердное солнце, такое, о котором он и представления не имел там, дома. Он старался по возможности держаться в тени холмов, чтобы хоть немного укрыться от жары и вместе с тем от чьего-либо внимания. Поднимаясь, он часто оступался и скользил обратно по мягкому, податливому песку; спускаясь по склонам, вынужден был соблюдать особую осторожность, чтобы кубарем не полететь вниз. Это был мучительно трудный путь. Время от времени он отпивал по глотку молока. Только по маленькому глотку. Кто знает, вдруг расчет оказался неверным, и ему предстоит шагать еще долго. На этот случай лучше, если в термосе что-нибудь останется.

Но расчет оправдался. Когда солнце коснулось горизонта, лицо его тронул порыв свежего соленого ветра. Он зашагал быстрее, взобрался на песчаный холм, потом на второй, на третий, и через четверть часа под ним, тускло поблескивая в стущающихся сумерках, лежало море. Добрых три сотни

термос с отвинчивающейся крышкой и ложку. Ел он медленно, маленькими глотками, каждый раз запивая их. Меню составляли манная каша и молоко. Лицо его скривилось в улыбке, когда вспомнилось, какие большие глаза сделали, услышав его заказ, хозяева таверны около автобусной станции. Водка и свежий, хорошо прожаренный бифштекс, а не эта безкусная кашка были в их представлении едой, достойной мужчины.

Он снова подумал о враче, как это делал часто, с тех пор как три недели назад в последний раз побывал в пропахшем лекарствами кабинете. Врач сидел за большим письменным столом, на котором лежало с полдюжины рентгеновских снимков. «Вам надо решаться на операцию, Антонио, причем немедленно. Язва желудка, к тому же выглядит весьма неважно. Пока еще время есть, но затягивать опасно. — Испытующе посмотрел сквозь стекла очков и, увидев на лице пациента испуг, добавил: — Не пугайтесь, все пройдет хорошо. И стоять ничего не будет. Я обеспечу вам койку в клинике. Только поскорее. Лучше всего на следующей неделе».

Врач, разумеется, был прав. Но он не мог знать, что накануне вечером на заседании местного партийного комитета было принято другое решение: направить Антонио в район Арики. Обсуждался этот вопрос долго, взвешивали все, и пришло время переходить к делу. Согласие Центрального Комитета было получено, и для поездки в Арику других кандидатур не находилось. Все остальные, недавно появившиеся на копыа, не знали Хосе, который был арестован почти год назад.

метров оставалось до белой линии прибоя у прибрежных скал, но шум его доносился, хотя и не очень отчетливо. Спуск был крутым, во многих местах почти отвесным. Справа перемигивались огоньки. Антонио присел рядом с кучей камней, закурил сигарету—первую после Арики—и стал глядеться в серые крыши, раскинувшиеся внизу.

Раньше, несколько десятилетий назад, Писагуа была известна как порт, через который вывозилась селитра. А потом вырвались вперед соседние портовые города, и к Писагуа больше не подходили корабли, люди разъехались, дома пришли в запустение.

Но год назад кому-то в правительстве пришла в голову мысль превратить этот город-призрак в концентрационный лагерь для политзаключенных.

Антонио глубоко затянулся сигаретой. Он знал, что ожидало его там, внизу. Прежде чем ему выезжать сюда, товарищи собрали точные данные и все вместе набросали план действий.

Антонио знал, что раз в сутки—перед ужином—все заключенные выстраивались на поверку и тщательно пересчитывались. Он знал, где стоят посты, которых следовало опасаться, где проходят маршруты патрулей. Он знал, что заключенные здесь не испытывали особенно плохого обращения. Зачем бить? Куда сильнее действовали голод, палящее солнце и перспектива оставаться здесь изнуренными, обессиленными в течение неопределенного времени—так долго, как будет угодно правительству. Антонио знал, что каждый месяц здесь сменяется охрана, за исключением некоторых особо надежных офицеров и унтер-офицеров. Находящиеся здесь заключенные совершили только одно преступление: верили в жизнь, более достойную человека, и правительство имело основания опасаться того, что такие люди могут склонить на свою сторону рядовых полицейских. В Писагуа не было ни стен, ни колючей проволоки: преодолеть море или пустыню куда труднее, чем любые искусственные преграды. А если бы это и удалось кому-нибудь, то смельчак был бы схвачен полицией в первом же из ближайших поселков. Не приходилось заключенным рассчитывать и на помощь извне. Каждое письмо подвергалось строжайшей цензуре. Доставить в лагерь или вынести из него какое-либо сообщение было почти невозможно.

Господа из правительства предусмотрели все, кроме одного. Они не подумали о том, что среди верящих в жизнь, более достойную человека, могут найтись и смельчаки, которые добровольно пойдут в логово льва, в этот ад, находящийся там, внизу, чтобы организовать побег. Антонио еще раз скользнул взглядом вдоль улицы, потом прислонился спиной к куче камней и устроился поудобнее. Надо подождать, пока совсем стемнеет, в Писагуа погаснут последние огни, и тогда пробраться туда.

Педро Суарес, сержант чилийской полиции, проходящий службу в Писагуа, спасая от жары, снял мундир и сидел за тщательным убранным письменным столом в одной рубашке, но вытянувшись, как полагается бравому служаке. Он был правой рукой, ушами и рупором самого коменданта и больше, чем любой другой, сделал для того, чтобы превратить Писагуа в место воспитания врагов порядка: пусть поймут, что напрасно затевают свои заговоры. Порядок должен сохраняться хотя бы потому, что благодаря ему Суарес носит обе свои сержантские нашивки.

Перед сержантом стоял один из этих врагов порядка, какой-то учитель-коммунист, для которого здесь, в лагере, под надежной охраной было куда более подходящее место, чем в школе. Заявил, что хочет обратиться с просьбой, и потому стоял, как положено заключенному, в смиренной позе.

— Ваше имя Диего Ортис?
— Так точно, господин сержант.
— По профессии учитель?
— Так точно, господин сержант.
— Ну, ладно, докладывайте.

Развалившись в кресле, Суарес с особым удовольствием оглядывал стоявшего перед ним стройного молодого человека.

Быстро сдал этот учительшка. Трех месяцев не прошло, а уже раскис. Он, Педро Суарес, сразу заметил это: знает толк в таких делах. И ведь обессиленным не выглядит, даже цвет лица еще неплохой. Через годик такой основательно изменится, это может гарантировать от имени правительства Педро Суарес, хотя он всего-навсего сержант полиции. Одни выдерживают долго, другие становятся покладистыми быстрее, и это хорошо. Цель крепка ровно настолько, насколько прочно ее слабое звено, и, может быть, этот учитель и есть то самое звено.

Из полутмы перед окном доносились шарканье подошв, разноразной голосов, резкие окрики. Раздавался ужин. Обращаясь к Суаресу заключенные могли только в это время. Кому особенно приспичит—от ужина откажется. Только так можно быть уверенным, что не полезет со всякими мелочами.

— Ну, говорите,—повторил сержант, потому что учитель все еще медлил, не решаясь начать.

Суарес постучал тупым концом карандаша о стол и выждал.

— Жена моя должна скоро родить...

Сержант оставался невозмутимым, и учитель не смог совладать с собой. Как видно, с нервами у него и раньше было плохо.

— Мне надо на свободу, слышите! Она сама не знает, на что ей жить, а теперь еще и ребенок. Мне надо на свободу. Мы

женаты шесть месяцев, и половину из них я сижу здесь. Разрешите мне обратиться к коменданту.

— Он не сможет вам ничем помочь. Обо всем этом надо было думать раньше.

— Но я же ничего не сделал. За что меня держат здесь?

— Вы член партии, угрожающей безопасности государства. Мы обязаны охранять его от вас и вам подобных.

— Когда я вступал в компартию, она была легальной. А моя жена... Взгляните, вот ее письмо, господин сержант.—Учитель порылся в кармане и поднес к лицу полицейского два измятых, зачитанных листка бумаги.

— Придержите это у себя. Жена ваша писала вам, а не мне.

Еще мгновение—и он рассмеялся бы в лицо арестованному, потому что давно знал содержание этого письма. Для чего же тогда в лагере существует цензура? Однако предпочел сохранить сдержанность.

— Что мне делать?—сокрушался Ортис.—Неужели нет никаких путей? Может быть...—чувствовалось, немалых усилий стоило ему обращаться с просьбой.—Может быть, если вы поговорите с комендантом...

— Никто не может вам помочь.

У Ортиса безвольно опустились плечи.

— Что мне делать?—повторил он, глотая подступавшие слезы.—Будь такой лет на пять моложе—и завыл бы,—подумал Суарес.

Он встал, подошел к арестанту Диего Ортису, этому ничтожеству, которого где-то ожидала жена, не подозревавшая, что ее блаженный—всего только номер в списке тысячи двухсот заключенных. Подошел и собственноручно пододвинул ему стул:

— Садитесь.

Ортис не сел, а упал на стул, а сержант, сведя брови, критически оглядывал его. Потом вернулся на свое место и включил настольную лампу, свет ее падал заключенному в лицо, сержант же оставался в полутьме.

— Нет,—жестко произнес он.—Помочь вам не сможет никто, если вы не возьметесь за это сами.

Ортис быстро поднял голову. Щурясь, он смотрел на свет, из-за которого доносился до него этот голос, бесплотный голос, звучащий сейчас уже не так холодно и официально, пробуждавший хоть какой-то луч надежды.

— Я сам?!

— Рука руку моет. Вы хотите выйти на свободу—хорошо, дайте нам доказательство того, что дома вы больше не натворите глупостей, что будете жить, как любой другой благоразумный гражданин. Я знаю, о чем вы думаете сейчас.—Как бы отводя возражения, сержант поднял руку, хотя ослепленный ярким светом Ортис не мог его видеть.—Вы думаете, нам нужны имена товарищей, которых вы знали раньше, чтобы можно было арестовать их. Глубоко заблуждаетесь. Ничего подобного мы не требуем. Мы же не звери.—Он выдержал паузу и снова всмотрелся в арестованного, который безуспешно пытался пробраться взглядом через круг света, отделявший его от полицейского.—Разве может кто-то быть виновным в том, что другой попал в лагерь?—развивал мысль Суарес.—Порядочного человека в этом никогда не обвинишь. И, кроме того, нам не доставляет ни малейшего удовольствия держать вас здесь, только...

Он передернул плечами.

— Что только?—тихо спросил Ортис.

— Но среди вас есть несколько таких, которые и в лагере утомонятся не могут. Они организуют учебные курсы, ведут пропаганду, продолжают устраивать заговоры и, возможно, планируют даже побег. Докажите нам, что вы не принадлежите к их числу. Назовите нам этих людей. Этим вы ни у кого не отнимете свободу. Все они и без того находятся здесь.

— Но я не знаю никого из этих людей, не слышал ни о каких курсах.

Суарес покачал головой.

— Жаль. Чувство товарищества, которому вы остаетесь верны, делает вам честь, но жертва эта, прямо скажем, бесполезна. Мы знаем все и, в частности, знаем о существовании курсов здесь, среди заключенных. Руководят ими агитаторы, профессиональные революционеры, те, что и на свободе вбивали другим в головы блажь, толкали честных граждан на кривую дорожку, как это они сделали с вами. Думаете, они способны испытывать по отношению к кому-нибудь чувство товарищества? Люди эти не стоят того, чтобы вы жертвовали чем-либо ради них, вы, интеллигентный человек, учитель. Не раздумывая ни секунды, они бросили бы вас на произвол судьбы, если бы сами могли выйти на свободу.

Ортис все еще, прищурившись, смотрел на свет, вслушивался в голос, хватавший за душу. Помедлив, он встал:

— Мору я иди, господин сержант?

— Как хотите. Но подумайте о том, что я вам сказал. Это единственная возможность получить свободу.

Ортис закрыл за собой дверь.

Он не сказал «нет», удовлетворенно подумал Суарес, сержант чилийской полиции. Завтра с утра надо будет снова закинуть крючок. Что ни говори, в этой дыре единственное развлечение—ловля рыбы и охота за человеческими душами.

Заключенный Диего Ортис, числившийся в лагерных списках под номером, немного не достигавшим цифры «1200», человек, которого где-то ожидала молодая жена, который половину своей семейной жизни провел в лагере и через несколько недель должен был стать отцом ребенка, того, что

возможно, никогда не увидит, шел по прямой, круто поднимавшейся в гору главной улице Писагуа. В полутьме расплывались очертания старых, полуразрушенных домов и новых, наспех сооруженных бараков, битком набитых заключенными. Позади шумело море, это лживое море, днем и ночью подставлявшее свою то синюю, то черную спину, как будто выражавшее готовность унести отсюда любого так далеко, как он захочет, и все же остававшееся тюремщиком.

Идя к своей квартире, находившейся на окраине городка, Диего Ортис думал о Еве-Марии и ее письме. «Теперь тебя наверняка освободят,—писала она,—люди не могут быть такими плохими». И еще он думал о том, что говорил только что сержант.

Все казалось так легко, когда он вступал в партию! Широкая дорога прямо вела к справедливому, разумному обществу.

А теперь было так трудно, так невероятно трудно. Из-за стены дома, мимо которого он проходил, донеслись приглушенные голоса. «Платные агитаторы», как говорит сержант, люди, профессия которых—сеять недовольство. И такие якобы вынуждают его торчать в лагере, ни на миг не задумываясь об этом, не чувствуя за собой вины, мечтающая лишь о том, чтобы выйти на свободу самим. Нет, это была неправда, тысячу раз неправда! В партии он состоял еще совсем недолго, но имел немало случаев убедиться в этом.

Когда Диего вошел в хижину, человек, сидевший за колченогим столом в центре комнаты, поднял голову. Слабая электрическая лампочка без абажура, свисавшая с потолка, отбрасывала глубокие тени на его исхудавшее лицо. Хосе Аревало уже целый год находился в лагере и по удрученному виду товарища понял все. Ортис молча опустился на свои нары.

— Не стоило тебе туда ходить,—спокойно, без упрека проговорил Хосе.—Только унижаешься напрасно. Либо мы выйдем на свободу все, либо никто.

Ортис молчал, не отрывая взгляда от потолка, Хосе легко рассуждать, а вот побыл бы в его шкуре, заговорил бы иначе.

— Я захватил твой ужин,—сказал Хосе.—Повар не заметил, что я дважды подходил к нему. А может быть, и не хотел замечать.—Он поставил жестяную миску рядом с нарами Ортиса. Но тот только отрицательно качнул головой.—Слушай, тебе необходимо поесть.

Хосе вернулся к столу. При ходьбе он припадал на одну ногу.

Этот учитель причинял ему немало забот. Слишком тяжелым испытанием для него был лагерь. И может быть, не столько лагерь, сколько неизвестность, сознание того, что заключен он сюда на неопределенное время и кто знает, выйдет ли вообще на свободу.

Хосе выключил свет. Помочь он был не в состоянии. Еще год назад нашел бы слова утешения и надежды, которые помогали многим, придавали им мужество, силу, энергию, вызывавшие волю к жизни... Теперь же... Порой ему казалось, что силы и уверенность вытекли из него, как нефть из бочки, давшей течь, опустевшей и ставшей никому не нужной.

В темноте Ортис взял миску и медленно выхлебал ее содержимое. Бобы, каждый день бобы, горсть в полдень, горсть вечером, а по утрам черная тепловатая водичка, именуемая здесь кофе. И это для взрослого, здорового мужчины! Ортис стиснул зубы. Нет, не по нему такая жизнь. Лучше поголодать некоторое время, чтобы умереть, подохнуть, остаться забытым, закопаным в песок, как это было со многими в Писагуа. Ортис откинулся на нары. В потолке зияла большая дыра, часть крыши провалилась. Над всем миром распростерлось это небо, над всем миром сияли звезды, чистые, ясные, недосгаемые.

Хосе слышал бряканье ложки о миску и затем неровное дыхание товарища. Он тоже лежал на нарах и не мог заснуть. Правая нога горела огнем.

Учитель хотел попасть домой, туда, откуда он прибыл, где его ждала жена. Его, Хосе, тоже ждали. «Сейчас тебе удалось уйти от нас живым, но в следующий раз мы тебя прикончим, можешь на это надеяться»,—сказал полицейский комиссар, надев на него наручники и втолкнув в вагон для скота, в котором группу арестованных направляли в Писагуа.—Мы ждем тебя».

Это было через четыре недели после заключительного допроса. Его избивали подолгу, целыми часами. Хотели выведать имена и адреса. Он молчал, и его хлестали ремнями из бычьей кожи, били стальными прутьями, пропускали через него электрический ток, пока он не терял сознание. Потом приводили в себя и начинали мучить снова. Тогда и досталось его правой ноге, с тех пор иногда терявшей чувствительность и подвижность. Но лагерный врач только пожал плечами и сказал сопровождавшим его ассистентам: «Человек этот, видимо, неудачно упал с высоты».

Они ждали его там, в родных местах, и, конечно, выполнили бы свою угрозу. Он слишком хорошо знал их и иногда даже радовался тому, что находится в Писагуа, тому, что с ним ничего не может произойти, ведь все уже было испытано раньше. Он предпочел бы медленно умереть здесь, подохнуть от голода, от какой-нибудь пустынной болезни, которую на воле вылечит любой фельдшер, но не попадать снова в ад подобного допроса. Лучше сто лет провести в Писагуа, чем пережить одну минуту в страшной звукопроницаемой комнате. Для этого у него не оставалось сил. Этого не мог бы вынести человеческий организм. Он никому не говорил и не сказал бы об этом, но вторично пройти через такое не мог.

Окончание в следующем номере.

СТАДИОН

УРОК 4-й

ДЫХАНИЕ

СМЕНА

Основой дыхательных движений является правильная последовательность наполнения легких воздухом при вдохе и освобождения их при выдохе. Различаются два типа дыхания: брюшное (обычно у мужчин), при котором работает преимущественно нижняя часть легких, и грудное (обычно у женщин) — работает преимущественно верхняя часть легких.

Как первый, так и второй способы дыхания в отдельности неполноценны, так как не вентилируют легких полностью.

Научитесь дышать правильно! Грудная клетка должна быть подвижной, а межреберная мускулатура, выполняющая акт дыхания, мощной, способной углублять дыхание за счет движения грудной клетки по возможно большей амплитуде.

Изучение правильной техники дыхания начните с раздельного освоения брюшного и грудного дыхания.

Выполняя дыхательные упражнения, руками контролируйте правильность продельваемых операций. Одну ладонь положите на грудь, другую — на живот.

1-е УПРАЖНЕНИЕ.

Вдохнуть так, чтобы живот максимально выпятился и приподнял руку. Другая рука должна оставаться в покое. Выдох, так же, как и вдох, производите плавно, без рывков, как можно глубже втягивая живот вовнутрь.

2-е УПРАЖНЕНИЕ.

Вдохнуть так, чтобы расширилась и поднялась грудная клетка, поднимая контролируемую руку, другая рука должна оставаться неподвижной. Выдох выполняется плавно, возможно полнее.

Освоив эти два способа дыхания, можете перейти к третьему упражнению — на полное дыхание.

3-е УПРАЖНЕНИЕ.

Оно состоит из четырех движений, плавно следующих одно за другим.

Вдох начинается брюшным дыханием, после чего плавно переходит в грудное дыхание (расширяется и поднимается грудная клетка). Выдох начинается со втягивания живота и плавно переходит в сужение и опускание грудной клетки.

Внимание! Чрезмерная вентиляция легких может вызвать неприятные ощущения, вплоть до головокружения, поэтому после 2—3 упражнений перейдите на спокойное дыхание.

Циклы дыхательных упражнений следует применять: после ходьбы, приседаний и прыжков, а также завершая общеобразовательный комплекс; в рабочее время в качестве активного отдыха, после интенсивной деятельности со значительным возбуждением, вызванным физическими упражнениями.

Запомните три правила дыхания:

1. Не задерживать дыхание более 2—3 секунд.
2. Слишком большая задержка дыха-

Занятия ведет заслуженный мастер спорта Александр КОЛТАНОВСКИЙ

ния — натуживание — повышает кровяное давление, создает неблагоприятные условия для работы сердечно-сосудистой системы.

2. Не допускать чрезмерного учащения дыхания, которое не может удовлетворить потребности в кислороде, значительно возрастающей во время физических упражнений.

3. Вдох делать через нос, выдох — через рот. При больших физических нагрузках допускается вдох через нос и рот одновременно.

Правильное дыхание необходимо не только для занятий физкультурой, но и для нормальной жизнедеятельности всего организма.

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЗАДАНИЕ

На прошлом уроке мы предложили всем желающим заменить три первых упражнения общеобразовательного комплекса (см. «Смену» № 21, 1975 г.). Предлагаем еще три упражнения вместо 4—6.

4. ДЛЯ МЫШЦ НОГ НА СИЛУ.

И. п. — основная стойка, 1—2 — руки дугами в стороны, вверх — в стороны, одновременно присесть, разведя колени в стороны. 3—4 — выпрямить ноги, руки в стороны.

Повторить 10—15 раз в медленном темпе. Дыхание произвольное.

5. ДЛЯ МЫШЦ СПИНЫ НА СИЛУ И НА РАСТЯГИВАНИЕ МЫШЦ ЗАДНЕЙ ПОВЕРХНОСТИ ТЕЛА.

И. п. — основная стойка, руки за голову. Вдох.

1—2 — не сгибая ног, наклон вперед. Выдох.

3—4 — выпрямиться. Вдох. 5—6 — быстрый наклон вперед с двумя пружинистыми покачиваниями туловища вперед до предела. Выдох.

7—8 — выпрямиться. Повторить 8—12 раз.

6. ДЛЯ МЫШЦ ЖИВОТА НА СИЛУ И НА РАВНОВЕСИЕ.

И. п. — основная стойка.

1—2 — руки дугами вперед — вверх с наклоном назад до предела. Голову назад не забрасывать.

3—4 — руки в стороны, не уменьшая наклона туловища назад, поднять правую ногу. 5—6 — пауза.

7—8 — выпрямиться, руки вниз, правую ногу приставить к левой.

Повторить 8—12 раз, поочередно поднимая ноги. Дыхание произвольное.

ПРИМЕЧАНИЕ: при наклоне назад обычная ошибка — забрасывание назад головы. Это создает ложное впечатление большого наклона, в то время как его может и вовсе не быть. Поэтому следите за тем, чтобы голова все время была в прямом положении относительно туловища.

В двенадцатый раз подводим мы итоги конкурса за право называться лучшим молодым футболистом сезона. Прошедший футбольный чемпионат оказался самым «урожайным» за все годы — 16 команд высшей лиги познакомили любителей спорта со 105 дебютантами, из которых 30 сыграли более 50 процентов матчей, иначе говоря, прочно утвердились в основных составах своих клубов. Эти цифры должны, на наш взгляд, вызывать оптимизм ничуть не меньший, чем громкие победы киевского «Динамо»: советский футбол обеспечен на ближайшие годы хорошими резервами, и мы вправе ожидать в скором времени появления большой группы мастеров самого высокого класса.

Лауреатами «Смены» стали представители 8 клубов. Двое из одиннадцати — тбилисец Г. Имандзе и московский армеец П. Коваль — сыграли значительно меньше матчей, чем многие другие кандидаты. Однако мы не могли не прислушаться к авторитетному мнению специалистов, высоко оценивших способности и подготовку этих молодых спортсменов.

Итак, представляем читателям «Смены» символическую сборную лучших дебютантов прошедшего футбольного сезона.

ВРАТАРЬ

Гия ИМНАДЗЕ — «Динамо» Тбилиси, 20 лет, сыграл 7 матчей.

ЗАЩИТНИКИ

Виктор КРУГЛОВ — «Торпедо» Москва, 20 лет, 21 матч. Вошел в список Федерации футбола СССР «33 лучших».

Александр БУБНОВ — «Динамо» Москва, 20 лет, 24 матча, забил 1 гол. Награжден бронзовой медалью чемпионата страны. Выступал за молодежную сборную СССР.

Александр НОВИКОВ — «Динамо» Москва, 20 лет, 10 матчей.

Юрий САУХ — СКА Ростов-на-Дону, 21 год, 28 матчей, 1 гол. Выступал за олимпийскую сборную СССР.

ПОЛУЗАЩИТНИКИ

Сергей ПЕТРЕНКО — «Торпедо» Москва, 20 лет, 17 матчей, 3 гола.

Хорен ОГАНЕСЯН — «Арагат» Ереван, 20 лет, 24 матча, 4 гола.

Андрей РЕДКОУС — «Зенит» Ленинград, 18 лет, 20 матчей, 4 гола. Выступал за юношескую сборную СССР.

НАПАДАЮЩИЕ

Сергей ГРИШИН — «Торпедо» Москва, 24 года, 19 матчей, 6 голов.

Владимир РОГОВСКИЙ — «Шахтер» Донецк, 21 год, 19 матчей, 4 гола. Награжден серебряной медалью чемпионата страны.

Павел КОВАЛЬ — ЦСКА Москва, 18 лет, 8 матчей, 3 гола.

Редколлегия «Смены» поздравляет молодых спортсменов и желает им новых успехов в учебе и спорте.

ЛЕСКОВ

Юрий НАГИБИН

Давно и преданно любя Лескова, ревнуя к славе тех, кто больше его признан и читаем, я силен понять меру и характер известности этого удивительного, ни с кем не сравнимого русского писателя. Лесков?.. Ну, как же, кто не знает Лескова! Но копии чуть глубже, и ты убедишься, что на слуху у людей или просто имя классика — не из первых — русской литературы, или тричетыре его произведения: «Очарованный странник», «Леди Макбет Мценского уезда», «Левша», — иногда этот список обогащается «Тупейным художником» или «Железную волю». Но «Очарованного странника» знают больше по театру «Ромэн», где инсценировка И. Штока около четырех десятков лет не сходит с подмостков, «Леди Макбет Мценского уезда» — по знаменитой опере Дмитрия Шостаковича «Екатерина Измайлова», запечатленной и на киноленте, сказ о Левше — опять же по сценическим воплощениям и прелестному мультфильму, а «Железную волю» и «Тупейного художника» часто читают по радио.

Конечно, среди отечественных книжечеев найдутся и такие, что читали и перечитывали с наслаждением как названные вещи, так и другие шедевры Лескова, скажем, «Собрания», «Старые годы в селе Плодомасове», «На краю света», «Вонительницу», «Несмертельного Голована», «Воровской час», «Мелочи архиерейской жизни». Но это народ особый — любители и знатоки литературы, а я имею в виду рядовых квалифицированных читателей. Для них названия подавляющего большинства произведений Лескова — звук пустой. И в библиотеках мне говорили с грустью, что спрос на Лескова совсем невелик и лишь немногим превышает спрос на почти — и несправедливо — забытых Григоровича, Писемского, Глеба Успенского, Эртеля.

О, великая, изобильная, неприметливая и расточительная от богатств своих безмерных Русь! Ведь каждый из названных писателей в литературе любой другой страны явился бы предметом поклонения, всенародного культа. И дом, где он увидел свет, и любое приютившее его жилье, и школа, где он учился, стали бы местом паломничества, а у подножия памятника, возведенного благодарным потомством, не переводились бы свежие цветы и венки из бессмертных.

Но «наплевать на бронзы многопудье», лучший памятник писателю — его творения. И тут с Николаем Семеновичем Лесковым дело обстоит весьма не просто. Предполагая, что какой-нибудь любознательный и доверчивый читатель, поверив моим закланиям, кинется в библиотеку и, проглядев дореволюционное марксовское, наиболее объемистое, собрание сочинений Лескова (поразительно, что полного собрания этого выдающегося писателя не было издано ни до, ни после революции), остановит свой выбор на самых больших романах: «Некуда», «Обойденные», «На ножах», — уж коли знакомиться с неизвестным автором, то по крупному!..

Первый из названных романов смутит нашего доверчивого читателя причудливой смесью хорошего и дурного. Его наверняка

привлекут главные герои Лиза Бахарева и романтический Райнер, тронет своей чистотой студент Помада, но, без сомнения, поколеблет от фельетонных «углекислых фей с Чистых прудов», в чьих едко сатирических образах отчетливо сквозит недоброжелательство чисто житейского, а не художественного замысла, огорчат резкая неровность стиля, многословие, разболтанность формы. От второго же романа пахнет литературой весьма невысокого пошиба, а после третьего — «На ножах» — наш впечатлительный читатель, пожалуй, что и навсегда закроет Лескова, оскорбленный той уродливой карикатурой на передовых людей и передовые идеи семидесятых годов, какую являет собой этот толстый, небрежно и грубо, второпях написанный роман. Впрочем, не исключено, что он опустит смущенным сердцем подспудную, незаурядную силу желчно-раздраженного автора, ну, хотя бы в пронзительно-трогательном образе нигилистки «древлего благочестия» Ванскок.

Лесков и сам стыдился этого крайне неудачного и злобного романа, жалел, что написал его, да ведь из песни слова не выкинешь, и он включил «На ножах» в свое первое и единственное собрание сочинений, тем самым признав свою ответственность за содеянное.

Но представим себе, что нашему воображаемому читателю повезло: он не польстился на толстенные романы, а раскрыл, скажем, «Запечатленного ангела», или «Левшу», или «Очарованного странника» — шедевры зрелого Лескова. Я вовсе не убежден, что он дочитает эти небольшие вещи до конца. Его может отпугнуть и непривычная, вычурная форма сказа — русский классический рассказ тяготеет к объективному способу изображения — и цветистая странность речевой манеры, обилие незнакомых, порой непонятных словечек, то ли истинно народных, то ли, что куда вероятнее, придуманных истритым воображением автора (Лесков и в самом деле был неутомимым изобретателем слов, зачастую пародирующим народное словотворчество, что одновременно восхищало и раздражало таких его современников, как Достоевский и Лев Толстой). Непривычно, трудно читать, спотыкаешься чуть ли не на каждой фразе, то и дело в комментарии заглядываешь, а ведь жизнь так коротка, и до чего же обильную информацию можно получить за время, потраченное на лесковский рассказ, с голубого экрана телевизора! Да, все это, несомненно, так, но если читатель сумеет побороть внутреннюю суету, сосредоточиться в душевной тишине и по глотку осушит приятный кубок лесковской прозы, он откроет для себя целый мир невиданной красоты, неповторимых образов, сверхающей фантазии, расписной, причудливый мир, где русский дух, безмерный и в радости и в печали, где Русью пахнет — и сладко, и горько, и нежно, и дымно, так крепко, забористо пахнет, как ни у одного другого писателя нашей земли, разве что у мятежного протопопа Аввакума.

Да, непосто все с Лесковым, не знаешь даже, с какой стороны подступиться к этому уникальному в своей противоречивости и неухватности явлению великой русской литературы. Столько всего в нем сплелось, скрутилось, смешалось, казалось бы, вовсе

не соединимого в одной личности. Столько загадок назагадал о себе этот реакционер, нарисовавший нежнейший образ гарибальдийца Артура Бенни, ненавистник нигилизма, создавший Лизу Бахареву, Помаду и Ванскок и боровшийся, по его собственным словам, лишь с теми, кто принизил чистый тип Базарова, этот певец божедомов, апологет русского православия, издевавшийся над официальной церковью и ее архиереями, последователь Льва Толстого, высмеявший и толстовцев и толстовство, этот пловец, умевший плыть только против течения, не поладивший ни с кем из современников и никем не понятый до конца, этот насмешник и зловердик, постигший, как никто другой, духовную силу и красоту русского человека, за что и был вознесен посмертно другим великим народолобом — Горьким...

На известном портрете В. Серова Лесков стар, желт, изможден, болен. Только темные, ночные глаза — по зигизде в зенице — мечут раскаленные молнии крутохвата-буреносца. Он тяжело умирал: с дикими болями в сердце, с мучительными удушьями, но перед исходом закончил «Заячий ремиз», комическую и горестную историю Оноприя Перегуда из Перегудов, заурядного обывателя, загнанного неотвязным страхом перед российской действительностью в желтый дом, где он, зашпищенный тихим безумием, толстыми стенами и решетками на окнах, умиротворенно выжмет шерстяные чулки для своих братьев-умалишенных.

А на фотографиях, обычно сопровождающих издания Лескова с дореволюционных до наших дней, он взят в пору жизненного расцвета: соколя грудь, крутые плечи, желтая, красивая голова на сильной, короткой шее и пламя в темном, опасном, как у васнецовского Ивана IV, изоре. Это сходство с Грозным — не в чертах и уж подавно не в стати, а в выражении — подмечали многие современники Лескова. Он тяжело жил, в вечном противоборстве со всеми и вся: с родными и близкими, даже с собственным прекрасным, умным сыном, с передовыми людьми своего времени и реакционными властями, с бога не приемлющими и церковниками, с правыми и левыми, с писателями и критиками, издателями и даже безмерно любимым Львом Толстым, чью веру исповедовал, а в «Зимнем дне», одном из последних своих рассказов, так ударил по толстовцам и самому учению великого ересиарха, что Софья Андреевна отказала ему от дома.

Поистине нет более сложной и противоречивой фигуры в русской литературе, нежели Николай Семенович Лесков! Когда-то он просто и мудро сказал, что писатель должен «всегда быть около крупных вопросов», и сам неизменно следовал этому правилу. Но, оказывается, мало было около крупных вопросов, чтобы «привлечь к себе любовь пространства, услышать будущего зов», заслужить добрую славу у современников и чистую, благодарную память в потомстве, важно еще, с какой стороны ты к этим вопросам подходишь, как берешься за них и как решаешь.

Есть еще одно, крайне существенное для писательской судьбы правило, которое нарушил начинающий литератор Лесков и потом всю жизнь каялся: береги честь смо-

лоду. А он не уберет, да еще как не уберет!.. И за вопросы — первостепенные, животрепещущие, большие — брался отважно, хватко да зачастую не с того конца. Но прежде о том поистине роковом обстоятельстве, что случилось в пору журналистской молодости Лескова и отбросило черную тень на всю его последующую литературную жизнь, искоркав образ писателя в глазах современников, особенно в глазах передовых людей русского общества.

Дело было в 1862 году. Петербургским майским днем запылали Апраксин и Шукшин дворы. Огонь и до того частенько посещал русскую столицу, и в народе забродили темные слухи, что то не божий гнев или людская неосмотрительность, а сознательный злой умысел шайки поджигателей. О поджигателях толковали разное, но все сильнее овладевало смятенными умами гостинодворское мнение, что виной тому студенты да всякого рода бунтари против законной власти. Есть все основания утверждать, что и сами пожары и порожденные ими слухи имели один источник — полицию. Это была крепко задуманная и с размахом осуществленная провокация, которой правительство решило ответить на студенческие волнения и знаменитую прокламацию «Молодая Россия», выражающую уверенность, что России «вышло на долю первой осуществить великое дело социализма».

Трещало и билось пламя, пожирая лавки со всеми товарами, захватывая соседние дома и строения, жаркие отсветы плясали на искаженных ужасом и злобой лицах обывателей, и вместе с чадным, смрадным дурманом укоренялось в душах услужливо и к месту подсказанное: студенты подожгли, от них вся смута и непорядки на Руси. И горячая от пожарного огня толпа кинулась бить студентов. В этот мрачнейший час русской жизни раздался молодой, но уже самоуверенный басок начинающего — и весьма счастливо — сотрудника «Северной пчелы» Лескова, пусть непредумышленно, но все же намекнувшего на связь пожаров с прокламацией. Мало того, Лесков в пренебрежительнейшей манере сверхлояльного гражданина призывал петербургское начальство, слычъ полицию, к решительным действиям.

Будем справедливы, многие прославленные современники Лескова (Тютчев, Тургенев, Анненков и другие) допускали причастность левых сил к пожарам, но они делились своими тревожными мыслями в письмах, в домашних беседах, понизив голос, никому не вспало на ум выступить с ужасным и недоказуемым обвинением в печати. От подобного опрометчивого, мягко говоря, поступка они были защищены не только политическим тактом, но просто душевной воспитанностью, чего вовсе был лишен Лесков.

Размашисто подписывая пожарную корреспонденцию, Лесков никак не думал, что подписывает смертный приговор себе. Пусть «смертный» и чересчур сильно сказано, но то, что он сам перешиб хребет своей литературной карьере, несомненно, и срывается перелом, ох, как не скоро! Не годы, а десятилетия уйдут на это.

От Лескова безглаголю отвернулись не только передовые люди, но и все, кому была присуща политическая и житейская опрят-

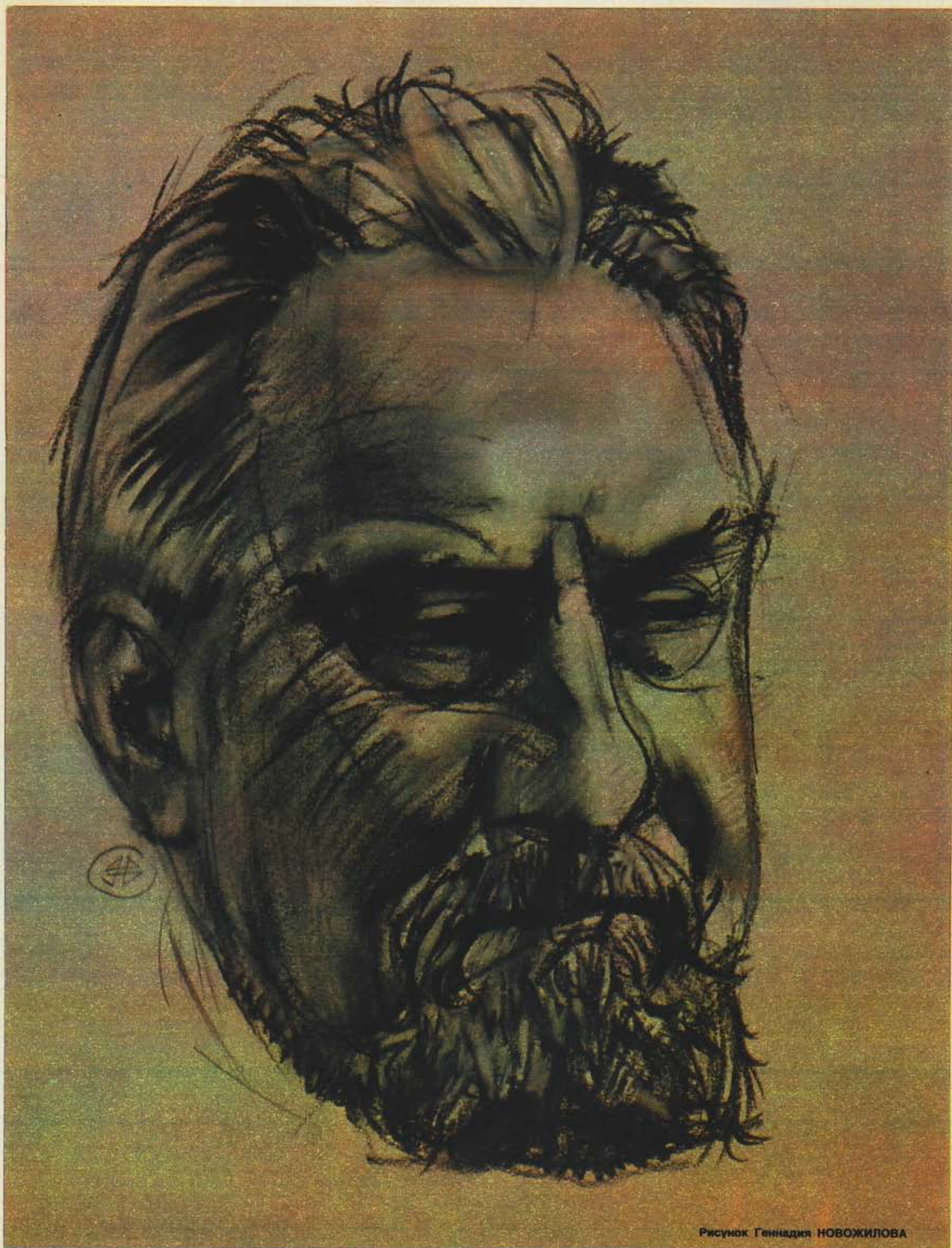

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

ность. Достаточно сказать, что лишь «Современная летопись» всеми презираемого Каткова позволила себе высказаться о пожарах в духе злосчастной «Северной пчелы». Сам Герцен ударил в «Колокол», обвинив Лескова в науськивании полиции и толпы на студентов. А лондонский изгнанник был совестью передовой России.

Сколько бы потом ни оправдывался Лесков и письменно и устно, какие бы доводы ни приводил в доказательство того, что его ложно поняли,—а уж он ли не преуспевал во всякого рода софистике!—от вины своей ему было не уйти.

Трагический пассаж случился с Лесковым не случайно. С младых ногтей до седых волос, до самой гробовой доски крутой человек безоглядно спешил передать бумаге, а с тем и широкой гласности любую мелькающую у него мысль, любое забравшее его чувство; выше упоминалось, что в исходе дней подобным импульсивным поступком он оттолкнул от себя Льва Толстого. Я не знаю другого писателя, столь одержимого потребностью мгновенного литературного самовыражения. И на «пожарной» заре своей писательской юности Лесков провалился закономерно. Все его последующее литературное поведение—захлеб «отомщительных» романов—усугубило в глазах общественного мнения его вину. Дошло до того, что тогдашний властитель дум Писарев сделал в печати заявление: ни один уважающий себя русский литератор не допустит появления своего имени рядом с именем господина Стебницкого (неуклюжий псевдоним молодого Лескова). Но чтоб до конца понять неизбежность его провала, надо разобраться, из какого материала строилась необыкновенная, во всем чрезмерная личность Николая Семеновича Лескова.

Его породила урожайная на первоклассные таланты орловская земля. Будущий писатель увидел свет в 1831 году, в семье небогатой, незнатной и нечиновной. Две горячие крови слились, чтобы подарить миру это грозное чудо. Отец писателя Семен Дмитриевич, попович, сызмала предзнаменовал к расе, как положено в сельском духовенстве, восстал против векового порядка и отказался от духовного сана. За что был изгнан суровым родителем (тип могучего русского человека, которому не то что развернуться, а повернуться негде) «без куска хлеба за пазухой халата». Перепробовав ряд служб в Петербурге и на Кавказе (здесь он подвизался в управлении питейными сборами), Семен Дмитриевич уволился из казенной палаты, вернулся на родную Орловщину, где вскоре и женился на девице дворянского рода Марии Петровне Алферьевой.

Николай Семенович Лесков, заплативший щедрю дань многим человеческим заблуждениям, был склонен в молодости преувеличивать аристократизм материнского рода, выводил его от знаменитого итальянского драматурга Альферио. Но, изжив в себе дворянские претензии, как и многое другое, он сам впоследствии смеялся над этой тщеславной выдумкой, доказательно производил фамилию матери от простого русского имени Алфер. И все же не в обычное было, чтобы русская, пусть незнатная, дворянка выходила замуж за человека художественного и бедного, выдать, незаурядной личностью был поповский сын, если гордая и нравная девушка пошла против сословного устава. Мария Петровна и вообще мало походила на обычную уездную девицу, то была натура страстная, глубокая, властолюбивая. Первенец ее унаследовал суровый характер матери, правда, расцветивший живыми красками отцовского начала.

Жил Лесков без особого достатка, хотя вернувшийся на службу Семен Дмитриевич преуспевал в качестве уголовного следователя орловской судебной палаты. Недовольный своим положением, он вдруг «забрел полями и огородами, кушил хутор и пошел грады копать». Приобретая сельцо Паннино на Кромском тракте, Семен Дмитриевич руководствовался соображениями экономическими, но истинная и великая выгода этого поступка оказалась совсем в ином, что дало себя знать, разумеется, много позже: маленький Лесков попал в гущу народную, и его самые впечатлительные годы прошли в тесном общении с деревенским людом, с теми, кто кормит Русь. Узнал он густой быт

и причудливые нравы мелкопоместного и среднепоместного дворянства. В сельской заброшенности расцветали весьма замысловатые характеры; к чудачкам, столь любимым писателем Лесковым, принадлежал и его одаренный, томившийся в глухомани отец. Да, не вышло сельского хозяина из Семена Дмитриевича, к тому же частые неурожай, падежи, потравы, грозы и прочие стихийные бедствия не давали ему выбиться из нужды.

Он терял жизненную энергию, слабел душой и телом, утешаясь в неудачах переводом римских поэтов, и в 1874 году скончался, так и не получив грамоты о возведении в дворянское звание по заслуженному им ранее чину коллежского ассессора—«невздорному», как тогда шутили, чину, дающему потомственное дворянство. Эту грамоту досталось получить уже Лескову-сыну, что он тоже никак не удосуживался сделать, видимо, не слишком ценя свое новоявленное дворянство.

Но это все случилось много позже, а в 1841 году маленького Николая отвезли в орловскую гимназию. Время, проведенное им в Орле, значительно не теми скудными знаниями, какие вдалбливала в головы учеников николаевская гимназия, а запасом новых, пестрых жизненных наблюдений. Каким разнообразием типов провинциальной жизни наградила будущего писателя Орел! Младой Лесков, конечно, еще не ведал своей сути, но его великолепный восприимчивый аппарат бессознательно работал на будущего художника, засыпая кладовую памяти множеством наблюдений, колоритными образами губернских населенных: от безумного губернатора князя Трубецкого до наглых орловских подлетов—ночных воров; недаром же говорила пословица, что Орел да Кромы—первые вору. Драгоценной россыпью неповторимых русских характеров наградила Орел Лескова: дворян и мещан, чиновников и священнослужителей, праведников и мошенников, юродивых и хитрецов, буйных и тихих созерцателей, доморощенных талантов и придурков, злодеев и народных печальников. Как ценно, крепко и подробно запомнил их всех Лесков, сам еще не зная, для чего ему эта память, запомнил со всеми их словечками, ухватками, ужимками и вывертами, с их смехом и слезами, радостью и отчаянием, высотой и низостью! Потому и занимают Орел и Орловщина так много места в его творчестве...

Со смертью отца оборвалась гимназическая учеба Лескова, а с ней и вообще «положились предел и правильному продолжению учености», как писал он впоследствии. «Затем—самоучка».

Около трех лет прослужил он в Орловском уголовном суде, а потом уехал на Украину к дяде по матери, известному киевскому профессору С. П. Алферьеву. О гостеприимстве дяди, поселившего племянника во флигеле своего помещичьего дома, но забывавшего приглашать к обеду, Лесков сохранил благодарное и недоброе воспоминание, зато вся киевская пора жизни светилась в его памяти особым, нежным и радостным светом. Древняя столица Руси стала его «духовной родиной». Он прикоснулся тут и к университетской учености, прослушав, пусть отрывочно, курсы по криминалистике, сельскому хозяйству и русской словесности, свел близкое знакомство в доме дяди со многими талантливыми учеными, сблизился с университетской молодежью, приобщился к древнему русскому искусству в Киево-Печерской лавре и навсегда прикипел сердцем к иконописи, стал вхож в художественные мастерские, овладел украинским и польским, что впоследствии так обогатило цветистую лексику его сказов, а кроме того, просто жил—по-молодому бурно, расточительно, весело, страстно, бился грудью в грудь с саперными конкарами на Подоле, любил черноморских малороссыянок, и все это было прекрасно, ибо не дает осенью плодов то дерево, что весной не цвело.

В Киеве же Лесков женился. Несколько поспешный и вроде бы случайный брак этот не был ни счастливым, ни продолжителем. Лесков вообще не обладал талантом для семейной жизни, что доказал второй его брак—по взаимной любви—с красавицей Екатериной Степановной Савицкой, подарившей ему прекрасного сына. И тут Нико-

лай Семенович без видимой причины погасил семейную лампу—ни с кем не мог ужиться этот крутохват, певец смиренного старца Памвы, что безмерной кротостью своей и ад осиял.

Семейная жизнь, не одарив радостью, принесла материальную отягощенность, и Лескову пришлось расстаться с удачно начавшейся, но скупой казенной службой и взять место у обрусевшего англичанина Шкотта, мужа его тетки по материнской линии, управляющего громадными имениями Нарышкиных и Перовских в Пензенской губернии.

В жизнь Лескова входил новый пейзаж—Поволжье, новый человеческий типаж, новые, сложные отношения с окружающими. Его деятельность была крайне многообразна и требовала постоянных разъездов по стране—вдоль всей волжской магистрали: от Каспийского моря до Рыбинска и дальше, по Мариинской системе, до Петербурга. Он знакомится с бытом башкир, татар и других народностей, населяющих Поволжье, нередко бывает в Москве, сопровождает баржи с переселенцами, ездит на Нижегородскую ярмарку, заставляющую гореть его жадные, пронзительные глаза, трепетать чуткие ноздри, встречается и сходится накоротке со множеством любопытнейших людей из самых разных слоев русского общества. Лесков сам необычайно высоко оценивает тот жизненный запас, каким снабдила его служба у Шкотта: «Мне не приходилось пробиваться сквозь книги и готовые понятия к народу и его быту. Я изучал его на месте. Книги были добрыми мне помощниками, но коренником был я. По этой причине я не пристал ни к одной школе, потому что учился не в школе, а на баржах у Шкотта».

Лесков имел полное право на подобное горделивое утверждение, хотя эта рваная жизнь, отсутствие систематического образования имели свою теневую сторону, не позволили ему выработать четкого мировоззрения, что и сказалось столь болезненно на его литературном начале.

В 1861 году в «Отчетственных записках» появилась его публицистика, посвященная «питейным бунтам». Называлась статья весьма сухо: «Очерки винокурной промышленности (Пензенская губерния)». То не было первой публикацией, еще в киевский период Лесков помещал в местных изданиях заметки и статьи по разным злободневным вопросам, но именно этот серьезный и примечательный опыт принято считать началом литературной деятельности Николая Семеновича Лескова.

В хорошей книге Леонида Гроссмана о Лескове содержится четкая и емкая характеристика начального, журналистского периода его литературной деятельности: «Лесков искренне увлекся оживлением общественных интересов конца 50-х и начала 60-х годов; он и позже считал это время «теплыми весенними днями людей нашей поры». Только с дифференциацией течений и групп, с выступлением деятелей крестьянской демократии, «нигилистов», с появлением революционных прокламаций, а затем и с наступлением политических покушений Лесков резко меняет свое отношение к передовой современности. Но пора его литературных дебютов проходила в полном соответствии с общественным оживлением 60-х годов, хотя и в строгих границах законности».

В основном направление Лескова можно характеризовать как «легальный» либерализм. Он ратует, в сущности, за проведение в жизнь прокламированной сверху реформы. Никаких уклонов в сторону революционной тактики, никаких отклонений от почтительной лояльности к правительству. Он против «крепостников», но несколько не за «крестьянские восстания». Он принадлежит к промежуточному слою «благомыслящих людей».*

Находясь в этом «промежуточном слое», очень легко отступить в преимущественно вправо. Лескову очень не повезло, что литературным восприимчивым его был довольно известный в ту пору публицист С. С. Громека, сочетавший умеренный либерализм с

чрезвычайно успешной государственной службой—от жандармского офицера до губернатора. Трудно было найти неустойчивому, шаткому в понятиях Лескову худшего наставника, прятаявшего за либеральной фразой вполне реакционную суть, сочетавшего сочувствие к крестьянской реформе с зоологической ненавистью к «нигилистам». Громека крепко полюбил Лескова, и дорого стоило ему преодоление тлетворного влияния либеральничавшего жандарма. Но придет время, и он по-лесковски хлестко, смачно и убийственно разочтется с Громекой. Впрочем, до этого времени еще далеко, а сейчас, исполненный бодрой веры и надежды, он с пером в твердой и не знающей усталости руке завоевывает журнальный Петербург, куда перебрался в январе 1861 года.

Пишет он много и ненасытно, на самые разные темы, отдавая предпочтение экономике, к чему хорошо подготовлен службой контрагентом у Шкотта. Его выступления по вопросам заселения пустопорожных земель и экономически выгодного способа освоения крестьян привлекают внимание людей серьезных и компетентных. Молодой журналист быстро приобретает имя.

Его статьи, очерки, даже репортерская хроника—он не брезговал и черным хлебом журналистики—уже несут отпечаток того страстного волевого напора, что отличает все вышедшее из-под пера Лескова. Внимательный критик Аполлон Григорьев принципиально усматривает в первых опытах начинающего журналиста незаурядный беллетристический талант. Сильная и колоритная личность Лескова притягивает к нему людей выдающихся, он дружит со старым Тарасом Шевченко, сближается с Артуром Бенни, будущим гарибальдийцем. Горизонт ясен, дали прозрачны, ничто, казалось бы, не предвещает «пожарной» катастрофы 1862 года. Однако она уже неотвратимо заложена в ячейку времени.

Классовая сущность Лескова была весьма расплывчата, он и сам не придавал серьезного значения своему дворянскому происхождению. В детстве он испытал глубокое влияние русского мелкопоместного быта с налетом известной патриархальности и русского православия, позже, в юности,—поверхностное увлечение разночинным свободомыслием. Он мог пойти и в одну и в другую сторону, но, естественно, подчинился более сильной воле, той, что была заинтересована обратить его в свою веру, то есть Громеке, чей опасливый либерализм рассеялся без следа с ростом революционных начал в русском обществе. И когда наставник резко завернул вправо, туда же повело Лескова, воспитанного в косном быте и густой религиозности. Злосчастная история с пожарами, весьма типичная для горячего, никогда не думавшего о последствиях своих поступков Лескова, лишь придала неизбежной метаморфозе характер громкого и стыдного скандала. И напрасно он так упорно тщился изобразить себя жертвой случайной оплошности, вполне простительной неопытному журналисту. Будь так, откуда бы взялись антинигилистические романы «Некуда», «Обойденные», «На ножах»? Это ведь сам Лесков придумал потом называть их «отомщительными», он якобы отвечал ими на травлю, которой подвергали его левые. Да нет же, он первый кинул перчатку и тем навлек на себя грозу. Эти романы целиком отвечали его взглядам и всему тогдашнему умонастроению, лишь чрезмерно личный, житейский злобный тон их порожден мстительным чувством. В этот период своей жизни Лесков неотвратимо должен был попасть в душевные объятия Каткова. Что и случилось.

Когда немного рассеялся пожарный дым, Лесков понял, что ему уготовано нечто вроде гражданской смерти, и поспешил уехать за границу. «Северная пчела» предоставила своему незадачливому корреспонденту длительную командировку по странам Восточной, Центральной и Западной Европы. Не будем расписывать это путешествие, давнее очень много Лескову в смысле дальнейшего накопления жизненного материала, развития его взглядов на славянство и западный мир, укрепления веры в самообытность и великую созидательную, хоть и тащущуюся под спудом, силу русской народности, скажем лишь, что вдалеке от родины, в Пари-

* Леонид Гроссман. «Н. С. Лесков. Жизнь.—Творчество.—Поэтика». М., Гослитиздат, 1945, стр. 50—51.

же, Лесков написал — или закончил — свой первый рассказ, вошедший в золотой фонд его творчества, — «Овцебык». Этот рассказ, в котором уже была весь Лесков — от диковинного названия до стилизованного закрута, — в 1863 году появился в «Отечественных записках». Выбди такой рассказ из-под пера другого молодого автора, он наделал бы шуму в литературе, уж больно выпирал словесно-образным замесом из привычной русской новеллистики. Но рассказ принадлежал изгою Лескову и встретил ледяной прием. Впрочем, этому способствовала не только дурная репутация автора, но и концовка, где герой рассказа, семинарист-агитатор Овцебык, презревший ризу ради пропаганды народных идей, кончает самоубийством, ибо рациональному реформатору «некуда идти»; тут впервые прозвучало ядовитое словечко, давшее название первому из обличительных романов Лескова. Но до того как появилось «Некуда», Лесков опубликовал горестный крестьянский роман «Житие одной бабы», позже неудачно переименованный — «Амур в лапоточках», и «Леди Макбет Мценского уезда», жемчужину русской рассказовой прозы. И снова народ — литературный — безмолвствовал. Один лишь Ф. М. Достоевский, напечатывая рассказ в своем журнале «Эпоха», осмелился вслух восхищаться этим мастерским и жестоким произведением, исполненным радостной, зловещей красоты. Он был поражен и верностью изображения каторжных типов и сцен — ведь в отличие от автора «Записок из мертвого дома» Лесков не был на каторге.

Береги честь смолоду... Лесков нарушил это мудрое правило, обязательное для литератора, и тяжело расплачивался за содеянное. Но не такой он был человек, чтобы терпеливо и смиренно, в духе своего старца Памвы, принять справедливую кару, он ожесточился еще пуще и выдал большой и злобный роман «Некуда», чем и утопил себя окончательно.

Чехов говорил, что писатель должен садиться к рабочему столу с холодным разумом и сердцем. Конечно, он не имел в виду, что художественное произведение рождается из равнодушия, безразличия, что автора должно вовсе не трогать происходящее с его героями. Тогда зачем вообще брать за перо? Он подразумевал другое: писатель должен отбросить все эгоистическое, мелкое, не тннуть на бумагу свое раздражение, житейскую неустрашенность, обиды, неприязни, несварение желудка, ссору с женой, не сводить личных счетов, не выгадывать чего-либо, кроме самой литературы, надо брать читателя объективной силой и правдой слова, а не провоцировать эмоциональной необузданностью или сплетническими намеками на гнев, ожесточение или хотя бы растроганность. Писатель должен быть чист, бескорыстен, свободен от грубых житейских тягестей. Вот уж чего вовсе не умел Лесков, особенно в первый период своей литературной деятельности. Он перенес на страницы романа все свои обиды и злобу, личные ссуды, семейные неурядицы, идейные разногласия низвел до неприятных дряг; задыхаясь от спешки, выложил все, что стеснилось в груди. Знакомые узнавали себя на желчь облитых страницах, читатели угадывали за прозрачными псевдонимами известных деятелей, литераторов, в карикатурном смещении — реальные события, происшествия, драмы. Злободневность самого низкого пошиба усугубила отрицательное отношение передовых людей к «Некуда», скрыв и то хорошее, что в этом первом из полемических романов было.

Достоевский в «Весах» стоял примерно на тех же позициях, что и Лесков, и его роман можно было не принимать, оспаривать, осуждать, но никому не приходило на ум обвинять автора тем презрением, что выпало на долю Лескова. И дело тут не в гениальности Достоевского (любопытно, что Достоевский обмолвился страшным словом «гениально» в адрес самого Лескова в связи с образом Ванского), а в твердости, последовательности, целостности выстраданного, выработанного мировоззрения Достоевского, в неизменности его пусть и ошибочной позиции. Лесков же казался перебежчиком, изменившим своим убеждениям из страха перед реакцией, угоджающим властям, дабы замазать либеральные грехи ранней молодости. Это, конечно, не так, но прочной

позиции, единого, цельного мировоззрения у Лескова действительно не было. В этот период жизни он походил на растение, лишённое корней и питающееся из воздуха. Личная злобная интонация «Некуда», как и последующих романов, освобождала современных Лескову литераторов от всякой сдержанности в отношении него. Он сеял ветер, а пожинал бурю.

Не сделав никаких выводов из скандала вокруг «Некуда», он торопится опубликовать новый роман, «Обойденные», с художественной точки зрения едва ли не худший из всего им написанного, и еще наращивает курган над своей могилой. В романе этом интересно лишь признание героя, художника Добровольского, в котором Лесков вывел самого себя: «Он сам ничего не отстаивал, ни за что не бился крепко». Есть там и знаменательная ссылка на Беллинского, прекрасного говорившего, что «тому нет спасения, кто в слабости своей натуры носит своего врага». В этих двух фразах проглядывала надежда на грядущее выздоровление Лескова. Похоже, он впервые усомнился в собственной непогрешимости и в органичности избранной позиции. Впрочем, до того, как исцеление наступило, Лесков разразился ужасным романом «На ножах». В этом расхристанном, неряшливом романе-паклявке люди начала семидесятых годов изображены моральными уродами, хищниками и преступниками. Этим выродкам противопоставлена наивная шестидесятница Ванская, восхитившая не только Достоевского, но и Горького.

Надо сказать, что Достоевский, благоволивший к Лескову, брезгливо отмахнулся от этого романа: «Много вранья, много черт знает чего, точно на луне происходит. Нигилисты искажены до бездельничества». Трудно поверить, но к этому времени уже писались «Чающие движение воды», переименованные потом в «Божедомов», и, наконец, в «Соборян», под которым названием они и появились всего через год после «На ножах». И столь же трудно поверить, что много раньше была опубликована смешная и грустная, приятная и задорная, отливающая всеми цветами радуги, истинно лесковская — в нашем нынешнем понимании — бессмертная «Войтельница». Вот как уже хорошо мог писать тогда автор вздорных и неряшливых романов!

Но не следует особо удивляться, что «Войтельница» прошла незамеченной, что и великодушные (горьковское слово) «Соборяне» не обезоружили противников Лескова. Он и сам-то еще не знал, что выздоравливает, что пережитый им кризис на исходе, подавно не ведали о том другие, тем более, что ненужные истинные образы Варнавки Препетного, Термососова и Базюкиной («Соборяне») являли собой все те же знакомые и докучные лесковские карикатуры. Тяжело читать тогдашние отзывы на «Соборян» и другие произведения Лескова, прочно вошедшие в сокровищницу русской и мировой литературы, но нельзя обвинять современников Лескова в слепоте и несправедливости. Легко нам все видеть из отступающей дали лет. Но в ту пору, когда торжествовала реакция, когда подвергнутой гражданской казни Чернышевский томился в сибирской ссылке, когда казематы Петропавловки уже не вмещали узников и захлебнулось в крови польское восстание, когда лучшие люди настойчиво и мучительно искали новые пути и способы борьбы и разгорался жертвенный пламень в груди самых нетерпеливых и отважных, писатель, «помраивший» с либеральными идеями и резко отвернувшийся от них, сотрудничавший с ненавистным и презренным Катковым, не мог быть прощен и принят в душу за несколько, пусть и первоклассных, рассказов и высокоталантливый роман, восхваляющий не борцов за идею, а служителей церкви. Вблизи не так-то просто было разглядеть, что протопуп Туберозов — белая ворона среди церковников, недаром же становится он жертвой консистории, и автор возносит его не во славу, а в укор официальной церкви. Но, пожалуй, довольно на тему о непризнании, хотя в течение двадцати (!) лет это было трагедией Лескова, его адом.

Важно, что процесс внутреннего оздоровления, начавшийся еще в глубине кризиса, с «Соборянами» обрел зримую очевидность. В последующее пятилетие, когда были созда-

ны «Запечатленный ангел», «Очарованный странник», «Захудалый род», завершился отход Лескова от реакции, он резко порвал с Катковым и мощно двинулся той столбовой дорогой, что привела его к бессмертию.

Так что же спасло Лескова? Позволю себе снова прибегнуть к длинной цитате. Лесков писал о себе: «Я смел, даже, может быть, дерзко думаю, что я знаю русского человека в самую его глубь, и не ставлю себе этого ни в какую заслугу. Я не изучал народ по разговорам с петербургскими извозчиками, а я вырос в народе, на гостомельском выгоне, с казанком в руке, я спал с ним на росистой траве ночного, под теплым овчинным тулупом, да на замашной паниской толчее за кругами пыльных замашек, так мне непросто было ни поднимать народ на ходули, ни класть его себе под ноги. Я с народом был свой человек, и у меня есть в нем много кумовьев и приятелей, особенно на Гостомле, где живут бородачи, которых я, стоя на своих детских коленях, в оные былые времена, отмаливал своими детскими слезами от палок и розог. Я был этим людям ближе всех поповичей нашей поповки, ловивших у крестьян кур и поросят во время хождения по приходу. Я стоял между мужиком и связанными на него розгами... Я не верю, чтоб попович знал крестьянина короче, чем может его знать сын простого, бедного помещика».

Народным духом, любовью и близостью к народу и был спасен Лесков. Он увидел в русском национальном характере то, что оставалось скрытым от многих крупных художников его поры и более поздних лет: одухотворенную красоту, великую телесную и душевную силу, верность нравственному идеалу. От протопопа Туберозова пошла галерея лесковских праведников, включающая и трогательных инженеров-бесребренников, и эпического неслетельного Голована, и мужика-страстотерпца по кличке Пугало, и того солдата, что покинул пост, дабы спасти утопавшего, и смешного бедолагу тульского Левшу, который на жалком своем смертном одре помнил лишь о пользе государства и народа русского.

От дякона Ахилки из тех же «Соборян» пошли чудесные, чистые сердцем лесковские богатыри, чья сила иной раз расходится востуно, но может, коли надо, и горы передвинуть, землю и небо поменять местами, величайшие дела совершить для человечей пользы, недаром же Северьяничу «за народ очень помереть хочется».

Все большие русские писатели горячо любили народ, кровавыми слезами обливались над его муками. Но они видели в народе прежде всего страдательное начало. И это не удивительно, такова была российская действительность. Герои русской литературы, взятые из народа, всегда несчастливы, загнаны, обречены, порой они так и светятся добротой и благородством, но до чего же жалка, беспомощна, бессильна их доброта! Прекрасен и мудр толстовский Платон Каратаев, да ведь мудрость его лишь в смиренности, покорности, в особом таланте безропотности и легко подчиняться неумолимому ходу жизни. И у писателей более поздних, нежели Лесков, у зрелого Чехова, Куприна, Бунина простые русские люди, особенно деревенские, изображались только в мученическом венце. Наблюдая российский человеческий пейзаж, Чехов «оптимистично» полагал, что русским людям звезды засветят лет через двести. А чего он мог ждать от своих чиновников, дряблых интеллигентов, сонных мещан и темных мужиков? Единственный огневой человек простого звания у Чехова — это вор и поджигатель Мерик. На какие поступки способны обитатели Растеряевой улицы, так горько и беспощадно нарисованные Глебом Успенским? Новые герои, люди сильные, красивые, страстные, жертвенные, бунтари и борцы, появились лишь у Горького. Но и сам Горький с великим литературным беспристрастием считал, что не он первый высмотрел таких людей в российских сумерках, а Николай Семенович Лесков. Отсюда и преданная любовь Горького к Лескову, отсюда их прочная, хотя и трудно уловимая рассеянность взглядом связь. Оба крепко верили в измученный, замордованный, испытанный голодом и голодом, произволом помещиков и чиновников, всех властей предрержавших, ве-

ликий и бессмертный русский народ, в его прочный, охватистый ум, примечивую, выносливую душу, моральную силу и готовность к подвигу. Такие великаны духа, как протоиерей Туберозов из Авакумовой породы мучеников, как очарованный Северьянич, готовый в любой миг скинуть рясу и амуничку надеть, как праведный Голован или угрюмый мужик Пугало с детским чистым сердцем, как гениальный Левша, чудак-искусник и русский патриот, как артельный глава Лука Кириллов, рискнувший жизнью ради веры, способны на бесподобные и невиданные дела в свой звездный час. И когда смотришь на этих людей, любуешься их удалой и силой, верностью нравственному долгу, чистотой и несокрушимостью, понимаешь, почему забитая, нищая, отсталая Россия, как и было предсказано в знаменитой прокламации, первой осуществила великое дело социализма.

Хоть я и обещал рассчитывать с темой непризнания Лескова, но вынужден снова вернуться к ней. Иначе у читателя может возникнуть впечатление, будто обновленному Лескову под ноги стелились только мягкие, душистые травы или толстые персидские ковры. Да нет, так в жизни не бывает. Путь его продолжал оставаться жесток и ухабист. Ему не верили, у него выискивали дурные намерения, скрытые подвохи. Показателен пример «Запечатленного ангела» — одной из вершин лесковского творчества и сказовой литературы всего мира. Это история о том, как корыстные чиновники «запечатлели» — припечатали казенной сургучной печатью — и конфисковали у раскольничьей артели, строящей мост через Днепр, старинную икону с изображением ангела в древнем строганом пошибе и как глава артели Лука Кириллов перешел по цепям недостроенный мост, чтобы эту икону вернуть и «распечатлеть». Рассказ о чуде, вернее, о чуде, но с тонкой лесковской иронией, ускользнувшей от современников. Чудо, явленное раскольничьим богом, перекрывается в финале рассказа чудом бога православного, из-за чего все раскольники отказываются от старой веры. Это осудил даже Достоевский, которому рассказ в целом очень понравился, остальные же критики били по обыкновенно сплеча. И не заметили, что никакого второго чуда не произошло — просто ловкий человеческий обман. Таким образом, раскольников привело к новой вере мошенничество. Злым ядом окропил Лесков мнимую умирительную развязку своего сказа, а его бранили за выслуживание перед официальной церковью!

Не стоит удивляться, что критика не поняла и почти не заметила «Очарованного странника». Те же, кто отозвался на эту вещь, за фабульной занимательностью проглядели главное: эпический образ Ивана Северьяновича Флягана, что долгие годы, подпетинный, просидел сиднем в Рыньпесках, как былинный Илья Муромец на печи, прежде чем принялся богатырствовать. Но сходства никто не заметил, и образ оказался слишком нов, непривычен в державе практического реализма, и многодумные литературные доки слепо прошли мимо великого. Но читатели, а их у Лескова с каждым годом становилось все больше и больше, с восторгом встретили «Очарованного странника».

Читатели и вообще признали Лескова гораздо раньше, нежели коллеги по литературному труду. Его уже читали и во дворцах — буквально: царская семья устраивала чтение вслух «Запечатленного ангела» — и в хижинах, в молодой и старой столице, в губерниях городах и уездной глуши, читали по всей России и за границей, а критики еще прикидывали, каким тоном позволительно говорить о грешном Лескове. Не случайно в лучшей и единственной серьезной прижизненной статье о творчестве Лескова автор назвал его «большим галантом», а он и тому был рад. Но старейший Лесков мог с полным правом сказать, что с читателями его уже не поссорить.

Рядом с «Очарованным странником» по зрелому, уверенному мастерству стоит «Левша» — сказ о том, как тульские мастера аглицкую блоху подковали. Тут что ни строка — фейерверк, что ни образ — открытие. Гениальный Левша с выданными волосами, в тощей груди которого бьется чистое и верное сердце русского патриота, «муже-

СЕРГЕЙ СЛОБОДЯТОК—ЛАБОРАНТ, СТУДЕНТ НОВОСИБИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.

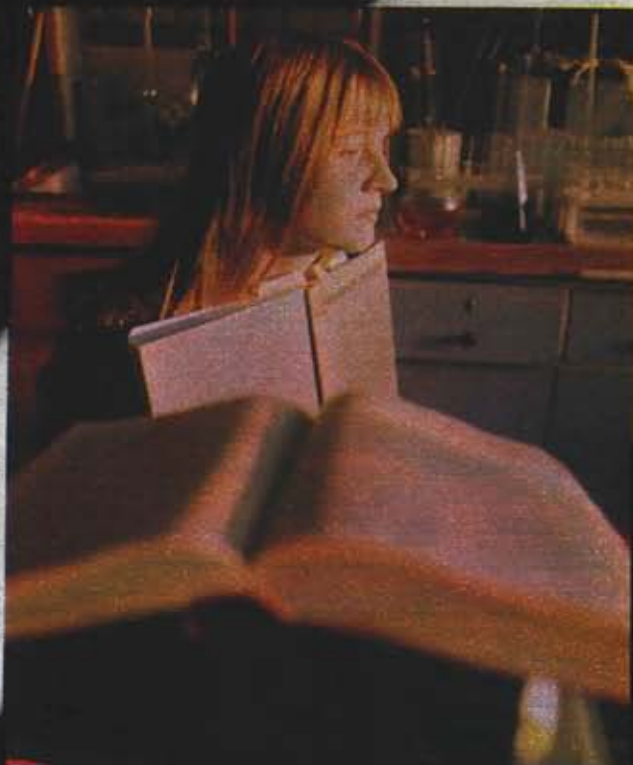
ОДИН ИЗ ГЛАВНЫХ ГЕРОЕВ
ОЧЕРКА.

ОРАНЖЕРЕЯ—ИСПЫТАТЕЛЬНЫЙ ПОЛИГОН ГЕНЕТИКОВ.

БЕЛЫЙ ЧЕ

РНИЙ ЛИС

ПУТЬ В НАУКУ.

НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ЛАБОРАТОРИИ ГЕТЕРОЗИСА
ВИКТОР СОКЛОВ.

Наука: генетика

Александр ДАНИЛОВ.
Фото Сергея ПЕТРУХИНА.

Как-то мне попала статья зарубежного журналиста, в которой сообщалось о том, что ученым-генетикам удалось продублировать лягушку.

Суть опыта проста. Из клетки лягушки-донора было извлечено ядро. Потом была взята икринка другой лягушки, и из икринки тоже было извлечено ядро. После этого ядро из клетки лягушки донора было пересажено в икринку. В результате появилась на свет лягушка, которая была копией лягушки-донора.

Само описание опыта в той статье занимало не больше места, чем здесь. Все остальное представляло размышления автора статьи о том, какие практические последствия может повлечь за собой подобный эксперимент. Журналист делал одну логическую посылку: если можно продублировать относительно простую генетическую систему, рассуждал он, то нет никаких принципиальных трудностей для того, чтобы продублировать сложную генетическую систему. Человека, например. Такая исходная позиция дала полную свободу авторскому воображению. Попади методика эксперимента в руки современного злодея, писал журналист, или просто в руки авантюриста, одержимого маниакальной идеей, и он наладит массовое производство двойников. При этом, надо полагать, злодей будет плодить не Аристотелей и Шекспиров...

Таков был пафос статьи, и хотя она была вызвана вполне конкретным экспериментом, я читал ее все же с таким чувством, с каким читаю научно-фантастические новеллы и повести. Эмоциональная направленность статьи мешала размышлять о возможных последствиях эксперимента. Почему-то вспомнился инженер Гарин с его сверхоружием, гангстеры из романов Александра Беляева, которые упорно пытались прибрать к рукам ученых. В ранней фантастике, когда наука не была столь всемогуща, как сегодня, злодеи, подобно сказочным духам, на глазах превращались в зловещих исполинов.

Продублированная лягушка существует — это факт. Но строить на этом факте в одной плоскости далеко идущие размышления о будущем человечества нельзя. В свое время Норберт Винер заметил, что возможность пересылки человеческой субстанции по телеграфу — так сказать, в атомарном состоянии — вовсе не исключена. И тут же добавил, что принципиальная возможность — это одно, а общественная потребность в реализации — это другое. Человечеству, вероятно, никогда не понадобится перемещаться таким путем. А если и понадобится, то человек может столкнуться с такими трудностями технического и этического порядка, которые сделают подобную принципиальную возможность нереализуемой.

И все-таки я сразу вспомнил об опыте с лягушкой, едва оказался в Институте генетики и цитологии Сибирского отделения Академии наук.

— Это известный опыт, — последовал ответ, и я понял, что для моего собеседника лягушка-копия — вчерашний день науки. Но все же: зачем надо было продублировать лягушку? Для того, чтобы

узнать, получится такое или не получится?

— Вопрос неверно поставлен, — оживился молодой ученый. — Дублировать лягушку нет никакого смысла. Задача заключалась в том, чтобы узнать, что «помнит» ядро развитой клетки. Каждая клетка содержит полную информацию о всей генетической системе. Но, может быть, с «памятью» клетки что-то происходит, когда она развивается и начинает выполнять в организме вполне конкретные функции? Вот это и выясняли. Ядро для пересадки взяли из кишечной клетки. Если бы «память» зависела от функции клетки, то можно было бы ожидать, что из той икринки вылупится, ну, скажем, кишечник... А этого не произошло: оказавшись заново в икринке, ядро будто бы «забыло», что оно взято из кишечной клетки. И выросла нормальная лягушка. Но, разумеется, вся наследственная информация у нее оказалась такой же, как у лягушки-донора. Поэтому и получился дубль.

Вот и все. С точки зрения профессионала... Откровенно говоря, прежде чем я сел за эту статью, у меня было намерение рассказать об опытной звероферме. Это — хозяйство лаборатории эволюционной генетики животных. А вообще — по дилетантским понятиям — это уникальный зоопарк. Если я скажу, что там живут лисицы, песцы, соболи, норки, горностаи, то я скажу вполноту меньше того, чем следует. Дело в том, что там живут такие лисицы, норки, горностаи, каких в природе нет. Ибо в природе, например, нет норки жемчужного цвета. Нет лисиц с глазами разного цвета и хвостом, загнутым вверх кренделем, как у собак. Одним словом, если природа «делает» зверей по своему усмотрению, то здесь, на ферме, живут звери, которых по своему усмотрению сотворил человек.

Наш житейский здравый смысл ставит нас и к науке подходить потребительски. Какое бы любопытство ни вызывала у нас работа ученых, в конце концов мы готовы все вопросы свести к одному: что конкретно даст результат этой работы? И хотя фундаментальная наука не любит подобных вопросов и мы давно уже знаем, что фундаментальная наука не ставит перед собой утилитарных целей — ее задача развивать и совершенствовать процесс познания как таковой, — все же мы задаем свои «бестактные» вопросы ученым. А кроме всего прочего, мы слишком нетерпеливы, чтобы ждать отдачи десятилетиями, и часто забываем о том, что фундаментальные науки «работают» на будущее и что, не будь этого опережения во времени, наука не была бы наукой. И часто сами ученые не могут дать определенного ответа на вопрос, каков будет практический результат их работы. Классический тому пример — высказывание физика Герца, который открыл радиоволны, но был убежден, что никакого практического значения его открытие не имеет. Однако же в наше время ученым стало как будто полегче: наука достигла такого уровня, что каждый день можно ожидать какого-нибудь совершенно невероятного практического результата. И хотя цели фундаментальной науки прежние, число попутных практических результатов заметно увеличивается.

С этой точки зрения молекулярная генетика, оставаясь фундаментальной наукой, имеет неограниченные возможности для довольно быстрой реализации. В одной из областей исследований, которые проводят сотрудники лаборатории эволюционной генетики животных, дело идет к тому, что скоро человек, например, в совершенстве овладеет «механизмом», управляющим окраской меха пушных зверей. Уже сегодня работа ученых в чем-то напоминает конструкторское бюро: сначала придумают, какого цветового оттенка желательнее получить мех, даже рисуют на бумаге этот предполагаемый оттенок, потом выводят норку, или соболя. или

лисицу «запланированного» цвета. К этому надо добавить, что весьма успешно идут работы по ускорению цикличности воспроизводства потомства. Если в природе звери дают потомство раз в году — весной, то здесь, в лаборатории, они, вероятно, в ближайшее время будут давать потомство и осенью. Существенно и то, что на ускорение цикличности воспроизводства не требуется практически дополнительных затрат.

Примеров много. Это все к разговору о практических результатах. Но у науки свои специфические цели. Какие?

Поставив так вопрос, мы сразу вынуждены вести разговор в предположительном плане.

Рабочая цель сотрудников лаборатории эволюционной генетики животных — изучить процесс одомашнивания диких животных. Это часть глобальной задачи, которая сплоском веку стоит перед наукой, перед человеком, — овладеть природой вообще. В течение тысячелетий человек решал ее стихийно и однозначно: попросту говоря, он безоглядно воевал с природой, борясь за право на существование. Этот долгий период кончился с расцветом технической цивилизации. Теперь уже человек угрожает природе истреблением, и потому он сейчас меняет тактику технической экспансии на тактику «вживания». Это период переходный, промежуточный. Ибо следующий период взаимоотношений человека с природой, период, который уже начался, — это этап освоения природы «изнутри», этап практического познания самых потаенных и вековых процессов развития не только природы, но и самой жизни вообще. Познание природы на этом уровне, надо полагать, даст человеку наиболее полное понимание ее. Это этап куда более сложный, чем все предыдущие, чрезвычайно перспективный и... опасный. И сейчас невозможно до конца определить ни всей сложности этого этапа, ни того богатства, которое может обрести человек, ни глубины опасности, которой он себя подвергает.

На этом фоне проблема одомашнивания диких животных — проблема частная. Но если удастся ее решить, человек существенно приблизится к достижению общей цели. Молекулярная генетика и представляет собой один из тех плацдармов, с которых начинается это невиданное до сих пор наступление.

Поведение животного связано со многими процессами, протекающими в системах его организма. Особенно большое влияние на поведение оказывает гормональная система. Всякие изменения — в зависимости от того, как «сдвинута» гормональная система, как «включаются» и «выключаются» определенные гены, например, те, которые «отвечают» за тот или иной цвет меха. Работа исследователей и заключается в том, чтобы определить, как надо воздействовать на гормональную систему, чтобы в организме произошли нужные изменения. В общем, природа делает то же самое, только она делает это слепо, бесконечно долго (природа временем не лимитирована) и часто делает не то, что требуется человеку. Наиболее существенную роль здесь играет фактор времени: надо научиться делать в приемлемый для человека срок то, на что у природы уходят тысячелетия.

Мне показывали цветную фотографию белого черного серебристого лиса. Странно видеть рядом слова «белый черный», но тут все правильно. По принадлежности к виду это черный серебристый лис. По цвету меха — белый. Его тут сделали из черного белым.

Связь человека с природой опосредованная и давно уже не просматриваются напрямую так же четко, как связи дикого животного с природой. Но они, эти связи, существуют. При всем нашем техническом превосходстве над природой пока что мы целиком и полностью зависим от нее, и в этом наша слабость.

Миллионы лет прошли, пока наша жизнь сложилась такой, какой мы ее знаем. И сегодня наука стремится дойти до корневой эволюции, до того ничего, откуда пошло все живое. Причем дойти экспериментально. На первом этапе ей надо обнажить все тончайшие связи, соединяющие живой организм со средой обитания. Вопрос в том, «при каких условиях генетическая система может быть разрушена...».

Таким образом, мы возвращаемся к проблемам устойчивости, равновесия и прочности защитного барьера. Ведь человек — тоже генетическая система, которая имеет свой предел устойчивости.

Сегодня молекулярная биология, генетика смущают нас своими возможностями, вероятно, в большей мере, чем ядерная физика. Может быть, опять все дело в том, что с ядерной физикой мы уже в мыслях как-то «сжились», а молекулярная биология и генетика еще слишком молоды для того, чтобы мы хладнокровно обсуждали практические перспективы? Давайте проведем мысленный эксперимент: оставим на время новейшие науки и совершим экскурс в недавнее прошлое — лет на сорок назад. Посмотрим, какова была эмоциональная реакция общества в тот период, когда ядерная физика из «чистой» теоретической науки стала превращаться в науку практическую.

Пытаясь пройти путь к управляемой ядерной реакции, ученые нашли путь к неуправляемой реакции. То есть прежде чем удалось направить энергию ядра на создание, нашли практическую возможность — попросту дали выход этой энергии — использовать ее как разрушительную силу. И ужаснулись этой силе. Сколько драматических и трагических конфликтов в тот период возникло в самой среде ученых, которые сравнительно незадолго до того этапа дружно работали в той же самой области исследований внутри ядерной энергии! Сколько самых страстных и обоснованных предложений делалось с целью ограничить или полностью запретить дальнейшие исследования в этом направлении! Несмотря на это, достижения науки получили логическое практическое завершение: было создано ядерное оружие. Можно говорить об известных причинах, которые ускорили процесс создания ядерного оружия, но это разговор только о сроках. Сейчас, по прошествии десятилетий, можно предположить, что в тот период мораль вступила в известное противоречие с логикой. Логика развития предполагает последовательный переход в сторону от простого к сложному, поэтому и научный поиск управляемой ядерной реакции вряд ли мог перескочить через этап неуправляемой ядерной реакции. По сей день основные научные силы в области ядерной физики занимаются — теперь уже вплотную — поиском управляемой ядерной реакции. То, что рождено наукой, наукой же может быть и нейтрализовано на более высоком этапе развития. Как ни парадоксально это звучит, но сам факт появления атомного оружия вовсе не нарушает закономерности развития науки и общества в целом. Осложняет, но не нарушает. Но до тех пор, пока наука же не будет способна нейтрализовать потенциальную угрозу, человек живет в опасной временной зоне. И тут уже решающим фактором безопасности является состояние общества.

Можно по-разному изучать состояние различных общественных систем, сопоставлять известное, но все это — независимо от того, отдаем мы себе в этом отчет или нет, — означает, что мы пытаемся познать структуру и прочность защитного барьера общества. Вероятно, это самое сложное из всего, что можно пытаться познать на современном этапе, и мы можем только наблюдать те или иные проявления действия этого сложного защитного механизма. И как несомненной тенденцией к ликвидации любой серьезной опасности мы увидим

постоянное стремление к равновесию и устойчивости.

Нечто похожее происходит сейчас в отношении общества к исследованиям в некоторых областях молекулярной генетики. Аналогии с ядерной физикой весьма прозрачны. Идентичен уровень проникновения в материю. Различие в том, что физики имеют дело с так называемой неживой материей, генетика — с живой. И это снова грозит миру потрясением основ. Если в области исследования эволюционной генетики животных все пока более или менее спокойно (тоже до поры до времени — дело ведь в уровне познания: сегодня спокойно, завтра могут возникнуть такие сложности, о которых сегодня мы и не подозреваем), то, например, область «генной инженерии» уже сейчас вызывает ряд опасений. В чем эти опасения состоят, мы не будем подробно излагать: об этом много писалось и пишется. Интересно повторить опасений и реакции на них. Недавно группа американских ученых, работающих в области «генной инженерии», обратилась к своим коллегам с призывом прекратить эксперименты в этом направлении, хотя «генная инженерия» — чрезвычайно перспективная область исследований. Нетрудно понять мотивы, которыми руководствуются американские генетики: всегда можно оценить нравственную позицию ученого, который стремится предупредить общество об опасности. Но трудно согласиться с практическим предложением прервать или «заморозить» исследования. Процесс развития науки необратим: не в одной стране, так в другой, не на этом участке исследований, так на соседнем ученые неизбежно снова столкнутся с теми же проблемами. Это проблемы, с которыми наука самостоятельно справиться не может. По сей день решение подобных проблем зависит во многом от того, какова нравственная позиция общества и в какой мере нравственная позиция самого исследователя совпадает с позицией общества. Отвечая на вопросы корреспондента «ЛГ» («ЛГ» № 9, 26 января 1975 года), директор Института эпидемиологии и микробиологии имени Н. Ф. Гамалеи, академик АМН СССР О. Бароян заметил: «Мне думается, что если ученые искренне озабочены судьбами человечества, то единственная реальная возможность — это полная гласность исследований по «генной инженерии». Ведь когда тем или иным научным методом владеют все, тогда в значительной степени теряется и сознание своего превосходства и искушение воспользоваться им — ведь любая сторона может сделать то же самое». И далее: «Я целиком на стороне той, пока еще не слишком многочисленной группы западных ученых, которые, увидев потенциальные опасности своей работы, сами становятся политиками, предупреждают общественность о возможных угрозах, формируют общественное мнение, активно влияют на решения своих правительств. Что касается исследователей в социалистических странах, для них вообще вся проблема предстает несколько иначе. Возможность злостного использования достижений науки исключается самими гуманистическими принципами, лежащими в основе социалистического общества. Если же говорить об опасностях, которые связаны с разным рода случайностями, тут требуется серьезное обсуждение специалистов... В конце концов это чисто «технический» вопрос, хотя, как это часто бывает в современной науке, и имеющий колоссальное общественное значение».

Это позиция. Сегодня нравственная позиция общества — это фундамент, на котором наука возводит свое здание. И чем этот фундамент прочней, тем выше здание на нем можно построить.

Разговаривая с учеными, я неизменно думал о том, что вся моя работа сводится к тому, чтобы привести своим

ЛЕСКОВ

Начало на 24-й стр.

ственным стариком атаман Платов, растерявший на дворцовом паркете гордость бесстрашного воина, царь Николай—самовлюбленная дубина—и главные и второстепенные персонажи поражают искусством словесной лешки. А каким дивным языком поведана эта история, сколько тут замечательных словечек, изобретенных неисчерпаемой фантазией автора! Как освежен, взбодрен русский язык, недаром же многое из «Левши» перешло в живую разговорную речь. Насколько были бы мы беднее без «клеветона», «нимфозории», «буреметра», «потной спирали», «долбицы умножения», «мелкоскопа», «тугамента», «Аболона Полведерского», «графы Кисельворде» и «морской свинки», приключившейся с Левшой от корабельной качки.

Сам Лесков особенно ценил концовку сказа, где умирающий Левша—его пьяненького «на парат уронили»—просит сообщить государю, чтоб ружья не чистили толченым кирпичом, а чистили бы по английскому способу, подсмотренному им в Лондоне. Но военный министр, граф Чернышев, скрыл завещание умирающего, и от этого в Крымской войне большой конфуз вышел.

В своем с поверхности развеселом сказе Лесков беспощадно издевается над тупостью, жестокостью, непросветленностью николаевского режима и с огромной любовью изображает простого человека, самородка Левшу, которого царская Россия сожрала, как свинья своего поросенка.

И до конца дней останется Лесков певцом народной русской красоты и непримиримым врагом всех, кто эту красоту унижает, будь то недостойные пастыри, мздоимцы-чиновники, мещане духа, охранители беззакония.

Конечно, Лесков не примкнул к революционным демократам, об этом и речи не было, но фронт врагов его переменился. Теперь на него кидались сподвижники Победоносцева, церковные мракобесы, реакционеры всех рангов, это мешало жить, но душу не ранило.

Пусть не сетует читатель, что и оборвал рассказ о земном пути Лескова на половине. Но событийная ткань его жизни после возвращения из-за границы представляет интерес лишь для специалистов-литературоведов. Ибо ничто уже в его внешнем существовании не играло сколько-нибудь важной роли в формировании личности, как некогда Орловщина, или киевская пора, служба у Шкотта, или начальный Петербург со страшным фиаско, или первая поездка за границу. Он будет еще наезжать в Киев и в Москву, проводить лето в Аренсбурге и в Мерекюле на Балтийском море и

петербургских дачах, совершит новые поездки за границу, будет служить в министерстве народного просвещения и с громким, им же самим вызванным скандалом расстанется со службой, будет встречаться со множеством людей, до конца дней предпочитая конфликтный характер отношений, будет рвать последние связи с родными, расхотится с женой, сдавать сына в солдаты, удочерять богоданную сиротку, драться с остзейскими немцами в порыве национальной гордости, но все это, найдя то или иное отражение в литературе, нейтрально к внутренней работе, которая вывела его из душевного и литературного кризиса и определила дальнейшую жизнь духа.

Было лишь одно великое событие в жизни Лескова поздней поры—знакомство с Львом Толстым, личностью и учением которого он увлекся со свойственной ему необузданностью. Лесков ездил в Ясную Поляну, переписывался с Толстым, участвовал в его народных изданиях. В оздоровлении его мятущегося духа нравственная проповедь Толстого сыграла значительную роль. Лесков так и не научился себя обуздывать, но стал думать о необходимости обуздания, стал шире и беспристрастнее относиться к окружающим и строже к себе самому, даже чуть было не заделался вегетарианцем. Но и в отношениях с Толстым Лесков остался Лесковым, органически не способным плыть по течению, подчиняться избранной догме, и он наотмашь, как некогда в стычках с саперными юнкерами на Подоле, ударил по толстовству.

Так до конца в великом борении пребывал его неукротимый дух. Лишь перед лицом смерти осадил он себя, словно бешеного скакуна, и в просветленном смиренном завете: «На похоронах моих прошу никаких речей не говорить. Я знаю, что во мне было очень много дурного и что никаких похвал и сожалений не заслуживаю. Кто захочет порицать меня, тот должен знать, что я и сам себя порицал». Лесков скончался 21 февраля 1895 года в Петербурге. Воля покойного была исполнена...

Лесков стал знаменит еще при жизни. И все-таки лишь золотое слово А. М. Горького отвело Лескову подобающее место на Олимпе русской литературы: «Как художник слова Н. С. Лесков вполне достоин встать рядом с такими творцами литературы русской, каковы Л. Толстой, Гоголь, Тургенев, Гончаров...»

Лесков бесконечно расширил возможности рассказового жанра. Мы найдем у него и ту объективную манеру изложения, когда автор-рассказчик как бы самоустранился, что характерно для Тургенева, Чехова, Эртеля, Куприна и является ведущей манерой русской новеллистики. Но особенно успешно применял он сказ, где решающее значение приобретает личность рассказчика. Иногда им может быть и сам автор, сбрасывающий

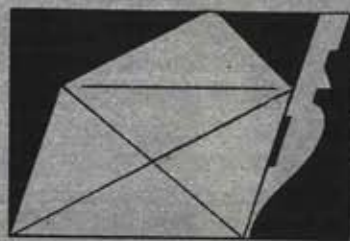
личину беспристрастия и предстающий в своей подвижной, заинтересованной, сомневающейся и сопереживающей, словом, живой человеческой сути. Но чаще эта роль отводится какому-либо иному лицу: или главному герою, или второстепенному участнику событий, лишь бы человек был оригинальным. Выбор сказителя очень важен, он дает окраску всему содержанию, и тут Лесков никогда не ошибался. История очарованного странника очень много проиграла бы, поведая нам ее не сам Северяныч в своей неторопливой, простодушной и расчужденной манере, чудесно оттеняющей неустойчивость происходящего. И конечно, никто, кроме самой воительницы Домны Платоновны, не смог бы так образно и смачно поведать о смешных и горьких злоключениях петербургской сводницы.

Лесков поднял на высоту серьезной литературы «святочный» рассказ, ютившийся до него на задворках прозы. Считалось, что единственная цель святочного рассказа—сперва испугать, а потом обрадовать благополучной концовкой малого или большого простодушного читателя в канун веселого и таинственного праздника рождества. Лесков подчинил святочный рассказ серьезным нравственным целям, ничуть не лишив его занимательности. Достаточно сказать, что «Пугало», с дивным описанием мелкопоместного быта и величественной фигурой хозяина постоянного двора, взявшего за себя дочь палача, святочный рассказ, как и другой шедевр Лескова—«Зверь».

Лесков насытил мощным драматизмом очерковый рассказ («Леди Макбет Мценского уезда»), возвысил рассказ-анекдот («Голос природы»), рассказ-фельетон («Совместители», «Дама и фефела») и рассказ-притчу («Скоморох Памфолон», «Прекрасная Аза»). Юмористический рассказ в русской литературе до Чехова считался вторым, даже третьим сортом—полагаю, что страшноватую юмористику Достоевского не стоит рассматривать в этом ряду,—но Лесков написал «Железную волю», очень смешной рассказ о некоем бодром чужеземце, приехавшем завоевать Русь, да подавившемся блином, и ввел Золушку во дворец.

Он вдохнул новую жизнь в роман-хроникер, показав, каким увлекательным, драматичным, игристым может быть этот вроде бы по самой природе вялый жанр: «Соборные», «Захудалый род», «Старые годы в селе Плодомасове»...

Но, конечно, главная заслуга Лескова в том, что на Растеряеву улицу российской словесности он привел таких героев, как Туберозов, Ахилка, Флятин, Голован, Левша, как тупейный художник или Доримедонт Рогожин—русский Дон Кихот,—праведников и богатырей. Не видны были до Лескова эти русские самоцветы, а без них, как говаривал питатель лесковского подопбья Андрей Платонов, «народ не полон...»

**ДОРОГОЙ ДРУГ!
«СМЕНА»
ОБЪЯВЛЯЕТ
КОНКУРС
СРЕДИ ЧИТАТЕЛЕЙ
НА САМОЕ
ИНТЕРЕСНОЕ
ПИСЬМО**

Тема письма свободная: это может быть отклик на материал, опубликованный в «Смене», или имеющее самостоятельное значение письмо-исповедь, письмо-раздумье, рассказ о собственной судьбе, о радостях или огорчениях в личной жизни; это может быть разговор о твоих ровесниках, их поисках и стремлениях, взаимоотношениях людей; это может быть рапорт о трудовых достижениях твоей бригады или тревожный сигнал о неполадках на производстве, о том, что мешает эффективному и качественному выполнению заданий десятой пятилетки.

Лучшие письма будут опубликованы на страницах «Смены». Победителям конкурса члены жюри присудят двадцать премий—годовую подписку на журнал «Смена». Письма можно присылать в течение года, однако поторопитесь, мы ждем ваших писем!

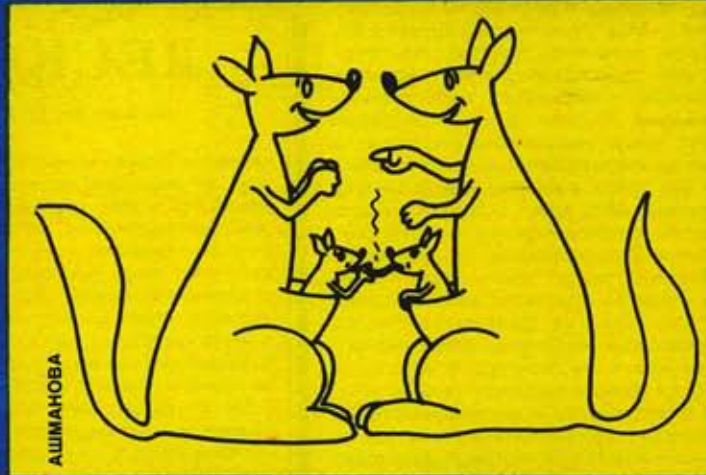
представления о реальности в соответствии с самой реальностью. Даже такое, скажем, привычное понятие, как «фантастика», здесь, в Институте генетики и цитологии, требовало существенных уточнений. То, что на опытной ферме живут звери немислимых расцветок, и даже не столько это, сколько тот факт, что эти звери в определенном смысле представляют уже островок искусственно созданной фауны,—это не фантастика. Это реальность. То, что можно «сделать» белую мышь, идентичную той, которую произвела на свет природа,—это тоже не фантастика. Чистой фантастикой, например, представляется возможность получить в Иркутской области урожай пшеницы по 60 центнеров с гектара. Но и это реальность! Во всяком случае, группа сибирских генетиков-селекционеров, которой руководит Ольга Ивановна Майстренко, вывела сорт пшеницы, которая на опытной участке в Иркутской области дала именно такой урожай с гектара... Вообще само по себе отношение ученых-генетиков к понятию «фантастика» весьма специфично: то, что уже сделано, то, что делается сегодня,—это реальность. Как бы ни ошеломляла она человека, непричастного к науке, но это реальность! То, что будет делаться завтра,—это фантастика. Не через пятьдесят лет, не через десять лет, а завтра—все равно фантастика! В самом этом отношении к настоящему и ближайшему будущему скрыта особенность современной науки: по теряться сроки. Все прогнозы развития генетики, которые крупнейшие ученые давали в пятидесятых годах, не подтвердились в сроках: почти на всех важнейших направлениях генетика развивается гораздо быстрее, чем предполагалось еще двадцать лет назад. Сейчас мало кто из специалистов решится прогнозировать даже близкое будущее. Веками человек накапливал знания, и, вероятно, существует некий порог накопления, за которым начинается этап самых неожиданных—в общем смысле фантастических—превращений. Несмотря на свою молодость, генетика—одна из тех наук, которая сейчас стоит перед таким порогом.

Ученик академика Д. К. Беляева двадцативосьмилетний кандидат наук, сотрудник лаборатории эволюционной генетики животных Анатолий Рувинский на мой вопрос, что ему сейчас представляется фантастической темой в исследованиях, немного подумав, сказал: «Проблема «молчащих» генов». Его дисциплинированный, еще не знающий усталости профессиональный ум исследователя, как мне показалось, не сразу перевел в какие-то привычные ему понятия сочетание «фантастическая тема». Но когда он начал говорить о существовании «молчащих» генов, о том, как хотелось бы узнать, какую они несут информацию, почему эта информация не реализуется, при каких условиях она может быть реализована и какие возможности скрыты природой в генетической системе,—когда он говорил об этом, я ощущал жгучий интерес исследователя, мечтающего подняться еще на одну ступень познания. И я понял, что мой термин «фантастическая тема» он принял чисто условно и что для него это никакая не фантастическая тема, а скорее программа дальнейшей, весьма интересной и перспективной работы.

Слушая Анатолия Рувинского, я думал о том, что всех ученых, с которыми мне здесь удалось побеседовать, независимо от того, к какому научному поколению они принадлежат и в какой области исследований проявляются их профессиональные интересы, объединяет очень четкое, ясное и прочное чувство своей позиции. Это было моим самым сильным ощущением, которое ученый секретарь института Людмила Кузьминична Антипова сформулировала просто и естественно в нескольких словах. «Работа всегда предметна,—сказала она,—и всегда есть что делать на тысячу лет вперед...»

Рисунок Евгения МИЛУТКИ

АШАНОВА

Рисунок Сергея ТЮНИНА

Рисунки Валеры

Рисунок Анатолия БУДИЛОВА

Рисунок Леонида ТИШКОВА

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

18 ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

В ВЫСШЕЙ ЛИГЕ

Напряженной спортивной борьбой изобиливали поединки гроссмейстеров и мастеров в последнем чемпионате СССР (высшая лига), с большим успехом проведенном в Ереване.

Немало интересных, содержательных партий сыграли участники этого соревнования, равнозначного по своему масштабу крупному международному турниру. Два ярких, запоминающихся фрагмента из творчества молодых лауреатов первенства страны предлагаем вниманию читателей «Смены».

Такая ситуация возникла после 23-го хода черных в партии

О. Романишина (у него были белые) с победителем недавнего мемориала Ефимов Геллером.

Несколько ранее белые с целью захвата инициативы смело пожертвовали пешку. Вскоре им удастся не только восстановить материальное равновесие, но и (что, безусловно, важнее!) проникнуть тяжелыми фигурами в неприятельский тыл.

24. Лa6—a8! Фd8—c7 25. Фf3—d5 Кe8—f6 26. Лa8-f8+ Се7:f8 27. Сс2:h7+ Кpg8:h7 28. Фd5:b5 Кph7—g8 29. Ле1—a1! d6—d5 30. Лa1—a7 Фс7—c4 31. Фb5—b8! d5—d4.

Ветеран предпринимает попытку энергичным маршем центральной проходной пешки создать встречные шансы. Однако контратака терпит неудачу из-за нехватки всего лишь одного темпа. Расчет молодого львовянина оказался предельно точным.

32. Се3—g5! Кf6—h7 33. Сg5—e7 d4—d3 34. Се7:f8 Кh7:f8 35. Лa7—a8 d3—d2 36. Фb8:f8+ Кpg8—h7 37. Фf8—h8+ Кph7—g6 38. Фh8—h5+ Кpg6—f6 39. Фh5—f5+, и черные пошли на капитуляцию.

А на этой диаграмме изображена позиция, сложившаяся после 18-го хода белых в партии Б. Гуль-

ко (у него черные) с мастером из Грозного Владимиром Дорошкевичем.

Эффектной и оригинальной комбинацией, связанной с жертвой пешки и двух (!) качества, молодой москвич завоевал победу.

18. ...Кf6—d5! 19. Кc3:d5 Фd8:d5 20. Сg5:e7 Лf8—d8! 21. Се7:d8 Лa8:d8 22. Фa3:a5 Сg7:b2 23. Cf1—c4 Фd5:c4! 24. Фa5:d8+ Кpg8—g7 25. Лa1—b1. В заключение ферзь черных во взаимодействии с парой своих слонов наносит неотразимый диагональный удар.

25. ...Сb2—c3+ 26. Кре1—d1 Фc4—a4+ 27. Кpd1—c1 Се6—f5!, и белые сдались.

ШЕСТОЙ ТУР

(Начало см. в №№ 18, 21 и 23, 1975 г. и 1, 2, 3, 1976 г.)

ЭТЮД—ВСЕГДА КРАСИВО!

Белые начинают и делают ничью (5 баллов).

КАК БЫ ВЫ СЫГРАЛИ?

Ход белых. Какая замаскированная комбинация приводит их к успеху? (5 баллов)

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ ЧЕМПИОНОВ?

Назовите шесть советских и одного зарубежного гроссмейстера, увенчанных мировой шахматной короной в 1948—1975 годах (1 балл).

Письма с ответами на задания шестого тура олимпиады следует посылать в адрес нашей редакции с 25 марта по 10 апреля с. г. (по штемпелю отправления).

Жюри нашей олимпиады сообщает читателям, что на первой диаграмме четвертого тура (см. № 2 «Смены») изображена не задача, а этюдный эндшпиль, в котором ход белых и требуется доказать, как должна завершиться борьба при наилучших действиях партнеров. На поле «d4» третья диаграмма, что очевидно из текста, стоит белый слон. Решение указанного этюда просим прислать отдельным письмом в марте—апреле с. г.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 19/1 1976 г. А 09725. Подписано к печати 3/II 1976 г. Формат 70×108/8. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 200 000 экз. Изд. № 512. Заказ № 1732. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Слова Геннадия СЕРЕБРЯКОВА и Владимира ФИРСОВА.

Музыка Юрия СТРЖЕЛИНСКОГО.

КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ

За страну молодую,
И в дыму и в огне,
Умирали ребята
На гражданской войне.
А за ними другие поднимались вослед,
Возле самого сердца—комсомольский билет.

Шла на первые стройки,
Словно в бой, молодежь.
Вел упрямых и стойких
Звонкий лозунг: «Даешь!»
А за ними другие поднимались вослед,
Возле самого сердца—комсомольский билет.

Как наследство, держава
Нам вручает с тобой
И солдатскую славу
И порыв трудовой.
Вновь гудит в наших душах эхо яростных лет.
Возле самого сердца—комсомольский билет.

В сорок первом в атаке,
Сквозь крутые снега,
Шли ребята на танки,
Сокрушая врага.
А за ними другие поднимались вослед,
Возле самого сердца—комсомольский билет.

Дел, как пламя, горячих
Хватит в жизни и нам,
Уезжали ребята
На КамАЗ и на БАМ,
А за ними другие поднимались вослед,
Возле самого сердца—комсомольский билет.

В авангарде шагнувших
Не забудет народ,
Комсомольского стажа
Даже смерть не прервет...
Мы проходим по жизни за отцами вослед,
Возле самого сердца—комсомольский билет.

КРОССВОРД

Составила Л. АЛЕКСАНДРОВА,
г. Воронеж

По горизонтали:

- Сочетание стихотворных строк.
- Пушной зверек.
- Синтетическое волокно.
- Драгоценный камень.
- Балет С. Н. Василенко.
- Крупа.
- Горная порода, употребляемая для скульптурных и архитектурных работ.
- Разновидность конопли.
- Частицы, образующиеся при обработке дерева, металла.
- Небесное тело.
- Персонаж оперы Д. Верди «Аида».
- Большое искусство в какой-либо области.
- Остров в Индийском океане.
- Высокий детский голос.
- Театральное действие, цирковое представление.
- Условный знак для передачи сообщения, команды.
- Гора на Южном Урале.
- Весенний цветок.
- Поэма О. Туманяна.
- Спортсменка.
- Музыкальный инструмент.
- Балет А. Адана.
- Горячая обработка металлов.
- Химический элемент.

По вертикали:

- Удовольствие, радость.
- Выпускаемые изделия, товары.
- Морское беспозвоночное, полип.
- Сорт яблок.
- Соратница В. И. Ленина, Герой Социалистического Труда.
- Русская народная песня.
- Персонаж драмы М. Ю. Лермонтова «Маскарад».
- Партизанка, Герой Советского Союза.
- Популярная русская актриса.
- Русский математик, первая женщина-профессор.
- Массовые состязания в различных видах физических упражнений.
- Аппарат для регулирования электрического тока.
- Яркая звезда в созвездии Скорпиона.
- Торгово-ремесленная часть древнерусских городов.
- Народная писательница Латвии.
- Композитор, лауреат премии Ленинского комсомола.
- Русская народная сказка.
- Представительница народности Южной Африки.
- Союзная советская республика.
- Минеральная вода.
- Роман М. Горького.
- Представитель основного населения автономной советской республики.

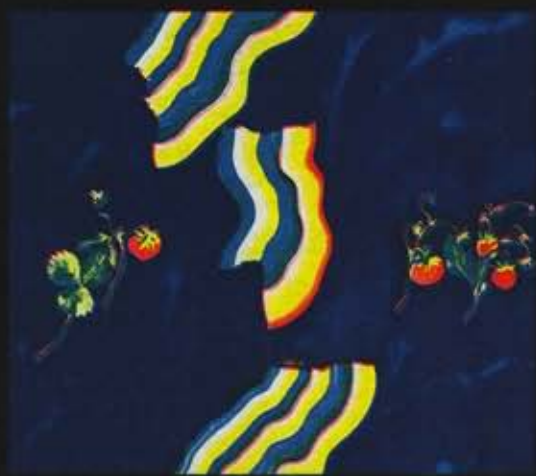
ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 4

По горизонтали:

- Показатель.
- Араго.
- Драга.
- «Поединок».
- Токката.
- Отрезок.
- Иттрий.
- «Калхас».
- Анкета.
- Автомобилестроение.
- Гудрон.
- Неруда.
- Солоист.
- Окарина.
- Обаяние.
- Сангилен.
- Флокс.
- «Юдифь».
- Калабланка.

По вертикали:

- Волопас.
- Разведка.
- Страница.
- Гладков.
- Казахи.
- Байрон.
- Контрапункт.
- Достоевский.
- Ротор.
- Йемен.
- Кабан.
- Сетка.
- Анонс.
- Канал.
- Очиток.
- Еланская.
- Дубликат.
- Опарин.
- Рассказ.
- Моношко.

цветы и радуги малле лейс

Едва ли не в каждой работе молодой эстонской художницы Малле Лейс ощутима звенящая нота романтической поэзии. Чаще всего на ее полотнах и графических листах — полевые цветы, искрящиеся радуги... Малле активно применяет условный, равномерно окрашенный фон, интенсивные краски, масштабные диспропорции. Все это помогает максимально обострить восприятие зрителя, настроить его на особенный, возвышенный лад...

Человек тоже попадает в поле зрения художницы, но, как правило, в окружении цветов и радуг, как органическое порождение этого сказочно-прекрасного мира.

Искусство XX века знает не одного художника, стремившегося доставить своему зрителю радость, подарить ему ощущение покоя и личной причастности ко всему доброму, что только есть на свете. Этим настроением проникнуто и творчество Малле Лейс.

Живопись ее глубоко национальна, она развивается в русле общих тенденций эстонского искусства последнего десятилетия, стремящегося к отточенной четкости и строгости эмоциональных акцентов. При этом стиль Малле подкупает не только величайшей искусностью в самых сложных живописных законах, но и особой, я бы сказал, детской свежестью и непосредственностью. Поэтому, увидев однажды картины Малле, их сразу выделит потом на любой, сколь угодно обширной выставке. Кстати, выставок с участием молодого автора было уже около полусотни, в том числе всесоюзные и зарубежные.

Алексей КОРЗУХИН

